

Мелинда Салисбери

Королева-пугало

vk.com/kurotranslations

Финальное сражение близко...

Спящий Принц угрожает Лормере и Трегеллану, а отчаявшиеся мятежники пытаются бороться с ним. Твайла и Эррин разделены, одиноки, у них осталось мало времени.

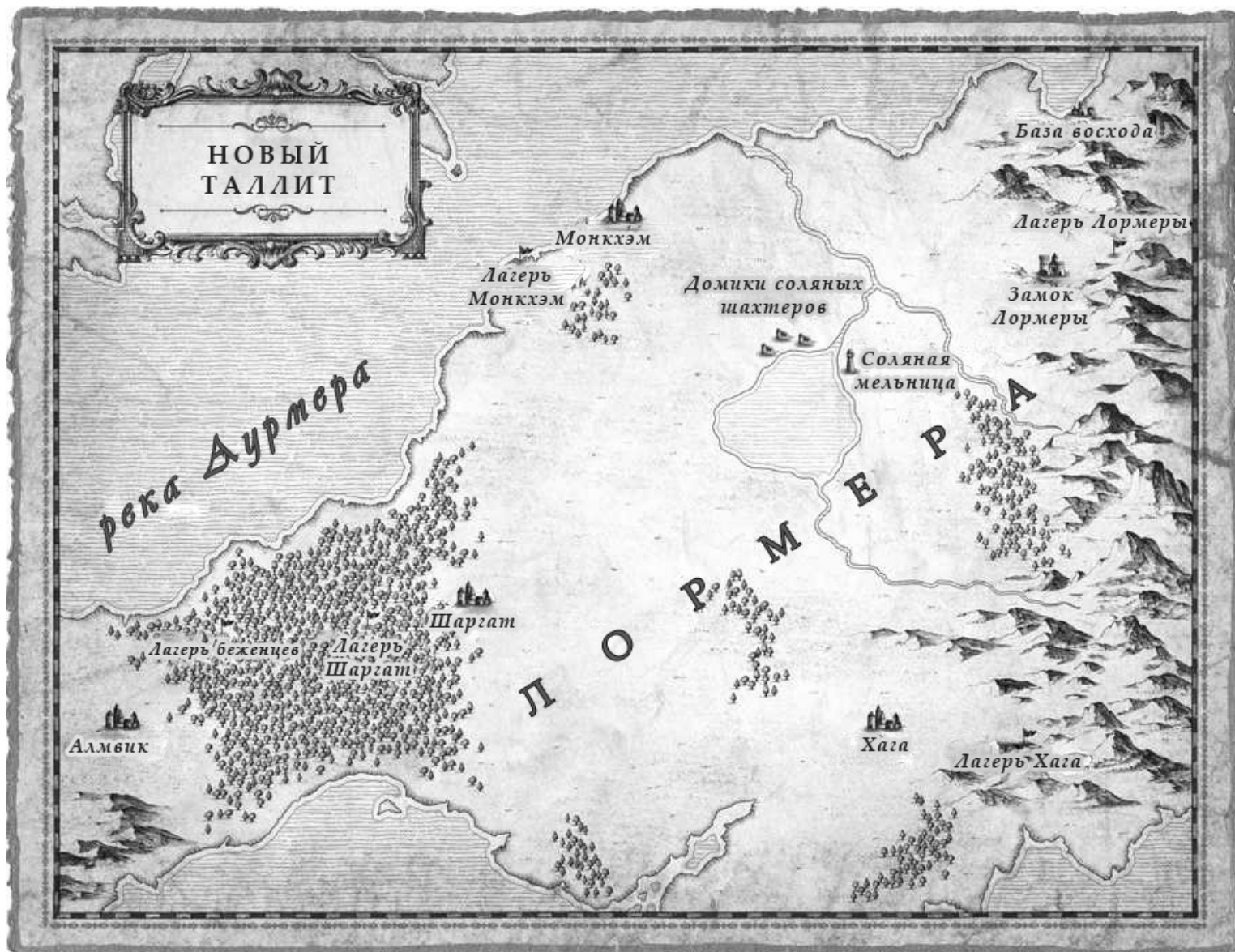
Последняя схватка все ближе, и Аурек не остановится, пока не заберет себе трон навеки...

Мелинда Салисбери «Королева-пугало» («Дочь Пожирательницы грехов» — 3) Перевод: Kuromiya Ren

Моей лучшей подруге, Эмили Лайонс

Пам, пам, пам

Бог не любит счастливых детей.

Башня Чести

Аптекарша сидела на коленях принца. Ее руки были в его волосах, пальцы старательно плели из шелковых прядей косички. Ей хотелось привязать к кончикам косичек колокольчики. Серебряные колокольчики на серебряных прядях. Его волосы напоминали ей воду, текущий холодный ручей на ее ладонях. Глаза принца были закрыты, пока она работала, белые ресницы задевали щеки, на полных губах была улыбка, он дышал глубоко и ровно. Ее костяшки задели его шею, и низкий звук зазвучал в его горле: урчание или даже рычание. Девушка сглотнула.

Танцующий свет свечей превращал глаза принца в топазы, когда он открыл их и посмотрел на аптекаршу. Она ощутила, как что-то шевелится внутри нее: змея собирает кольца и выжидает.

Она ощутила предупреждающую дрожь. Принц поднял руку, и она вздрогнула, но он лишь отклонил ее голову за подбородок, улыбнувшись шире.

— Навевает старые воспоминания, прелесть. Я часто позволял девушкам делать такое, когда был в Таллите, — сказал он. Его голос был музыкальным, успокаивал, он говорил, а аптекарша продолжила плести. — Я очень любил купаться, и девушки заплетали мне волосы, чтобы на них не попала вода. В Башне Чести целый нижний этаж занимала большая ванна, вырезанная из мрамора, она была глубиной в два моих роста. Мы порой даже собирались там, когда принимали важных гостей. Вода там была из источника под землей. Пахла вода немного странно, серой, но не неприятно. Хотя от нее наши с сестрой волосы обретали желтый оттенок, если мы ныряли туда.

Он замолчал, склонился и поднес к губам бокал вина. Он не предложил напиток девушке, осушил бокал и бросил его на пол, улыбнулся ей губами, приобретшими лиловый оттенок.

— Подозреваю, что озеро с такими же свойствами есть здесь в горах. Может, я покажу тебе его, когда потеплеет. Ты сможешь заплести там мои волосы, и мы поплаваем вместе. Если будешь хорошо себя вести.

Пальцы аптекарши искусно плели волосы принца, годы собирания листьев и щепоток порошков сделали движения уверенными. Но в комнате было холодно, каменные стены были голыми, а огонек в камине — маленьким. Когда она выдыхала, ее дыхание задерживалось в воздухе перед ней, а тупая боль в костях не пропадала. Принц, похоже, не ощущал холод, но девушка его чувствовала. Здесь было холоднее, чем на ее родной земле. Ее руки дрожали, принц притянул ее ближе, глядя ее спину. Теплее от этого не стало, в его теле, казалось, не было тепла.

— А на втором этаже были личные ванные, — тихо продолжил принц. — Для тех, кто хотел уединения. Я тебе рассказывал о башнях замка в Таллите? — принц даже не сделал паузу для ответа девушки. — Их было семь. Каждая была названа в честь добродетели. Моей была Башня любви. Может, стоит дать названия башням здесь в честь тех башен. Как думаешь? — он погладил ее щеку, и девушка стиснула зубы. — О, Эррин... — начал он.

Но его перебил стук в дверь.

— Войдите, — крикнул он.

Слуга с темными волосами с сединой и с серым лицом открыл дверь. Как и девушке, ему было холодно, он был в плаще с меховым подбоем даже внутри замка. Безразличные

голубые глаза скользнули по аптекарше, уделяя ей не больше внимания, чем мебели в комнате, а потом он поклонился принцу.

— Ну? — сказал принц.

— Пришла весть от Серебряного рыцаря, повелитель, — сказал слуга, не поднимая голову. Он вытащил свиток с печатью из плаща.

Принц протянул руку, и тогда слуга приподнял голову, чтобы шагнуть вперед и отдать послание. Принц прогнал его взмахом руки, получив свиток и сломав печать.

Аптекарша попыталась заглянуть в послание ее брата принцу. Но он подвинул пергамент так, чтобы она не видела.

Девушка все еще плела из его волос, до которых могла дотянуться со своего места. Ее пальцы онемели от холода и повторяющихся движений, но она не могла остановиться.

Без предупреждения принц радостно вскрикнул и сбросил аптекаршу на пол у своего кресла. Он перешагнул ее и обернулся на миг.

— Твой брат — чудо, прелесть моя. Просто чудо, — а потом он сказал слуге. — Пусть кто-нибудь подготовит мне лошадь и четверых человек. Мы едем в Лортуну.

Он вышел из комнаты, слуга поспешил за ним, оставив девушку там, куда она упала, на боку, оцарапав о шершавый каменный пол левую щеку и ухо. Она упала неудачно, одна рука оказалась под ней, колено прижималось к ножке кресла. Она ощущала, что ее пальцы все еще двигаются, хоть и прижатые ее весом. Все еще ищут невидимые пряди волос цвета лунного света, все еще пытаются переплести их. Если бы она могла вплести в его волосы колокольчики, то услышала бы, как он идет. Была бы предупреждена.

Но это ей не помогло бы.

Шли часы, а принц не возвращался. Мочевой пузырь девушки наполнился, причиняя ей боль. Ноги и руки сводило судорогами и отпускало. Она ощущала, как от падения на теле проступают синяки, губы и кожа под ногтями синели от холода. Слезы невольно текли из ее глаз, собираясь в лужицу под ее ухом, а когда огонек в камине угас, ее тело почти сразу же начало дрожать. В комнате стало темнее, свет дня померк.

И все это время ее пальцы работали, плели и плели, хотя волос не было.

Наконец, давление на ее мочевой пузырь оказалось таким сильным, что она обмочила себя и землю под собой. На один ужасный миг стало теплее, но вскоре лужа остыла тоже, пропитывая ее тонкое платье. Она начала думать, что умрет здесь.

Но тут принц вернулся.

Он взглянул на девушку, вскинув брови. На миг он растерялся, а потом понимание сгладило выражение его лица. Он прошел мимо аптекарши к столу у кресла. Он поднял маленькую глиняную куклу с прядью каштановых волос, две зеленые стеклянные бусины были вместо глаз. На талии куклы была полоска бумаги, и принц убрал ее.

Девушка тут же смогла двигаться. Она ощутила, как сверхъестественная хватка на теле исчезла, и перекатилась на спину.

Принц стоял над ней, на красивом лице было вырезано отвращение.

— Ты обмочилась? Зверек, меня не было всего пару часов.

Девушка не ответила, и он ткнул ее в плечо носком сапога.

— Я с тобой разговариваю. Отвечай, — она этого не сделала, и он ударил ее сильнее. — Ты ужасна.

Он позвал слугу забрать ее, мужчина вошел в комнату, но был уже не тем, что приходил раньше. Его плечи были опущены, взгляд темных глаз не отрывался от пола, все в нем

просило не обращать внимания. Принц едва взглянул на него, потребовав, чтобы аптекаршу убрали с глаз долой, и чтобы кто-нибудь убрал за ней. Слуга промолчал, не дрогнув, помогая девушке подняться на ноги. Он мог быть тоже одним из глиняных творений принца, поскольку не выражал никаких эмоций, уводя из комнаты принца плачущую мокрую девушку.

Принц проводил их взглядом, опустившись в кресло. Он взглянул на куклу девушки, что еще была в его руке. Он резко оскалился и сломал куклу в руке, бросил ее на пол. Но, сделав это, он склонился к обломкам. Он вытащил из них прядь волос и стеклянные бусины и отложил в сторону. А потом его пальцы задвигались ловко, творя из глины куклу девушки. Он обернул волосами ее голову, вставил глаза и, поднявшись, вышел из комнаты.

Он обнаружил аптекаршу и слугу у дверей башни, что выделил для нее, они собирались подняться по лестнице. Слуга отпрянул, услышав его шаги, и девушка пошатнулась. Она успела обернуться и увидеть, как принц заносит нож над ее рукой. Он порезал ее ладонь, выждал секунду, чтобы полилась кровь, и прижал куклу к ране.

Девушка закричала и попыталась отпрянуть, но было поздно. Глина поглотила ее кровь. Она смотрела, как принц прокалывает тем же ножом свой палец и позволяет капли своей крови упасть на куклу-симулякр. Она тоже впиталась, и принц улыбнулся. Он погладил глиняную куколку и осторожно опустил в карман. А потом без слов развернулся и ушел, оставив плачущую девушку с кровью на руке и слугу, смотревшего ему вслед.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Твайла

Глава 1:

Слева от ниши, где я все еще пряталась, на пол капала вода. Кроме этого ритмичного звука, храм из костей был тихим. Я насчитала три тысячи капель, когда услышала что-то из коридора. Я напряглась, уже затекшие мышцы болели, и я попыталась уловить другой звук: приглушенные шаги, тихое дыхание, шелест ткани. Время тянулось медленно, и я задерживала дыхание, пока легкие не горели.

Я услышала стук, за ним другой, а потом шорох, и я выдохнула, закружилась голова. Я знала эти звуки: еще больше обломков падали с потолка. Только этого должно было хватить, чтобы я двигалась, ведь крыша могла обвалиться на меня. Эхо шагов давно утихло, лампы на стенах догорали. Мне нужно было идти.

Я снова начала считать.

Когда я досчитала до четвертой тысячи, я попробовала переместить вес. Ногу тут же свело судорогой, и я принялась разминать ее, зажмурив от боли глаза. Когда я открыла их, в комнате словно стало темнее, и я выглянула в трещину в ширме, скрывающей меня, пытаюсь понять, погасли ли факелы. В эту щель я видела, как Эррин кричала на Спящего принца, видела, как она смотрела ему в глаза и врала. Я видела, как он погладил ее, склонил голову к волосам и вдохнул ее запах, угрожал убить ее, а она держалась. И даже когда она опустилась на колени, она сделала это так, словно оказывала услугу, а не слушалась. Не знаю, пряталась бы Эррин, если бы была на моем месте. Я не представляла, как она осталась бы сидеть в нише, заткнув кулаком рот, ощущая на языке вкус своей крови.

Нет. Она бы не пряталась. Даже если бы она согласилась прятаться, она все равно вышла бы и вступила в бой. Она не могла бы скрываться. А если бы и смогла, то только представив большую картину, чтобы упустить этот момент. Она бы пошла за ними, слушала бы их план. Но точно не сидела бы здесь, считая капли воды.

Я думала, что оставила трусость в Лормере.

Как и чувства к Лифу. Я видела лишь холодный взгляд его глаз, когда он сказал мне прятаться. Он выдал слова, словно оплачивал мне долг. Он назвал то, что было, дружбой...

Я отогнала мысли, стиснув зубы, сжав кулаки. Я знала, какой он, знала, что он со мной сделал, с Мереком и Лормерой. Со своей сестрой, пока я смотрела. Но я ощутила радость, увидев его. Я забыла обо всем, о смерти, боли, я помнил, как он пах, когда я прижималась лицом к его шее, его мышцы под моими пальцами на его спине. Его волосы, упавшие на мое лицо. Вкус его губ. И хотя прошли месяцы, ничего словно не изменилось.

Одно мое имя на его губах опустило меня на колени. О, как же я хотела ненавидеть его. Нет, даже не так. Я хотела ничего не чувствовать, думая о нем. Я хотела, чтобы он был для меня чужим.

«Хватит, Твайла, — сказала я себе, пытаюсь выгнать его из сердца. — Иди уже».

А потом один из факелов угас, добавив тени в комнату, и я поняла, что скоро потухнут и остальные. И при мысли, что я останусь тут одна, глубоко под землей, в темноте, окруженная мертвыми, я выпрямилась и шагнула дрожащими ногами. Но все равно замерла, пытаюсь увидеть в темноте признаки жизни.

Первый шаг в тишине был грохотом. Хруст костей и дерева под моей ногой отразился эхом по храму вокруг меня. В тенях что-то упало, волоски на моей шее встали дыбом. И тут потух еще один факел, и я побежала, подобрав юбки, спотыкаясь о ребра и прочие кости, боясь остаться здесь во тьме.

Я оттолкнула занавеску, прошла в коридор и споткнулась обо что-то большое и мягкое, полетела вперед, выставив руки, чтобы остановить падение. Руки покалывало от столкновения с камнем, я громко выругалась и вскочила на ноги.

И я увидела фигуру, лежащую лицом вниз, белые волосы с одной стороны были окровавлены. Я не видела, мужчина это или женщина, пока не присела и не прижала пальцы к ее шее. Я тут же поняла по холоду и неподатливой коже, что она мертва. Когда я осторожно перекатила ее, то увидела только рану на левом виске, небольшую, казалось, этого мало, чтобы убить. Но она погибла, ее золотые глаза были пустыми, рот — открытым, вся жизнь ушла из нее. Я закрыла ее глаза и рот, скрестила руки на груди.

Я видела в жизни много мертвых людей, и я знала душой, что увижу еще больше за эту ночь.

Следующие два часа моя жизнь была ближе всего к аду. Коридоры Конклава были запутанными, не было отметок или знаков, чтобы понять, где я, куда мне идти. Сначала я шла осторожно, все еще ощущая страх, который продержал меня в храме костей так долго, но с каждым тупиком и неправильным поворотом паника становилась все сильнее, я боялась, что никогда не найду выхода, что я умру здесь в темноте. Я бежала, уклоняясь от препятствий, перелезая через сломанную мебель.

Я спотыкалась о тела, мои вскрики эхом отражались от стен, преследуя меня. Я понимала, что я одна здесь. Я шумела достаточно, чтобы выдать себя, но не могла перестать. Я плакала и вскрикивала, ведь натыкалась только на трупы, избитые, изломанные,

раздавленные. Одежда была разорвана на телах, открывая грудь и животы, но хозяев разглядеть не удавалось. Конечности были выгнуты, а порой их не было вообще. Пошады здесь не было.

«Я в огромной могиле, — подумала я и рассмеялась, а потом зажала рот руками. Но желание смеяться осталось, бурлило во мне, хоть я и говорила себе, что это не смешно. — Это истерика», — поняла я, но это ничего не означало. Я шла дальше.

Через какое-то время я перестала бежать, а шла по коридорам в сонном состоянии. Я миновала комнаты, усеянные вырванными страницами книг, осколками стекла и фарфора, пересекала пещеры, где пахло серой и травами, и тем, что лежало на земле, раздавленное сапогами. Матрасы были изорваны, шкафы с книгами — перевернуты. Как и Трмейн наверху, Конклав был разрушен.

Я миновала еще больше тел: алхимики со светлыми волосами, обычные мужчины, женщины и даже дети, и теперь я останавливалась у каждого, проверяла, что они мертвы, а потом закрывала им глаза и рты, если они были открыты, поправляла конечности, если они не лежали ровно.

Такая смерть была для меня новой. Трупы, что я видела раньше, лежали ровно, причесанные, в лучшей одежде, порой даже украшенные пудрой. Они лежали и ждали, чтобы их отпустили. Здесь все было иначе.

Я поправляла одежду. Я убирала волосы со лбов. Я не находила выживших.

Я ощущала себя призраком, валькирией, идущей по полю боя, считающей мертвых. Многие были пронзены мечами, многим разрезали горло, и мои мысли пытались вернуться к Лифу в серебряном доспехе с мечом на боку. Были ли эти жизни на его совести?

Ужасно, но тела вскоре начали направлять меня. Через какое-то время я начала понимать, где я была, а где — нет, по их виду. Если я видела, что за ними поухаживали, я разворачивалась и шла в другую сторону, если нет, то шла дальше. Мертвые стали моей картой.

Так они привели меня к матери, как и было всегда. Она всегда была среди мертвых.

Пожирательница грехов Лормеры лежала в центре главного зала с тремя трупами неподалеку. Странно онемев, я не сразу подошла к ней, уделив внимание остальным. Здесь не было сестры Надежды, как и Нии или сестры Смелость, и это позволило мне надеяться, что хоть они сбежали. Но одна из сестер пала, сестра Мир, меч лежал рядом с ней. Я поправила ее тело и два других, все умерли, чтобы мы с Эррин смогли бежать. Я постаралась обработать их как можно лучше, вытерла с их лиц кровь, отряхнула одежду.

И только потом я подошла к своей матери.

Я слышала, как на Пожираниях люди говорили, что мертвые кажутся меньше, чем при жизни, что они выглядят так, словно спят. Но я не видела этого, глядя на свою мать. Я выросла в этом теле, вышла из него. Оно породило меня. И теперь оно было пустым. Точно было пустым.

Она лежала на груди, и я перевернула ее, мне стало не по себе от стука плоти, последовавшего при этом. Хорошо, что ее глаза были закрыты. Как и у первого найденного тела, у нее была крохотная ранка на боку головы. Ее темные волосы блестели, и я нежно погладила их. Я никогда не видела свои черты в лице матери, не видела и теперь, не замечала себя в ее сильном носе, ее губах, похожих на бутон розы. На ее коже не было веснушек, ее глаза были закрыты. Я видела, чем на нее была похожа моя сестра Мэрил, тот же изгиб губ, маленькие ручки. Но не я. словно я была подменьшем. На миг я подумала, где

мои братья, живы ли они, есть ли им дело до правления Спящего принца. Расстроятся ли они из-за смерти нашей матери? Но она отвергла их. Как и меня. Но меня хоть можно было использовать. У меня была цель.

Прошло меньше дня с момента, когда я стояла в этой комнате и клялась бороться со Спящим принцем. Тогда я была такой уверенной, рядом со мной были Эррин и Сайлас, мой гнев был праведным. Тогда все казалось возможным, простым. Сайлас мог обучить алхимиков и их родственников сражаться, мы пошли бы в Лормеру и победили бы Спящего принца. Я думала, что мы будем похожи на мстящую армию, как из сказки. Я представила, как люди хором кричат, и то, что они на стороне добра, обеспечило бы нам победу.

А потом пришел Аурек с моим любовником и доказал, что я не только осталась трусихой, но и все еще была наивной глупой дурочкой. А я хотела спасти нас от Спящего принца.

Я распустила волосы матери и разложила вокруг ее плеч. Я скрестила ее руки на груди, расправила одеяние. Но я чувствовала, что чего-то не хватает, что-то я забыла сделать. Зуд не проходил. Долг не был оплачен.

А потом я увидела стол, хлеб и графин с элем, которые чудом уцелели после боя, словно для этого момента. Я знала, что мне нужно делать.

Я принесла со стола хлеб и эль и поставила рядом с матерью, подняла чашку, лежащую неподалеку, и наполнила элем.

Я начала Пожирание.

Хлеб был белым, хорошим, отличался от того, что я ела в замке Лормеры, и в этом были маленькие семена, похожие на вкус на лакрицу, когда я разжевывала их. Они застревали в зубах, и я прерывалась, чтобы убрать их. При этом я вспоминала грехи матери.

Гордость была точно. Немного тщеславия. Похоть? Возможно, ведь, кроме близнецов, у всех нас были разные отцы. Хотя было сложно представить маму, ищущую мужчину, было сложно представить ее с чем-то, кроме ее роли, и я всегда думала, что мы у нее есть только из долга. Теперь я уже не узнаю правду. Не смогу спросить. Я прогнала эту мысль и сосредоточилась на грехах. Порой она гневалась. Порой была недоброжелательной.

Но я не могла сосредоточиться. Мысли возвращали меня к разговору до нападения. Как она сказала, что пыталась спасти Мэрил единственным известным ей способом. Как она боялась отказать королеве, пришедшей за мной. Как она сказала, что любила меня, как могла.

Хлеб застрял в горле, и мне пришлось сделать глоток эля, чтобы комок скользнул дальше.

Я не исполняла Пожирание правильно, я не взвешивала каждый грех, принимая его на себя. Так Пожирание не делалось.

Я опустила чашку с элем и склонилась, чтобы поцеловать холодный лоб матери.

— Спокойной ночи, — тихо сказала я. — Я дарю вам свободу и отдых, милая леди. Не возвращайтесь на наши поля и луга. И для умиротворения я... — я не могла выдавить эти слова. Не могла. Я села на пятки и закрыла глаза, глубоко дыша.

Я устала забирать себе чужие грехи.

Я устала убегать от всего.

Я хотела быть как Эррин. Как Ниа. Как Сестра Надежда. Я хотела быть девушкой, сразившейся с големом, ударявшей руками по столу и говорившей залу, полному сильных женщин, что я буду сражаться до конца.

Я выжила при дворе Лормеры. Я пережила путь в Скаррон. Я выжила во время нападения Спящего принца на Конклав. Я была выжившей.

А потом я заговорила, и слова лились из глубины души.

— Я дарю вам свободу и отдых, милая леди. Не возвращайтесь на наши поля и луга. И для вашего умиротворения я заставлю Аурика уснуть. Ради блага. Это я сделаю для вашей души. Это я сделаю для своей души.

Медленные хлопки донеслись с порога, я сбила чашку с элем, вскакивая на ноги. Ниа стояла там с кровью и синяками на темной коже, но живая. Я бросилась к ней и обняла как можно крепче. К моему удивлению, она обняла меня не менее крепко, мы цеплялись друг за друга, и я радовалась, пока она не отпустила меня.

— Я думала, что здесь осталась только я. Ты одна? — спросила я, и она покачала головой.

— Сестра Надежда выжила, она над землей. Они прячутся за стенами города в заброшенном сарае.

— Они? Кто еще с ней?

— Сестра Смелость, но она ранена. И еще несколько смогли выбраться.

— Сайлас? — спросила я, Ниа покачала головой, и страх расцвел внутри меня. Я должна была тоже кое-что ей сказать. — Эррин забрали.

Ниа стиснула зубы.

— Он забрал всех алхимиков, которых не убил. Мы должны спасти их. Мы не можем оставить Сайласа и Эррин с ним. Или Катю, — ее голос дрогнул на имени ее жены.

— Мы спасем их, — пообещала я. — Мы вернем их. И остановим его, Спящего принца. Мы его остановим.

— Как? — она смотрела на меня огромными глазами без надежды.

— Отведи меня к Сестре Надежде. Там мы поговорим.

Она кивнула и повернулась, и я пошла за ней. А потом остановилась и вернулась к сестре Мир. Я подобрала меч, лежавший рядом с ней, и взвесила его в руке, ощутила меч. Он оказался тяжелее, чем я думала, и я обхватила рукоять обеими руками. Я осторожно взмахнула им, чуть не упала, ощутила себя глупо. Но я не опустила меч. Если Сестра могла держать его, использовать его, то и я смогу. Я сунула меч за пояс и окинула комнату взглядом.

Я кивнула матери, словно она могла меня видеть, и пошла за Нией. Мой новый меч постукивал по бедру. Это ощущение мне понравилось.

Глава 2:

Мы быстро шли по коридорам. Ниа смотрела только вперед, я не видела, чтобы она хоть раз взглянула на тела павших, хотя она должна была знать их. Я вспомнила Эррин в Трмейне, она тоже не смотрела на мертвых. Они были из мира, где мертвые не были частью жизни.

— Я пыталась придать им надлежащий вид, но не стоит нам сделать больше? — спросила я, пока мы шли мимо тел.

— Они уже погребены, — сухо сказала Ниа. — Это их могила.

Мы шли в тишине, перешагивая лужи крови и брошенные вещи, пока я не ощутила, что

земля под ногами начинает подниматься, и мы добрались до вырезанных в камне ступеней. Я помнила их. Вскоре мы прошли двери, и Ниа решительно закрыла их за нами. Когда мы миновали последнюю дверь, она закрыла ее, уперлась в ее руками и, стоя спиной ко мне, склонила голову.

— Мы никогда не вернемся. Жаль только, — тихо и напряженно говорила она, — что придется оставить с ними его людей, — я осторожно сжала ее плеч, и она обернулась. — Ты понимаешь, о чем я.

Она была права. Ухаживая за мертвыми, я обходила тех, кого считала врагом, оставляя их лежать, как были. Я судила их, отказывалась касаться их. Пожирательница грехов так не сделала бы, она бы исполнила свой долг.

Но я была не такой.

— Да, — сказала я Ние. — И я надеюсь, что их души, если они у них были, никогда не найдут покоя из-за их поступков.

Когда мы вышли на улицу, я с потрясением увидела свет дня, солнце в небе было низко, а я почему-то думала, что снаружи еще ночь. После долгого пребывания в полумраке подземелья свет окрашивал все в синеватый оттенок, и я потеряла глаза, черные точки вспыхивали перед ними, пока они привыкали к свету.

— Мы в безопасности? — спросила я, быстро моргая. — Люди Аурика ушли?

Ниа пожала плечами.

— Я не видела тут признаков жизни, пока шла. Если тут кто и есть, мы скоро узнаем, — хотя ее слова звучали храбро, она озиралась, пальцы приближались к ножам на ее поясе. — Он забрал Сайласа и алхимиков в замок Лормеры, — она сделала паузу. — Где ты пряталась?

— В храме из костей.

— Они ведь заглядывали туда?

Я кивнула.

— Эррин сказала им, что я уже убежала.

— И они поверили ей?

— Видимо, так. Мне... повезло, — что-то не давало мне сказать ей, что это Лиф предложил мне спрятаться, что он прикрыл меня. Пока что. Но, судя по ее прищуренному взгляду, у меня создалось неприятное впечатление, что она знает, что я рассказала не все. — Здесь глупо оставаться. Идем, — сказала я, пока она не задала больше вопросов, и пошла по улице, следя за тенями, ожидая движения.

Она пошла рядом со мной, оставаясь близко, мы вместе вздрагивали от малейшего шума: падающей с домов штукатурки, кота, шуршащего среди мусора, шороха крыльев наверху. Легкие уже казались наполненными, хотя я едва дышала. Ниа рядом со мной молчала, призраком шла среди пыли и обломков, она была мрачной и хмурилась.

Ее слова, когда она заговорила, удивили меня.

— Ты забавно разговариваешь.

— Я... что? — я моргнула. — Ну, я из Лормеры.

— Сайлас тоже. Он не разговаривает, как ты.

— Я выросла при дворе. Они все делали необычно, как и говорили, так что я, наверное, переняла что-то у них. Я родилась обычной. Я не всегда так говорила.

Она через миг кивнула.

— Мои братья всегда говорят, что я звучу иначе, когда они возвращаются. Я об этом

раньше не думала. Приходится делать то, что должен, чтобы подходить к месту, в котором находишься.

— Точно, — сказала я. — Кстати, ты так и не сказала мне, куда мы идем.

— На ферму в трех милях отсюда, Притвеллов...

— Да... знаю. Мы проходили ее по пути сюда. Она горела.

— Один из сараев более-менее уцелел. Сестра Надежда и остальные ждут нас там.

— Как много выбралось? — спросила я.

Она помрачнела.

— Пять алхимиков, трое обычных, включая меня. Все Сестры, кроме Сестры Мир.

Одиннадцать человек. Я вспомнила тела, за которыми ухаживала, вспомнила, как много людей было в главном зале, когда мы впервые пришли туда. Сбежало меньше четверти.

— Завтра отправимся в Трессалин. Или послезавтра, — продолжила Ниа, мы шли по извилистым улочкам. — Там будет безопасно.

Я невольно смотрела на развалины вокруг нас. Стены Тремейна никого не защитили. Она, словно услышав мои мысли, ответила:

— Трессалин похож на крепость. Стены города, а за ними замок с высокими стенами и рвом... Там Совет, и я уверена, там есть солдаты. Конечно, они повысят защиту, как только узнают, что случилось здесь, — она с горечью улыбнулась.

Когда мы вышли на городскую площадь, Ниа пошла к развалинам высокого здания напротив нас, глядя туда, а не направо или налево.

А я смотрела. Не сдержалась. При свете все выглядело хуже, зияющие дыры в магазинах смотрелись как рот, в котором выбили часть зубов. Задержавшийся дым лениво завивался над крышами. Ворона опустилась на останки голема, которого я сбила, и с любопытством посмотрела на меня, другие ходили среди разбросанной одежды, которую словно оставили в спешке молодожены. Здания были снесены, разрушены намеренно. Спящий принц не хотел, чтобы Тремейн остался стоять после того, как он побывал в нем, потому что он знал или догадывался, что Конклав здесь. Так он наказал город за то, что здесь укрылись его потомки, или так он делал всюду?

И Лиф слушался его. А ведь это был его дом. Он вырос здесь. Как он мог снести тут все позволить големам и так называемым солдатам делать то, что тут творилось?

Ниа остановилась перед позолоченным зданием и ждала, пока я догоню. Я посмотрела на черную дыру на пороге, двери видно не было, как и пропала табличка, висевшая над крыльцом.

— Это... была аптека, — сказала Ниа. — Увидишь инструменты — котелки, ложки, ножи, бинты — забирай их. И все тексты, связанные с алхимией. Нам нужна еда, главное — вода, а еще плащи. Не трогай травы и порошки. Это оставь мне.

Я замешкалась, и она взяла меня за руку.

— Сестра Смелость сильно ранена. Ей нужна помощь. А у нас ничего нет. Дс Трессалина путь долгий и холодный, — и она ушла внутрь.

Я тут же безошибочно ощутила запах тела: металлический, кислый и заглушающий все. Ниа застыла передо мной, я проследила за ее взглядом на мертвого мужчину на полу.

В его груди была темная дыра.

— Мастер Пэнди, — тихо сказала Ниа. — Он был наставником Эррин... — она развернулась и выбежала из дома, я услышала, как ее тошнит снаружи. Я дала ей минуту, а потом вышла к ней. Она стояла, уперев руки в колени, закрыв глаза, на пепельном лице

блестел пот.

— Прости, — сказала она, открыв глаза, когда я поравнялась с ней, хотя она и не посмотрела на меня. — Я знала его всю жизнь. До алхимиков, до всего этого. Мы поставляли ему соль. Не Сал Салис, а обычную морскую соль. Он научил меня посыпать ею ириски. Немножко. Чтобы убрать запах, — она сморщилась и прикусила губу, качая головой.

Усилие, с которым она пыталась взять себя в руки, разбивало мне сердце, и я коснулась ее плеча рукой. Она застыла, а потом расслабилась и глубоко вдохнула.

— Сегодня я прошла мимо тел столько знакомых, — тихо сказала она, вытирая лицо рукавом. — Людей сверху и снизу. Я жила в обоих мирах. Я и не думала, что они так пересекутся. Моя семья помогала Конклаву поколениями с тех пор, как он тут образовался. Потому что наш подвал ведет в Конклав, и они могли или рассказать нам и дать помощь, или переселить нас. Мы ели с ними, смеялись с ними. Они много времени проводили под землей для их безопасности. Ката терпеть не могла это. Она хотела ощутить солнце на своем лице. Когда отец уходил по делам, она поднималась, и мы сидели в саду. Я не хочу думать о ней так... со всем этим...

— О, Ниа... — я хотела обнять ее, но она покачала головой.

— Я в порядке. Я не могу... — она глубоко вдохнула и выпрямилась. — Слезами ее не вернешь. И никому так не поможешь. Идем. Посмотрим, что можно найти.

— Погоди... — я набралась сил. — Что нам нужно?

— Тебе не... — она замолчала и кивнула. — Бинты. Все, что ты найдешь на этаже магазина. Он хранил яды взаперти, так что ты на них не наткнешься.

Я и не собиралась.

— Я быстро, — сказала я. И не соврала. Все склянки и флаконы, что уцелели, я опускала в сумку, найденную у стола. Я не теряла времени на чтение сложного почерка на ярлыках, а брала все, что находила: бинты, пинцеты, несколько керамических мисок, набор ложек. Я нашла мешок и накрыла им тело, все это я успела сделать за три минуты.

Ниа посмотрела на меня, на сумку и вытерла лицо снова, ее глаза были красными, но взгляд — решительным. Она протянула руку, и я отдала сумку, она повела нас от аптеки по улице, ведущей прочь с площади.

Мы и дальше подбирали вещи, в одном доме мы нашли фляги и наполнили их из бочки с дождевой водой в переулке, а другом мы нашли буханку хлеба, обернутую тканью, и мешок яблок. Ниа обнаружила в шкафу в доме портного несколько плащей и большую сумку для всех вещей. В другом доме я забрала все ножи, даже если они были тупыми, и сложила во вторую сумку.

Мы пришли к мяснику, и Ниа пошла вверх, а я осталась проверять комнаты внизу. Я заглядывала в комнату, когда сзади раздался резкий вдох, и я тут же развернулась.

На входе стоял мужчина.

Я потянулась за мечом и выставила его перед собой, а он пересек порог, карие глаза следили за моими движениями. Капюшон его простого плаща был сдвинут, открывая красивое лицо гордого юноши, его кожа была темнее, чем у Нии, на челюсти была тень щетины. Он был на вид моего возраста, может, чуть старше. Выражение лица его было решительным. И разъяренным. Он вытащил свое оружие и направил на меня. Мой меч заметно дрожал. Его — нет.

— Кто ты? — сказал он с акцентом трегеллианца. Сверху скрипнули половицы, и он поднял голову. — Кто еще с тобой?

Я застыла, глядя на меч, готовая двигаться, если он нападет. Я слышала, что Ниа идет по лестнице, с каждым шагом она была все ближе, и юноша смотрел то на меня, то на дверь за мной.

— Твайла, ты... — начала Ниа, но не закончила. Она издала удивленный звук и промчалась мимо меня в руки юноши, который теперь улыбался.

— Ниа! — сказал он, отодвинул ее на расстояние вытянутой руки, а потом снова обнял. — Я думал, все мертвы.

— Почти все, — сказала она в его плечо и невольно заплакала снова.

Он гладил ее по волосам, пока она не притихла.

— Твоя семья...? — спросил он.

— Нет. Они у берега с братом. Его жена только родила. Я была здесь с... Я была здесь. Я пряталась.

Они какое-то время молчала, и я заметила, что она не сказала, что была с Катой и алхимиками. Так что юноша не был частью Конклава.

— А Лирис? — сказал он. — Ты про нее слышала? Может, что-то видела? Я пошел на молочную ферму, но она разрушена, они пропали... — он замолчал и с надеждой посмотрел на Нию.

— Не знаю, — ответила Ниа. — Прости.

Он кивнул и посмотрел на меня.

— Так кто ты?

— Твайла, познакомься с Кирином. Кирин, это Твайла, подруга Эррин, — сказала ему Ниа раньше, чем я раскрыла рот.

Он посмотрел на Нию при упоминании имени Эррин.

— Эррин здесь?

— Была... — Ниа беспомощно посмотрела на меня, Кирин проследил за ее взглядом.

— Что? — спросил он. — Что происходит?

Ниа судорожно вдохнула.

— Слушай, тебе, может, стоит пойти с нами. Мы поговорим по пути.

— По пути куда? — спросил Кирин.

— Ты поймешь, когда мы придем. Нужно спешить, солнце садится.

Он снова посмотрел на меня, прищурив с подозрением глаза.

— У тебя есть место лучше? — спросила я.

Он покачал головой.

— Тогда нам нужно идти.

Пока он выходил из магазина, я заметила, что он хромает, левая нога у него была лучше правой.

— Ты доверяешь ему? — тихо спросила я, Ниа пошла за ним.

— Да. Я знала Кирина с детства. Он дружил с моими братьями. Он... любил меня, когда ему было тринадцать, — улыбнулась она. — Он был на три года младше меня, но это не мешало ему ходить за мной, и... — ее улыбка увяла, и я ждала, пока она продолжит. — Это уже забыто.

Она вышла из магазина к Кирину, я — за ней, оставаясь позади, пока они шли. Мои пальцы оставались на рукояти меча, я ждала атаки. Они говорили тихо, я не слышала слова, а потом Кирин отстал и поравнялся со мной.

— Так ты лормерианка? — спросил Кирин, и я кивнула. — Ты встретила Эррин в

Алмвике?

— Нет. Я прибыла в Трегеллан до этого.

— Ты жила в Тремейне?

— В Скарроне.

Он тихо присвистнул.

— Почему? Так же ничего нет.

— Именно потому.

Мы покинули Тремейн через Водные врата, повторяя путь, по которому мы с Эррин шли в город. Мы держались близко к краю дороги, вела Ниа, а потом я, Кирин держался сзади. В окрестностях было зловеще тихо, дорогу развезло от дождя, воздух пах чистотой. Мы миновали мили в тишине, и я боролась с волнами усталости. С приближением ночи похолодало, я дрожала, обхватив себя руками под плащом, мешок с ножами позвякивал с каждым шагом.

Наконец, слева я увидела силуэты в полумраке, едкий запах дыма ударил по носу, и я узнала здания фермы, которую мы с Эррин проходили по пути в Тремейн. Ферма Притвеллов.

Ниа сошла с дороги в поле, направилась к сараям и амбарам, и я пошла следом, высокая трава цеплялась за юбки. Мы миновали здания, пострадавшие сильнее всего, от них остались лишь скелеты, обгоревшие балки торчали, как сломанные ребра, стены сгорели, запах дыма остался в воздухе. Ниа вела нас дальше, пока мы не добрались до сарая, выглядевшего лучше остальных. Одна половина его почернела, крыша сгорела, но другая половина выглядела неплохо.

Как только Ниа открыла дверцу ипустила нас, я увидела Сестру Надежду, сгорбившуюся как ворона у огонька в дальнем конце. Она встала, когда мы приблизились, казалось, что она постарела на тысячу лет с нашей прошлой встречи. Ее лицо было восковым, кожа натянулась на костях, и она сильнее, чем раньше, напоминала коршуна. Она скользнула взглядом по Ние, мне и задержалась на Кирине, что-то изменилось в ее глазах.

— Никого больше нет снаружи?

— Нет, — голос Нии был тихим, но Сестра Надежда вздрогнула, словно ее ударили. — Мне жаль.

Сестра Надежда покачала головой.

— Ты нашла Твайлу.

— Где остальные? — через миг спросила Ниа.

— Я отправила Терру, Глина и алхимиков в Трессалин с Сестрами Честью и Мудростью. Не было смысла задерживать их здесь, небольшие группы вызовут меньше подозрений в пути. Кто это? — она посмотрела на Кирина.

— Кирин Догласс. Из Тремейна. Был учеником кузнеца.

Сестра Надежда окинула Кирина взглядом, а потом посмотрела на Нию.

— Ты забрала хоть что-то из Конклава?

— Все разрушено. Мы собрали все, что могли, — продолжила Ниа. — Не так и много, — она опустила у огня и начала вытаскивать вещи из сумки: хлеб, яблоки, неопрятные бинты и почти целую бутылку бренди. Сестра Надежда опустилась рядом, оторвала кусочек хлеба и добавила в миску, которую выудила из сумки.

Я села рядом с ней.

— Спасибо, что дождались нас, — сказала я, желая хоть что-то сказать.

Она не ответила, вместо этого она налила на кусочки хлеба немного бренди, промочив их, а потом отошла, и я впервые заметила силуэт кого-то, лежащего на соломе вдали от огня. Сестра Смелость.

— Как она? — тихо спросила я.

Сестра Надежда все еще не отвечала, но она покачала головой.

Ниа отломала себе кусочек хлеба, предложила буханку мне. Я взяла кусочек и передала Кирину, а потом придвинулась к костру, радуясь теплу. Кирин сел рядом со мной, Ниа бросила нам по яблоку и потянулась к бренди. Я отказалась, усталость уже затуманивала мой разум, но Кирин сделал большой глоток. Мы сидели в тишине, слушая хруст яблок, плеск жидкости в бутылке и тихий шепот Сестры Надежды. Когда она вернулась к огню, в миске все еще был хлеб.

— Она спит, — тихо сказала она. — И вряд ли проснется, — слова повисли в воздухе, и мы ощутили их вес, тяжелый груз всего, что мы видели этой ночью. — Как только она успокоится, мы отправимся в Трессалин.

— А как же Ката? Сайлас и Эррин? — тут же сказала Ниа.

Сестра Надежда помрачнела.

— Мы найдем их, — сказала она. — Но сначала — в Трессалин.

— Но Ката...

— Мой сын, мой единственный сын, тоже у них, — рявкнула Сестра Надежда и взяла себя в руки. — Если бы я думала, что мы можем догнать их и вернуть, то мы бы уже двигались в Лормеру. Но мы не можем. Твайла — наша единственная надежда на победу. Ради общего блага нам нужно доставить Твайлу в Трессалин. Нам нужна стратегия, план, — она сделала паузу. — Сайлас и Ката сказали бы так же.

Я ощутила раздражение из-за того, что она говорила так, словно меня нет.

Но когда я начала спрашивать, что будет в Трессалине, заговорил Кирин:

— Не понимаю. Кто вы? Где Эррин?

Сестра Надежда посмотрела на нас, потом на Кирина, в моей груди снова вспыхнул гнев.

— Ты из Тремейна. Ты был там во время нападения? — спросила она.

— Нет, мэм. Я был с армией в Алмвике, но сбежал, когда напал Спящий принц, и отправился домой, в Тремейн. Моя невеста и ее семья тоже живут тут. Или жили. Я не знаю, выбрались ли...

Сестра Надежда не обратила внимания на мольбу в его голосе и продолжила:

— И ты знаешь Эррин Вастел?

— Да, мэм. Я вырос с Эррин и ее братом. Лиф — мой лучший друг.

Я повернулась к нему с раскрытым ртом, забыв на время о гневе. Потому Ниа не говорила о Лифе.

Кирин нахмурился.

— Что? — сказал он. — Почему ты так на меня смотришь?

Я покачала головой, Сестра Надежда и Ниа переглянулись.

— Так Алмвик захватили? — спросила Сестра Надежда, привлекая к себе внимание.

— Да, мэм, — сказал Кирин. — Четыре ночи назад. Серебряный рыцарь прошел там с армией и опустошил город. Повезло, что жителей эвакуировали заранее, там были только солдаты и местный глава. Его убили, и я... убежал, — он выглядел напряженно. — Иначе я бы умер.

— А остальные города? Тирвитт? Ньютаун? — спросила Сестра Надежда.

— Не знаю. Я избегал их на всякий случай, шел по полям и обходным тропам. Шел сюда как можно быстрее. Я хотел вернуться к Лирус, своей невесте, и держаться подальше от Серебряного рыцаря.

Мы молчали, никто не хотел говорить ему правду.

— Что? — снова спросил Кирин. — Почему вы так выглядите?

Я облизнула губы и сглотнула.

— Говоришь, наступление возглавлял Серебряный рыцарь?

Кирин кивнул.

— Да. Я сражался с ним. Он чуть не убил меня.

Пауза.

— Лиф — Серебряный рыцарь, — сказала я, наконец.

Он посмотрел на меня, сдвинув брови, медленно моргая.

— Нет, — он покачал головой, а потом сделал глоток бренди. — Нет. Нет, я же сказал, что сражался с ним. Он чуть не убил меня. Лиф не стал бы со мной сражаться. Мы же почти братья, — он опустил бутылку и посмотрел на нас по очереди. — Он не стал бы. Он бы не связался со Спящим принцем, не Лиф. Ты ошибаешься. Ты его не знаешь.

— Я тоже с ним сражалась. Пока он стоял рядом со Спящим принцем. В моем доме, — Ниа забрала бутылку. — Я тоже знала его почти всю жизнь.

Кирин уставился на нее, потом встал, покачнулся и восстановил равновесие. Он повернулся и вышел из сарая.

Ниа, казалось, хотела пойти за ним, но Сестра Надежда покачала головой.

— Оставь его.

А потом я кое-что вспомнила.

— Когда Сайлас исцелял Эррин, ты знала, что она была сестрой Лифа? — спросила я у Нии, она кивнула. — Но ты злилась, что он хотел помочь. Почему, если знала ее?

За нами заскулила Сестра Смелость, и Сестра Надежда быстро придвинулась к ней.

— Мы не знали... — Ниа сделала глоток. — Мы знали, что Лиф был Серебряным рыцарем. Отчасти потому Сайлас следил за ней.

— Отчасти?

— Главной причиной была ты. Лиф был единственной твоей связью с Трегелланом. Мы подумали, что ты будешь его искать, — я промолчала, и Ниа продолжила. — Но мы не знали, на чьей стороне Эррин.

— Я все еще не уверена, — Сестра Надежда снова присоединилась к нам.

— Все еще? — начала я, и она подняла руку.

— На Конклав напали через пару часов после ее прибытия...

— Она была со мной. Когда мы пришли в Тремейн, он уже был разрушен. Мы не знали, что будет. И ей голем сломал позвоночник, не забывайте.

— А если это была часть плана, чтобы выманить нашего зельеварщика?

— Думаете, она хотела, чтобы ей сломали спину? — я фыркнула. — Слишком много риска.

— Не опаснее, чем искать работу в замке Лормеры и работать на безумную королеву Хелевису...

Мою шею неприятно покалывало, я вспомнила Лифа и его первое предательство. Эррин искала меня, но не знала, что это была я. Ради него? Меня спасло то, что моя сущность

раскрылась, когда мы уже были в Конклаве?

— Нет, — сказала я, и мой голос напоминал хлыст. — Она могла выдать меня в склепе. Она могла легко сказать им, что я там прячусь, — снова что-то помешало мне сказать, что это была идея Лифа, что оба Вастела спрятали меня от Спящего принца. — Все могло там и закончиться. Она могла сказать им правду, и он убил бы меня, чтобы спастись. Но, благодаря Эррин, этого не случилось.

Сестра Надежда смотрела на огонь.

— Надеюсь, ты права, — сказала она. А потом тоже встала и вышла за Кирином в ночь.

Глава 3:

Я смотрела на огонь, ожидая возвращения Сестры Надежды или Кирина, но они не приходили, и я оставалась одна с молчаливой Нией и умирающей Сестрой, надвигалась ночь. Сонный взгляд Нии был направлен на землю перед ней, бутылка бренди в ее руках была почти пустой, я ожидала, что она скоро отключится. Вместо этого я повернулась к Сестре Смелость и обнаружила, к своему удивлению, что она лежит на боку. Ее глаза были ясными и смотрели на меня. Я осторожно придвинулась к ней.

— Я могу чем-то помочь? — спросила я. — Хоть чем-то?

Она ответила не сразу.

— Нет, дитя. Не можешь.

— Мне жаль, — сказала я.

— Мне тоже. Честно скажу, я не готова. Я хотела большего.

Сухая честность в ее голосе заставила меня приглядеться к ней, и я со страхом обнаружила, что она совсем не старая, младше моей матери и Сестры Надежды. Она все еще была в капюшоне, это явно было неудобно.

— Может, убрать ваш капюшон?

Ее губы дрогнули.

— Почему бы и нет?

Я осторожно убрала ткань с ее головы, открыв рыжие, как у меня, волосы, но короче, темнее там, где они прилипли к голове от пота.

— Вот так лучше, — сказала она, подставив голову воздуху. — Благодарю, — она немного помолчала. — Ты такая юная, — прошептала она, закашлялась, давясь, содрогаясь всем телом. Она пыталась отвернуться, но я видела кровь на ее губах и зубах. Я склонилась и осторожно приподняла ее голову, чтобы она не захлебнулась кровью. Когда она закончила, я вытерла ей рот своим рукавом. — Воды, — прохрипела она.

Рука появилась перед моим лицом, держа кубок, и я оглянулась и увидела Сестру Надежду, стоящую за мной. Я взяла кубок и поднесла к губам Сестры Смелость. Она выпила и покачала головой, показывая, что ей хватит, и я опустила ее на солому. Она улыбнулась, ее веки закрылись, и я убрала руку из-под ее шеи. Мы с Сестрой Надеждой не шевелились, смотрели, как Сестра Смелость спит, слабо и хрипло дыша. Когда я отвела взгляд, то увидела, что Ниа устроилась на боку у огня, все еще сжимая бутылку в руках.

— Нужно поговорить, Пожирательница грехов, — сказала Сестра Надежда.

— Я не Пожирательница грехов.

— Амара мертва, а ты — ее старшая и единственная живая дочь. Ты — Пожирательница грехов. Подозреваю, что последняя.

Все волосы на моем теле от ее слов встали дыбом.

— Нам нужно поговорить, — продолжила Сестра Надежда. — Я должна знать твои намерения. Ты снова убежишь? Или будешь исполнять свой долг?

Долг. На меня надавил груз ожиданий. Я могла вернуться в дом матери, могла попасть в комнату Ральфа. Я могла бы петь для короля Террина. Я могла быть в пещере с костями и ощущать, как нити моей жизни плотно сплетаются, как гобелены, которые я вышивала в Лормере. Пожирательница грехов. Донен Воплощенная. Отравительница.

Все, чем я была и всегда буду.

— Я остановлю его, если вы об этом, — сказала я, выдерживая ее взгляд. Она моргнула первой.

— Как?

— Ядом, конечно. Это моя специальность. Мне нужен алхимик и Эррин. Эррин может разобрать зелье, Опус Магнум, и с моей кровью перевернуть его, создав яд, что можно использовать на Спящем принце. С моей кровью у нас получится копия оригинала, использованного на нем. Мы сможем отравить его еще раз.

— Но ты понимаешь, что он принимает Эликсир? Для этого он забрал моего сына. Пока он пьет немного Эликсира в день, он бессмертен. Его нельзя проткнуть, раздавить или убить. И даже смертельно отравить, как я понимаю.

— Эликсир не дал яду убить его в тот раз, но яд погрузил его в сон. Что-то в моей крови способно поймать его, это уже хоть что-то.

Сестра Надежда задумалась.

— А раз Вестника, собирающего для него сердца, нет, то он не проснется. У него нет запасного плана.

— Возможно, — тихо сказала я. — Но это не важно, потому что я собираюсь убить его, пока он спит. Насколько я знаю, казнь точно не пережить никому, сколько зелий не пей, сколько магии бы ни было в крови, — я звучала смелее, чем ощущала себя. — Так что мы отрубим ему голову и уберем подальше от тела. Замуруем куда-нибудь, спрячем в горах. Или бросим в море. Как угодно.

Сестра Надежда смотрела на меня огромными глазами.

— Ты не можешь.

— Могу. Стоило давно так сделать. Девушки, терявшие сердца и жизни из-за него веками, Мерек, все в Лормере, Алмвике, Тремейне. Все в Конклаве. Их смерти и на вашей совести. Моя предшественница наложила на него проклятие, но это ваш народ скрыл его в Таллите, защитил, а он ел сердца невинных девушек.

Она открыла рот, но я не дала ей сказать.

— Все закончится. Теперь. Должно. Иначе что помешает ему вернуться?

— А Лиф Вастел? — выдавила Сестра Надежда. — Что насчет него?

Я отвела взгляд на огонь.

— Он тоже заплатит, — сказала я. Вспомнила его руки вокруг меня, смеющиеся глаза, музыкальный голос, когда он шептал мне на ухо.

— Ты сможешь прижать меч к его шее? — спросила она.

Я не мешкала.

— Да.

Впервые она посмотрела на меня с одобрением.

Когда Сестра Надежда придвинулась к Сестре Смелость, я решила проверить Нию, она была без сознания. Я убрала из ее рук бутылку, накрыла плащом. Не завидую головной боли, от которой она будет страдать утром. Я отодвинула бутылку, чтобы она не сбила ее во сне, и запах бренди принес воспоминание о Лормере, о Мереке, прижимающем чашку с бренди к моим губам, а позади него возвышался Лиф. На миг я забыла, как дышать, сила воспоминания поражала. Я отставила бутылку и села, уставилась на тьму, думая о Лормере, Мереке и обо всех его надеждах, которые он хотел воплотить, взойдя на трон.

Кирин вернулся и вырвал меня из плена мыслей, но выражение его лица не позволяло заговорить, он забрал бутылку и прошел мимо меня в темный угол сарая. Мы с Сестрой Надеждой остались сидеть возле Сестры Смелость, слушая ее затрудненное дыхание, считая секунды между каждым вдохом. Я много раз думала, что она умерла, опускала на нее взгляд, и она с хрипом делала вдох. Она была юна, наверное, даже слишком юна для религиозного ордена. Но Сестры Нэхт были не настоящим религиозным орденом.

— Можно спросить? — сказала я, голос было едва слышно, а огонь догорал, и наши лица были скрыты тенью.

Сестра Надежда кивнула.

— Сестры — не алхимики, да?

— Да. Иначе мы не смогли бы исполнять публичную роль религиозного ордена.

— Но вы же не религиозный орден? Не совсем, — сказала я. Она покачала головой, и я продолжила. — Вы говорите, что у Сестер есть публичная роль, так что люди могли захотеть присоединиться к вам. Как вы справлялись в Лормере, не скрываясь так, как в Конклаве?

Она кивнула, признав вопрос.

— Мы прятались на виду. Нет ничего подозрительного в том, что хорошо видно. У Хелевисы не было причины интересоваться нами. Мы были монахинями, тихими и верными, только и всего. Мы не беспокоили ее. Мы редко привлекали внимание, только из-за болезни или нехватки места. И мы были в Восточных горах, туда сложно добраться, там сложно искать.

Я приоткрыла рот, вспомнив, что говорил мне Мерек месяцы назад.

«У Восточных гор есть закрытый орден женщин. Она может проводить там дни...»

Хелевиса была бы рада узнать, что она среди алхимиков, и тогда она осталась бы на троне, а план Мерека провалился бы. На миг я задумалась, где Хелевиса сейчас, а потом посмотрела на Сестру Надежду.

— Можно узнать, как вы попали к Сестрам?

Она ответила не сразу.

— Через мужа, отца Сайласа. Он был алхимиком, конечно. Я отдала жизнь, чтобы жить в общине, с ним. Я принимала заказы после его смерти. Мне повезло, что место освободилось.

— Место?

— Есть только семь Сестер Нэхт: Сестры Смелость, Мудрость, Мир, Любовь, Правда, Честь и Надежда. Каждая названа в честь башен замка в Таллите.

Я обдумала это.

— И было много Сестер Надежды?

— Судя по нашим записям, я двадцать девятая. Когда я умру, титул перейдет к другой. Если орден выживет. Ты должна понять, община Сестер куда меньше Конклава. Там жили

всего двадцать три человека, включая Сестер, только девять из них были алхимиками. В Конклаве было семьдесят душ, меньше половины было алхимиками. Это вымирающий народ.

В мире было меньше пятидесяти алхимиков.

— Ниа сказала, что сбежали лишь пятеро. Это так?

Сестра Надежда опустила голову.

— Потому им нужно поскорее попасть в Трессалин.

Я все еще не была убеждена, что Трессалин безопаснее Тремейна, мое лицо, видимо, снова выдало мои мысли, потому что Сестра Надежда вскинула брови и твердо сказала:

— Алхимики Трегеллана хорошо платят за сохранение тайны. В казне Трегеллана много золота алхимиков. Совет захочет защитить прибыль, особенно, когда на горизонте война. Там они будут в безопасности. Как и ты.

Я нахмурилась.

— О чем вы?

— О том, что там тебя будут защищать лучшие стражи, пока не станет спокойно.

— Нет, — громко сказала я, Ниа от этого что-то пробормотала и повернулась на бок. — Нет. Я не буду прятаться.

— Пожи... Твайла, ты — наше самое ценное оружие в борьбе с Ауреком. Единственная надежда остановить его.

Я в третий раз подумала о Лормере. О своей башне. Своем плену.

— Нет, я не буду сидеть взаперти. Если хотите, чтобы я была в безопасности, научите меня обороняться. Сражаться. Но я не буду сидеть в комнате и пускать кровь в миску, пока вы не создадите яд. Я не буду сидеть и ждать. Только не снова.

Она долго смотрела на меня.

— Нам нужно отдохнуть, — она посмотрела на Сестру Смелость, еще цепляющуюся за жизнь.

— Не надо так. Не меняйте тему. Я хочу вас услышать, — сказала я. — Услышать, что вы не запрете меня. Я уже слышала слова «ради общего блага», и они ни к чему не привели. Поклянитесь своим сыном, что вы не запрете меня в Трессалине.

Она впиалась в меня пронзающим взглядом, ее лицо было резким в тусклом свете. Момент затянулся, и она все же отвела взгляд.

— Клянусь жизнью Сайласа, что мы не запрем тебя, — она снова села рядом с подругой, а я прижалась спиной к стене сарая, лицом к огню и бессознательной Ние. Справа в темноте ерзал Кириин. Пол подо мной был твердым, заставлял ощутить кости, о существовании которых я не подозревала. Я долго не могла уснуть, боролась с лицом Лифа, появляющимся перед глазами.

Когда мы проснулись из-за холодного рассвета, Сестра Смелость была мертва.

Мы вздрогнули одновременно, словно нас разбудил рожок. Ниа застонала и схватилась за голову, Кириин вышел из угла с настороженным видом. Сестра Надежда, похоже, успела поухаживать за Сестрой Смелость ночью, снять плащ, она лежала умиротворенно: глаза закрыты, руки скрещены на груди.

Сестра Надежда стояла над телом, сцепив руки так, что костяшки побелели.

Когда она посмотрела мне в глаза, в ее взгляде что-то изменилось. Там было что-то дикое. Но она моргнула, и это пропало, вернулся строгий лидер Сестер.

— Она упокоилась, — сказала Сестра Надежда. — Нужно быстро собираться и уходить.

Ниа, на тебе почести, — она развернулась и покинула сарай.

У меня во рту пересохло, неприятный привкус был на языке. Я склонилась, вытащила из сумки с едой одно из оставшихся яблок, откусила кусочек, пробуя кислый сок. Ножи, что я забрала в Тремейне, были во второй сумке, и я выбрала два самых острых, сунула за пояс и вышла за Сестрой Надеждой.

Я выдохнула, увидев ее без плаща. Ее волосы, серые, как сталь, были заплетены вокруг головы, она обернулась на звук моего удивления. Она опустила плащ у ног, и я встала рядом с ней. Без плаща она казалась меньше, на лице стала видна мягкость, тонкие следы морщин. Она была в простой черной тунике, обвязала плечи плащом, принесенным Нией. Я слабо улыbnулась ей, она взглянула на меня и отвернулась.

Мы безмолвно ждали в прохладе серого света, пока к нам придут Кирин и Ниа. Мы были в четверти мили, когда я обернулась и увидела синий столб дыма на фоне пасмурного неба. Сарай снова горел. Я посмотрела на Нию, она пожалала плечами. Сжигание. Так и Лормере хоронили тела.

Мы шли прочь от города, от каждого звука и движения мое сердце дико билось о ребра. Когда фазан выбежал перед нами на дорогу, хлопая крыльями, мы с Нией закричали, даже Кирин схватился за тунику над сердцем. Только Надежда оставалась спокойной и настороже. Мы пошли дальше, медленно, подстроившись под ногу Кирина, следя за солнцем, белая дыра тускло сияла на затянутом тучами небе. Мы остановились наполнить фляги водой, по очереди напились из реки, размяли плечи и потеряли ноги. Когда мы добрались до широкой дороги — Королевской, как сказал в пустоту Кирин, — я увидела глубокие следы, оставленные телегами в грязи, а рядом отпечатки копыт и небольшие следы сапог.

— Эти выглядят свежими, — Кирин склонился над следами.

— У наших людей нет лошадей, — Сестра Надежда прижала пальцы к следам.

Мою шею покалывало.

— Может, это следы тех, кто бежал из Тремейна, — с надеждой сказала Ниа и резко вдохнула. — Погодите. Что это? — она указала вдаль, и мы посмотрели туда.

Впереди на горизонте непонятная масса становилась с каждым мигом все больше, пока не стало ясно, что это. Всадники. И ехали они к нам.

Кирин и Сестра Надежда тут же выпрямились и выхватили оружие. Кирин вытащил меч из ножен, а Сестра Надежда — из-под плаща. Ниа стояла с ножами в руках, и я вытащила свой меч и схватилась за рукоять обеими руками. Хотя меч был тяжелым, и я не знала, как им пользоваться, с ним в руках мне было лучше.

— Твайла, иди, — рявкнула Сестра Надежда. — Ниа, ты с ней. Прячьтесь, пока не станет ясно, что идти безопасно.

— Где прятаться? — в отчаянии спросила Ниа.

Негде. Мы были посреди дороги, на открытой местности. Силуэты впереди становились четче. Их было три. Двое в черном. А впереди фигура в серебряном.

Серебряный рыцарь.

Лиф.

— Что нам делать? — выдохнула я.

— Мы задержим их, — сказала Сестра Надежда, глядя на Кирина, он мрачно кивнул. — А вы с Нией бегите.

— Мы не успеем, — я безумно озиралась. Все было на виду, не было ни деревьев, ни ям. Никакого укрытия.

— Твайла, — голос Нии дрожал, но взгляд был решительным. — У нас нет выбора.

И я побежала. Я слышала позади Нию, она догнала меня, мы ударились руками и ногами, спеша вперед. Вскоре мои легкие стало жечь, боль вспыхнула в боках. А потом я услышала металл, звенящий о металл, и совершила ошибку, обернувшись на бегу.

Сестра Надежда сбила одного из всадников с седла, ее меч пронзил его. Кирина сражался с другим мужчиной, тот все еще был в седле, конь вставал на дыбы, слышались крики, пока он уклонялся от выпадов Кирина.

А Лиф гнался за нами.

На нем не было шлема, но его рот и нос были закрыты черной тканью, а волосы — стянуты назад. Его зеленые глаза смотрели на меня, пылая решимостью.

Я побежала быстрее, стук копыт сзади становился все громче. Я взглянула на Нию и увидела ужас на ее лице, ее рот был раскрыт в беззвучном крике.

Я обернулась и увидела, как Лиф взмахивает мечом, и я толкнула Нию с его пути, мы отлетели на землю.

Он промчался мимо, не успев остановить лошадь, и я вскочила на ноги и побежала в поля, крича Ние делать так же.

Я надеялась, что меня для него схватить важнее, и он оставит Нию в покое, и я не ошиблась. Он развернул лошадь и направился за мной.

Но я не собиралась легко ему даваться

Я бежала, сжимая меч. Звук копыт снова сообщил мне, что он догоняет, и я обернулась и увидела, что он почти возле меня, протягивает ко мне руку, растопырив пальцы. Я дико взмахнула мечом и не попала по нему и лошади, а потом шею пронзила резкая боль, я потеряла землю под ногами. Его пальцы впились в капюшон моего плаща. Я уронила меч и потянулась к шее, пытаюсь дышать, пока он тащил меня за собой.

Кто-то закричал, все перед глазами расплывалось. Я боролась с застежкой плаща, пытаюсь освободиться. Но она не поддавалась, а словно затягивалась сильнее, и я понимала, что если не выпутаюсь сейчас, то умру.

Мои ноги бесполезно бились о землю подо мной, Лиф ехал дальше, не зная или не беспокоясь из-за того, что я задыхалась, и я никак не могла этому помешать, не могла себя спасти. Гнев из-за собственной беспомощности заполнил меня, и я ощутила последние безумные удары сердца, что разносились по всему телу, тьма подступала ко мне. Я терзала горло, грудь горела, легкие просили воздуха. Нет. Не так.

И тут с тихим щелчком, похожим на выдох, застежка расцепилась, и я освободилась и глубоко вдохнула, падая. Я рухнула на землю, перекатилась и остановилась. Боль вспыхнула в спине, но я не мешкала, заставила себя подняться на колени, потом на ноги, игнорируя уколы боли, вызывающие тошноту, горло было красным, натертым, легкие все еще пылали, пока я глотала воздух.

Я оглянулась на Лифа, а он бросил мой плащ на землю и замедлил лошадь, чтобы развернуть. Его глаза беспощадно пылали. Я повернулась бежать и увидела, как ко мне едет

Сестра Надежда с огромными глазами, и я замедлилась, глядя то на нее, то на Лифа, оба ехали ко мне.

Сестра Надежда добралась первой, протянула руку, и я умудрилась уцепиться ногой за стремя и запрыгнуть на широкую спину коня, рухнув за ней. Она развернула лошадь раньше, чем я успела усесться на ней лучше, и я оглянулась и увидела Лифа в пятнадцати футах от нас. Шарф съехал, его лицо искажала ярость, он скалил зубы. Я не успела понять, а нож из-за пояса оказался в моей руке, и я в отчаянии метнула его.

Его руки поднялись слишком поздно, чтобы защититься, а кинжал, к удивлению, попал в его лицо, и Лиф отлетел на землю. Он не двигался там.

Сестра Надежда погнала лошадь к Кирину, помогавшему Ние забраться на вторую лошадь. Люди Лифа лежали замертво в грязи.

— Вастел? — крикнул Кирин, залезая на лошадь за Нией.

— Просто уходим, — крикнула Сестра Надежда.

Мы ехали, и я оглянулась еще раз и увидела, как Лиф поднимается, обхватив руками голову. Словно ощутив мой взгляд, он убрал ладони.

Все его лицо было в крови.

Мы сошли с дороги, как только смогли, и набрали скорость, мчась по голым полям и небольшим лесам, пока не добрались до реки Пеналуна и не отправились вдоль нее на юг. Сначала мы бежали, стараясь оторваться от Лифа, а замедлились, когда поняли, что лошади устали. Но мы и дальше меняли направления, выбирали обходные пути, двигались по кругу, пытаясь следами сбить с толку погоню. Только когда прошли часы, и тени на траве стали длиннее, мы добрались до небольшой роши у реки, и Сестра Надежда мрачно кивнула, натянув поводья, крикнув Кирину и Ние, что мы остановимся здесь. Как только я съехала с лошади, страдая от затекшего тела, отвыкшего от езды верхом, я добралась до реки и посмотрела на серую воду, надеясь, что она заберет из моей головы изображение окровавленного лица Лифа.

Я удивилась, когда Кирин сел рядом со мной, и молчала, отчасти затерявшись в своих мыслях, отчасти ожидая, когда заговорит он. И он сделал это после очень долгой паузы.

— Как твоя шея? — спросил он.

Я коснулась ободранной кожи на горле. Повезло, что я ничего не сломала.

— Болит. Но голова все еще к ней присоединена, так что могло быть хуже.

Он не улыбнулся.

— Ты в порядке? — спросила я через какое-то время.

— Просто... я рос с ним. Я словно... — он замолчал и покачал головой. — Ниа мне все рассказала по пути. О тебе. О нем. И об Эррин. И о том, что он сделал в Лормере и Тремейне, — он смотрел на воду. — Он был мне как брат. Лиф, которого я знал, так не поступил бы. О, знаю, — сказал он быстро, когда я открыла рот, чтобы возразить, — люди могут меняться. Я это вижу. Но я не могу сопоставить его с Лифом, которого знаю, понимаешь?

— Да, — сказала я так тихо, что он мог меня не слушать. Это чувство я хорошо знала.

Мы молчали, но я все равно не услышала, как приблизилась Сестра Надежда.

— Я тревожусь, — сказала она, и мы вздрогнули. — Вастел ехал со стороны Королевской дороги. Туда отправлялись Сестры и алхимики, чтобы попасть в Трессалин...

Кирин нахмурился.

— С ними не было пленников.

Сестра Надежда поджала губы.

— Нет, но это не значит, что они не нашли их.

— Я схожу и поищу, — предложил он.

Она замешкалась, я видела, что она разрывается. А потом она покачала головой.

— Нет. Нам не стоит разделяться. — Кроме того, — она посмотрела на небо, — через час стемнеет. Предлагаю устроиться здесь на ночь и отправиться в путь с первыми лучами.

— Остаться здесь? — Ниа подошла к нам и была этому не рада, как и я.

— Это место скрыто и возле воды. Вдали от дороги. Это лучший вариант.

Ниа посмотрела на меня большими глазами, словно ждала моего возражения. Я бы хотела, но разве у нас был выбор? Я пожала плечами.

Судя по тому, как Ниа поджала губы, она еще не спала под открытым небом, не было такого и у меня. Когда я с сопровождением, выделенным мне Мерекком, ехала в Скаррон, мы ночевали в гостиницах, путь был на них и построен, там мы уточняли направление, могли даже узнать у людей, какую трегеллианскую еду лучше заказать. Мерек сам научился этому, пока путешествовал здесь. Обо мне хорошо позаботились. Но я пережила прошлую ночь на полу сарая. Может, и в лесу будет не так плохо.

Хотя оказалось хуже, чем я думала. Ночь наступила быстро, мы доели хлеб, разделили воду, а потом я едва различала товарищей, когда мы устроились на плащах, попытавшись найти участки с мягкой землей. В сарае было тепло. Там были стены. Я и не знала, что стены так важны.

Судя по тому, как быстро и неровно все дышали, постоянно ворочались, никто не спал. Но никто не говорил. Шум реки был слишком громким, и хотя плескалась рыба, мое воображение рисовало людей, идущих за нами. Голые ветки над нами раскинулись, как руки, жуткие в свете звезд, заполнивших небо. Вскоре мы придвинулись друг к другу, пока не легли бок о бок, как мои братья, Мэрил и я делали в детстве. Я чувствовала, как рядом дрожит Ниа, и я не знала, было это от холода, или она плакала. А вот Сестра Надежда лежала неподвижно, как камень. Никто не спал и не говорил.

До рассвета, казалось, прошла вечность, и я успела заоченеть от холода, тело болело, и я тихо злилась на это. И не только я была раздражена, Ниа ворчала на Кирина, когда он допил воду, хотя она свою долю уже выпила. Сестра Надежда покрикивала на обоих. Я промолчала и придвинулась к лошадям, прижалась к ним и вдохнула успокаивающий запах сена и тепла. Они неплохо перенесли ночь.

Мы отправились меньше, чем через час после рассвета, а с помощью компаса Кирина вскоре вернулись на Королевскую дорогу. Меня укачало, и я засыпала, прислонившись к Сестре Надежде, но как только дорога показалась в поле зрения, я насторожилась, и Сестра Надежда тоже села прямее. Мы не видели других путников, которыми могли притвориться, но вряд ли нам кто-то поверил бы. На полях вокруг не было скота, не было слышно даже птиц-несушек. Казалось, мы были на краю мира.

Я ощутила, как задрожала Сестра Надежда, а потом она ткнула лошадь в бока, и та помчала галопом, мне пришлось пригнуться, чтобы не упасть. Позади нас выругался Кирина, я крепче обхватила талию Сестры Надежды, пока мы летели над землей. Я хотела понять, что нас преследует. Узнать, он ли это. Когда она остановила лошадь, я удивилась и обхватила рукоять ножа на поясе, готовая защищаться.

А потом увидела их.

Словно марионетка с обрезанными нитями, Сестра Надежда обмякла в моих руках, и

если бы я не держала ее, она бы упала с лошади. Я забрала поводья из ее пальцев, а Кирин запретил Ние смотреть.

Я же смотрела.

Впереди поверх плеча Сестры Надежды я увидела две фигуры в черном, стоявшие у деревьев по обе стороны дороги. Я не сразу поняла, что не так, удивленная словам Кирина. А потом мне стало не по себе т понимания.

Между концом их одеяний и землей было не меньше трех футов ствола дерева. Они не стояли у деревьев, они были прибиты к ним.

Кирин спрыгнул с коня, как-то забрав с собой Нию. Он опустил ее на землю, и она опустилась на колени, отвернувшись от ужасной сцены. Он протянул руки к Сестре Надежде, и она рухнула, не пытаясь держаться. Он подвел ее к Ние, и они обнялись, я видела, как рот Сестры Надежды раскрылся в беззвучном крике. Ниа обвила ее руками и шумно заплакала.

А мы с Кирином без слов пошли вперед.

По бокам дороги к деревьям были прибиты Сестры Честь и Мудрость.

Их глаза были закрыты, руки — над головами, люди так высоко не достали бы. Я не понимала, как такое возможно, пока не вспомнила големов.

Кирин снова выругался, и я повернулась и увидела еще два тела в яме у дороги. Мужчина и женщина. У них не было белых волос алхимиков. Обычные люди, о которых говорила Ниа, Терра и Глин, как их назвала Сестра Надежда.

— Это не все, — тихо сказала я Кирину. — Еще должно быть пять алхимиков. Сестры вели их в Трессалин, — я посмотрела на Мудрость и Честь. Я помнила их строгие холодные лица в Конклаве. Я взглянула на Надежду и Нию, они все еще сидели на коленях, цепляясь друг за друга. — Лиф не мог этого сделать, — я указала на Сестер, говоря тихо. — Не один. Подозреваю, что работали здесь не люди.

— Големы, — сказал Кирин, и я кивнула. Что еще это могло быть?

— Но он ехал к нам, — продолжил Кирин. — Прочь отсюда, к Тремейну. Почему? Зачем возвращаться?

Я закрыла рот рукой, все поняв. Он ехал к нам, к Сестре Надежде и Ние. Кто-то из выдал.

Я не могла представить, чтобы Сестры выдали секреты, что бы с ними ни делали. Вряд ли это были они. Но алхимики могли. Или обычные люди. Если они подумали, что это спасет их друзей...

Судя по взгляду Кирина на меня, он тоже пришел к такому выводу.

— Где големы теперь? — спросила я, развернувшись и оглядывая поля, боясь, что они появятся перед нами.

Кирин выдохнул.

— Следы, которые мы увидели до встречи с Лифом... их было много. Больше, чем от него и двух человек с ним. Наверное, группа людей Спящего принца вместе с Лифом отправилась на юг, а потом они столкнулись с людьми здесь, и... — он замолчал, и я невольно посмотрела на Сестер. — Остальные поехали дальше, а Лиф и те, кого мы убили, вернулись. Значит, ехать в Трессалин нельзя. Там мы не будем в безопасности.

— Точно, — я оторвала взгляд от тел. Они лежали так неестественно, что не выглядели настоящими.

— Пеналуна близко, — сказал Кирин. — Это поселение в горах. У меня там семья. Они

нас спрячут, пока мы не поймем, что делать. Мы можем остаться там, и...

— И что потом? — что-то вспыхнуло во мне, как огонь, и я вскинула голову, стиснув зубы. — Мы знаем, что Спящий принц забрал всех алхимиков, каких нашел, убивая остальных людей. Он побеждает, Кирин.

— Потому нам нужно перегруппироваться...

— Нет, — моя сила удивила даже меня. — Мне надоело убегать.

— Тогда куда?

— Лормера, — сказала я. — Мы должны отправляться в Лормеру.

Кирин рассмеялся.

— С ума сошла? В Лормеру, которую он захватил за ночь всего с двумя големами? Лормера, которую он почти разрушил за три месяца? Твайла, он обитает в Лормере.

— Вот именно. Он точно забрал Эррин и Сайласа в Лормеру. И других алхимиков. Нам нужно спасти их, если мы хотим уничтожить его, — я вспомнила, что Сестра Надежда рассказывала о скрытности на виду во время правления Хелевисы. — И там он не ожидает меня увидеть.

— Мы не можем просто ворваться в замок, Твайла, — сказал Кирин. — Нас четверо. Нам нужно собрать силы, оттыкать друзей.

Я прервала его:

— Так мы и сделаем.

— И как же?

— Ниа тебе не рассказывала, чем я была? — сказала я, и он покачал головой. — Я была Донен Воплощенной. Я была надеждой. Для людей Лормеры я — живое воплощение победы над невзгодами.

Кирин вскинул брови со скептическим видом.

— О, знаю... — я толкнула его легонько в плечо, когда он попытался перебить меня, — знаю, это сочинили. Я знаю. Лиф Вастел мне рассказал, — его глаза расширились, но я продолжила. — Не важно. Не важно, правда это или нет, пока люди верят. Пока люди думают, что идет Донен Воплощенная, это работает. Это будет знаком, что мы победим.

Он уставился на меня.

— Твайла, это безумие. Если он узнает, что ты жива и замышляешь отпор, он придет за тобой.

— Он это сделает рано или поздно, не важно, где я буду, не важно, буду я прятаться или бороться. И я выбираю борьбу. Мы отправимся в Лормеру. Обходными путями и лесами. По пути соберем поддержку. Это наш план. Идем, — я схватила Кирина за запястье и потащила к Надежде и Ние.

— Мне жаль, — сказала я, когда они посмотрели на нас. — Мне очень жаль. Он заплатит за это. Клянусь, я заставлю его заплатить за это. Я серьезно. Я положу этому конец.

Ниа и Надежда смотрели на меня, на их лицах ничего не было, словно все в них опустело. Но потом Кирин вырвал свое запястье из моей хватки и взял меня за руку, сжав ладонь. Я взглянула на него, и он кивнул. И когда я повернулась к Сестре Надежде и Ние, в их глазах появились искры и вопрос.

— Мы отправимся в Лормеру, — сказала я.

Последовала пауза, а потом:

— Да, — сказала Сестра Надежда натянутым голосом и скользнула ладонью по рукояти своего меча. — Да.

Башня Мудрости

Аптекарьша сидела в конце длинного стола в комнате, полной книг. Она играла. На другом конце стола работал принц, карта лежала на неровной деревянной поверхности, каждый угол держал маленький голем. Он двигал куклой по карте к врагу, сделанному в виде бесформенной куклы, один из големов на углу карты поднял руку и почесал локоть. Принц поднял голову, посмотрел на глиняное создание, пока тот чесался, а потом голем вернулся к роли прижимания карты к столу. Все в комнате замерло, кроме аптекарши, продолжившей игру, с ее стороны доносился ритмичный стук.

Когда голем снова зашевелился, переминаясь, принц разбил его о стол, осталась только глина.

Он посмотрел на аптекаршу.

— Собственные поступки до добра не доводят.

Аптекарьша не слушала его. Она играла.

Она играла, пока он планировал бой. Играла с ножом. Ей нужно было лишь растопырить пальцы на столе и вонзать нож в промежутки между пальцами снова и снова. Она стала очень быстрой и умелой в этом.

Принцу нравился звук ножа, пронзающего дерево. Если у аптекарши все получалось, раздавался прекрасный ритм, словно билось сердце. И ему нравился страх в ее глазах, пока она играла. Ее руки были ценны для нее, и мысль о потере пальца, о глубоком порезе пугала ее. Конечно, если это случится, он может дать ей Эликсир. Но она не была уверена, что он это сделает. Ему не нужно было, чтобы у нее оставались руки. И это его забавляло. Он не знал, что будет делать, если она промажет. Он подозревал, что они скоро узнают.

Она ускорила, и он тоже, двигая игроков на карте в сражении, к которому всегда готовился.

Это было потворством. Он не верил, что получит желаемое сражение, ведь его враги были трусами. Они прятались под землей, строили планы против него, и он не ожидал от них достойного боя. Но он хотел бы встретить их в бою, он с Серебряным рыцарем командовал бы армией людей и големов. Сейчас было идеальное время для этого, он был непобедимым. Но он не верил, что это произойдет. Он подозревал, что конец наступит сразу, в спешке. Одна стрела, одна ошибка. Конечно, не его. Ее. Девчонки, Пожирательницы грехов. Еретички. Почти все ее союзники были мертвы или в его руках. Он убедился, что она не найдет новых. Только она оставалась угрозой для него. Как только ее не станет — а это произойдет скоро — все будет кончено.

Но ему очень нравилось планировать сражение.

Он замер и посмотрел, как играет аптекарша. Нож вспыхнул. Она ощутила его взгляд и нахмурилась, пытаясь сосредоточиться. Ритм замедлился, пока она собиралась с силами, а потом ускорился. Это его раздражало, эта уверенность, и он потянулся к карману, где был ее симулякр. Она подняла голову на знакомый жест, и в этот миг нож соскользнул, и она вскрикнула. Принц ощутил запах ее крови раньше, чем увидел, железо и соль, он невольно облизнулся.

Нож упал на стол, и аптекарша потянулась к нему, хоть и истекала кровью, она не могла

ослушаться приказа играть. Принц вытащил симулякр из туники и оторвал листок от живота куклы.

Рука аптекарши застыла, ее телу вернулась власть над собой.

Она посмотрела на нож, потом на принца, и ей казалось, что стены движутся, сужаясь, сдавливая их, хоть они и стояли порознь.

— Сделай это, — слова манили, как шепот возлюбленного во тьме. — Давай, Эррин. Сделай это.

Кровь аптекарши капала на стол, звук был тише, чем от ножа до этого.

— Здесь никого нет, — он взмахом обвел комнату. — Ни стражи. Ни слуг. Только ты и я, — он посмотрел на ее куколку и толкнул по столу к ней. — Вот. Теперь я ничего не могу сделать.

Грудь аптекарши вздымалась. Ее пальцы дрогнули, и принц улыбнулся.

А потом он медленно повернулся к ней спиной. Он убрал волну волос вперед, и она упала на его грудь.

— В спину, Эррин. Ударить меня? — просил он, и ему вторило тихое эхо.

Она смотрела на него, замешкавшись. Она подняла нож и посмотрела на него, на кончике был красный след, там, где нож порезал ее.

Вдруг он оказался рядом с ней, осторожно забрал у нее нож. Он слизнул с лезвия ее кровь и опустил нож, потянулся к ее руке. Он сунул ее раненый палец себе в рот и потянул кровь, золотые глаза при этом смотрели в зеленые.

Его язык скользнул по ране, а потом он отпустил ее. Она взглянула на палец, кровь уже не текла.

— Значит, ты не хочешь мой Эликсир, — сказал принц хрипло, напоминая аптекарше кого-то другого.

Она покачала головой, но не могла отвести от него взгляд.

А потом он с силой ударил ее по щеке, заставив выронить нож. Она и не знала, что снова взяла его.

— Собственные поступки до добра не доводят, — повторил принц. — Прочь с глаз моих.

Аптекарша развернулась и побежала.

Стук слева от нее заставил ее остановиться, и она увидела нож, вонзившийся в дверную раму в дюймах от нее головы. Она ощутила, как дрожит тело. Она не оглядывалась на принца, пока убегала.

Глава 5:

Я не знала Трегеллан достаточно хорошо, чтобы вести нас в Лормеру, и Кириин направлял нас к Алмвику. Я ехала теперь с ним, сидела перед ним на пестром коне, мы едва помещались в седло, сделанное для одного.

В стороне ехали Ниа с Сестрой Надеждой, их окружало потрясение и горе. Они молчали с тех пор, как мы решили ехать в Лормеру. Но я порой замечала движения и, обернувшись, видела, как пальцы Сестры Надежды возвращаются к рукояти меча, на ее лице появлялось при этом страшное выражение. Я вспоминала, как Лиф слетел с лошади, его лицо было в

крови от моего ножа, а потом я вспомнила прибывших к деревьям женщин. Каждый раз во мне вспыхивал гнев, я стискивала зубы от желания сделать что-то ужасное.

Мы смогли снять тела, Кирин поддерживал меня за ноги, пока я вытаскивала огромные железные гвозди, а Сестра Надежда и Ниа ловили их снизу. Они были твердыми и холодными, но Сестра Надежда обняла их и поцеловала их твердые щеки. У нас не было возможности похоронить их, мы спустили их в яму к Терре и Глину, накрыли листьями и ветками, чтобы защитить от животных, которые точно придут.

— Солнце должно быть позади нас, — сказал Кирин в третий раз с тех пор, как мы пошли на восток, и я ощутила, как он оглядывается через плечо. Я тоже оглянулась, пытаюсь разглядеть тусклое светило за покровом туч. — Скоро закат. Остановимся в нескольких милях от Ньютауна, заночуем там. А завтра дойдем до Алмвика, откуда попадем в лес.

— Нам лучше двигаться и ночью, — сказала Ниа. — Мы слишком заметны днем.

— Мне нужно солнце, чтобы направлять нас в Лормеру.

— Смотри на звезды.

— Я не умею, — голос Кирина был напряжен.

— Днем идти безопаснее, — сказала Сестра Надежда, заставив их замолчать. — Днем мы хоть видим, что к нам приближается. Или преследует. Ночью мы слепы.

Час спустя мы убедились в ее правоте. Мы заметили на горизонте черные точки, что скоро стали всадниками, и я ощутила, как напрягся Кирин, я сжалась от страха. Мы замедлили лошадей. Я вытаскивала из-за пояса нож.

Мои ладони стали влажными, когда они приблизились, две фигуры в плотных плащах. Было невозможно понять, мужчины это или женщины, трегеллианцы или лормерианцы, нож ощущался слабо в руке. Я крепче сжала нож и медленно дышала, готовая наброситься. Но всадники проехали мимо, не открывая лица, и мне стало плохо из-за того, что адреналин не нашел выхода. Когда Кирин склонился и тихо спросил, в порядке ли я, я увидела, что нож дрожит, и спрятала его за пояс.

Мы остановились у ручейка в двух милях от Ньютауна, после спора между Кирином и Сестрой Надеждой насчет того, кто способнее, Надежда пошла к городу одна и пешком, чтобы поискать припасы, оставив нам лошадей. Мой желудок так сжался, что я молилась, чтобы мы нашли еду. Я не помнила, когда в последний раз так далеко путешествовала без еды. Я огляделась в поисках ягод или корешков, но была почти середина зимы, и я не была экспертом в собирании припасов в лесу. Эррин бы знала, будь она здесь, и от этой мысли мой желудок сжался. Только бы она была в порядке. Я тихо молилась тому, кто послушал бы. А потом я села в тишине рядом с Нией и Кирином. Сестра Надежда вернулась через час с огромными глазами.

— Ньютаун захвачен, — сказала она, рухнув рядом с нами и проведя рукой по волосам. — Поставили врата. Они не сильно прочные, деревянные балки с проволокой, но их охраняют люди, на их руках знак трех звезд. Я больше никого не видела, наверное, там комендантский час.

— Там были големы? — спросила я.

— Я их не видела. Но могут быть.

— И еды там не было? — спросила Ниа.

Сестра Надежда покачала головой.

— Мне жаль.

И мы провели еще одну ночь на земле, и было еще хуже, потому что пошел ледяной

дождик через час после того, как мы улеглись, и вскоре я чувствовала его костями. Мы даже не думали о достоинстве, жались друг к другу, как лисята в норе, дрожали дружно под дождем. Как только мое тело онемело достаточно, чтобы уснуть, небеса стали серыми, и Сестра Надежда встала из нашего гнезда и заставила вставать нас. Похоже, никто из нас не привык обходиться без еды, судя по хору урчащих желудков, который мы пытались заглушить водой из ручья. Мы проверили лошадей и отправились в путь, обойдя Ньютаун еще до восхода солнца.

Я слишком устала, чтобы говорить, одежда промокла и начала понять, желудок урчал, не переставая, словно в нем оказалось злое животное, грызущее меня. Ниа ехала, согнувшись, держась за живот, лицо Сестры Надежды кривилось. Нам нужна была еда, и поскорее.

Мы заметили фигуры на горизонте после полудня и пришли в себя, насторожились из-за угрозы, мое сердце уже знакомо нервно билось, мы выхватили оружие и ждали.

Вскоре стало ясно, что они идут пешком, вдвоем, одетые в коричневую шерсть, а не броню, и мое облегчение отразилось на лице женщины, прижимавшей сверток к груди. Мы остановили лошадей рядом с ними, сверток в руках женщины зашевелился, но там оказался не ребенок, как я думала, а маленькая черно-белая собака. Она лизнула лицо женщины, и я не сдержала улыбку.

Мужчина обратился к Кирину с певучим трегеллианским акцентом.

— Если вы едете в Тирвитт, то зря. Если только вы не поддерживаете этого Спящего принца.

— В Ньютауне так же, и в Тремейне, — хмуро сказал Кирин. — Оба потеряны.

Мужчина выругался.

— Не знаешь, как ситуация в Трессалине?

— Нет. Но, судя по следам на Королевской дороге, армия пошла на юг после Тремейна, так что...

Мужчина мрачно кивнул, и я вспомнила, где слышала раньше Тирвитт.

— Там был лагерь за городом, да? — сказала я. — Для беженцев из Лормеры. Что с ними случилось?

— Потеряны, — сказал он. — На них напали первыми. Бедняги оказались в ловушке, как крысы. Там была ограда, и они пытались выбраться, убежать, но не смогли. Это все, что спасло нас. Мы слышали крики из Тирвитта...

Он говорил, я видела, как двигаются его губы, но не слышала слова. Бедные люди. Мой народ. Они оказались заперты в лагере, вдали от домов, у них было только то, что они могли взять с собой, и они не спасли себя или любимых. Не смогли жить. И погибли.

Внутри снова закипел гнев, наполняя меня огнем, желанием двигаться, делать что-нибудь. Сражаться, мстить, все исправлять.

— ...план был идти в Трессалин, но теперь... — мужчина все еще говорил, и я прислушалась вовремя, чтобы уловить. — Куда вы идете?

— В лес, — быстро сказал Кирин. — Пока что.

Мужчина снова кивнул.

— Знаю, некоторые отправились туда.

Мы замолчали, я видела, как мужчина смотрит на лошадей, на его лице мелькнула хитрость. Он с безразличием скользнул взглядом по Кирину, мне, Сестре Надежде и Ние, которые молчали. Нехорошее предчувствие сдавило грудь, и я попыталась поймать взгляд

Нии, но лишь заметила, что она смотрит на сумку на спине мужчины, выражение ее лица отражало такое же желание, как и у него. Воздух, казалось, сгустился.

— Нам пора, — сказала я и заставила лошадь двигаться, нарушая растущее напряжение, которое замечала только я, все посмотрели на меня. — Удачи вам, — сказала я мужчине и его жене и подняла руку, показывая нож на поясе.

— И вам, — сказал он с ноткой разочарования.

Я потянулась к поводьям и хлестнула ими, заставляя лошадь неспешно бежать, чтобы уйти от них.

— Что такое? — спросил Кирин, когда я дала лошади снова идти.

— Мне не понравилось, как он смотрел на лошадей. И как Ниа смотрела на его сумку, — тихо сказала я. — Для нас опасны не только люди Аурека, — я увидела, как его костяшки на поводьях побелели. — Нам нужно быть осторожнее, — сказала я. — Лошади ценны.

— Как и ты, — отметил Кирин. — Слушай, может, мы...

— Мы договорились, — я прервала его. — Мы едем в Лормеру.

— Я хотел только сказать, что, может, не стоит говорить, что мы едем в лес. Пусть думают, что мы едем к берегу. Лиф знает, кто мы, сколько нас. И нас будет легко выследить.

— Ты прав. И нам нужно избегать людей. Не стоит общаться с ними.

Кирин согласно кивнул, Сестра Надежда поравнялась с нами.

— Неплохая мысль, — сказала она. В ее тоне было уважение, почти тепло. Это никак не наполняло мой пустой желудок, но как-то помогало.

Мы прибыли на окраину Алмвика, и солнце пробилось сквозь тучи, бросая на нас тусклый, но приятный свет. Кирин повел нас через развалины лагеря армии Трегеллана — палатки, склады и конюшни, о которых он рассказывал, пропали. Немного забытого оружия осталось в грязи, мы забрали все, что могли: больше ножей, булаву без рукояти, маленький меч, погнутый щит и шлем с вмятиной. Каким-то чудом мы наткнулись на мешок с галетами, сушеным мясом и фруктами, лежавший у палатки капитана, как ее назвал Кирин. Мы напали на еду, как животные, хоть сухари и были твердыми настолько, что я беспокоилась за зубы, я все равно пихала их в рот. Так делали и остальные. Это была лучшая еда в моей жизни. Мы доели все, запили водой из колодца. Кирин показал мне старый дом Эррин, где не осталось даже старого плаща, хотя я нашла старую книгу со сказками Трегеллана в кожаной обложке с позолотой под перевернутой кроватью.

Я хотела убрать книгу в сумку, чтобы потом отдать ей, но вспомнила Лифа на моей кровати в Лормере, рассказывающего, как его мама читала ему сказки. Любопытство пересилило, и я открыла книгу и увидела лицо Аурека. Я бросила книгу в печь, хоть там и не было огня. Решетка сдвинулась, и я нашла инструменты аптекаря, скрытые под решеткой. Ниа воскликнула, увидев их, и осторожно вытащила, а Сестра Надежда улыбнулась. Мы тщательно завернули инструменты, в последний миг я добавила в сверток книгу. Эррин сама решит, нужна ей книга или нет.

Ничего не оставалось, кроме как идти в Западный лес.

Лес кошмаров из моего детства, я верила, что там были духи, чьи грехи не поглотили, и они вечно скитались там. До путешествия в Скаррон я видела лес только издали, когда мы миновали его с мамой, спеша на вызов. Но когда мне пришлось пройти его, я была приятно удивлена тому, что он оказался зеленым, теплым и полным жизни. Даже теперь он был живее и зеленее полей рядом с ним. Мы спешили и повели лошадей в лес по одному:

Кирина, я, Ниа и Сестра Надежда шла последней.

Нападение произошло со всех сторон. В один миг птицы пели, а потом наступила тишина, зато появились они. Их было четверо, шарфы закрывали лица, опасно изогнутые ножи они держали в руках. На них не было важных нарядов, меток. Это не были люди Спящего принца. Они определили Кирина и Сестру Надежду самыми опасными и беспощадно напали на них. Удар в бок горла, в живот, и через секунды они были обезоружены и стояли на коленях, не надеясь отбиться. Это произошло так быстро, что мы с Нией даже не успели вытащить ножи. Ниа схватила меня за руку, и я крепко сжала ее ладонь.

Один из мужчин, высокий, голубоглазый, встал перед нами.

— Берите лошадей, — сказала я. — Берите, что хотите. Но дайте нам пройти.

— Куда пройти? — голос приглушал шарф, но он был мужским. И, к моему удивлению, принадлежал лормерианцу.

— Не могу сказать. Но обещаю, что я вам не угроза.

Мужчина задумался, склонив голову.

— Плащ выглядит теплым, — сказал он и потянулся к нему.

Он не успел приблизиться, другая фигура отбила его руку.

— Не трогай ее! — почти закричал он.

Он повернулся ко мне и убрал шарф, и я тут же узнала его.

— Стуан? — спросила я, он кивнул.

— Так это ты? — спросил Стуан. — Я так и подумал, но волосы...

— Покрашены, чтобы выбраться из Лормеры.

Мужчина, чью руку убрал Стуан, убрал свой шарф, показывая худое смуглое лицо.

— Кто она? — спросил он.

— Это леди Твайла, — сказал Стуан. — Донен Воплощенная.

Я взглянула на Кирина. Теперь он поймет, почему Лормера была правильным выбором.

— Верно, — сказала я, пытаюсь сохранять голос ровным. — Знаю, я выгляжу немного иначе, но я — Твайла Морвен, Донен Воплощенная, дочь Пожирательницы грехов Лормеры и бывшая суженая принца Мерека.

Никто не выглядел впечатленным, и я понимала, что звучу и выгляжу не убедительно. Каштановые волосы, грязная, в старом плаще поверх платья, испачканного кровью. Никаких украшений, красного платья, стражи. Я не выглядела как сияющий признак надежды, о котором говорилось в легендах.

— Как тогда она касается тебя? — спросил другой мужчина, указывая на руку Нии в моей руке. — Донен была ядовитой.

— Нет, я... — я замолчала, пытаюсь понять, как объяснить поступок королевы. — Я никогда не была ядовитой. Это все ложь королевы.

— Донен была палачом, — сказал мужчина. — Или ты была, если ты — это она. Ты убивала людей. Я был там, работал там. Мы все знали, что ты убивала людей. Я видел тела.

— Это была уловка, — сказала я. В голосе звучало отчаяние, и я подавила его. — Королева добавляла в их последнюю еду яд. Он был просчитан идеально, чтобы выглядело так, будто их убила я.

Пауза, а потом:

— Так теперь ты просто девушка? — сказал Стуан.

— Нет. Нет, я не просто девушка, — я говорила и ощущала, как жар поднимается к

груди и шее, делая кожу красной, но я продолжала. — Я пришла, чтобы вести вас против Спящего принца. Я хочу бороться с ним, хочу вернуть Лормеру.

Мужчины переглянулись.

— Вчетвером?

Мои щеки вспыхнули, я ощутила дрожь, когда мужчины посмотрели на нас. Моя решимость трещала по швам, рушилась, словно ее выстроили неправильно. Я взглянула на Кирина, а он печально смотрел на меня, словно ожидал такое и хотел бы избавить меня от этого. Ниа и Сестра Надежда тоже молчали, их лица прочитать не получалось. Интересно, как поступила бы Эррин? Наверное, ударила бы кого-нибудь. А потом я невольно подумала о Хелевесе, как она сплетала слова так, чтобы даже ужасные вещи звучали логично. Чтобы словам верили. Считали возможными.

— Да. Но нас было только двое, когда я победила одного из его големов в Тремейне.

Удивление появилось на лице Стуана, он взглянул на меня, и я выпрямилась, стараясь выглядеть внушительно. Момент был решающим.

— Слушайте, нам нужно вернуться в лагерь, — вдруг сказал Стуан. — Скоро стемнеет. А вы... — он замолчал, посмотрел на друзей, а те кивнули. — Вы можете идти с нами, если хотите. Поговорим там обо всем.

Он отвернулся от меня, за ним пошли остальные мужчины. Через миг за ним последовала Ниа, Сестра Надежда схватила за поводья свою лошадь и присоединилась к ней. Я ощутила, как Кирин пытается посмотреть мне в глаза, но в этот раз не обратила на него внимания, а смотрела на спину Сестры Надежды и шла за ней. Сухари теперь казались тяжким грузом в моем животе, и я жалела, что поела.

Глава 6:

Они отвели нас в свой лагерь глубже в лесу, в восьми милях от места, где они нашли нас, в нескольких милях от моря. Они говорили, пока мы шли по Западному лесу, оказалось, что все они раньше работали в замке, один был конюхом, другой — садовником, а тот, что напал на Сестру Надежду, был стражем, как Стуан, хоть и не моим. Мужчины общались дружелюбно, особенно, с Кирином, спрашивали о Трегеллане и том, что наделал здесь Аурек. Никто не говорил со мной, снова никто не смотрел на меня. Несмотря на мои уверения, они старались не приближаться ко мне. Ниа же шла рядом со мной, когда позволяла тропа, и помогала мне перелезть через деревья, даже если помощь не требовалась. Каждый раз при этом она пронзительно смотрела на мужчин.

Мы шли до их лагеря почти три часа, и там почти пятьдесят пар глаз тут же посмотрело на нас.

В центре у большого котла стояла женщина с лормерианским лицом: сильными чертами и настороженным взглядом.

— И кто это?

Я хотела заговорить, повторить свою речь, но Сестра Надежда вышла вперед, задев по пути мою руку.

— Я Надежда, Хоуп Колби. Это Ниа, а это Кирин, — представила она остальных. — Думаю, вы знаете Твайлу Морвен, хотя вы ее, наверное, помните лучше как Донен

Воплощенную, — раздалась вскрики, но Сестра Надежда, или Хоуп Колби теперь, продолжила говорить, заглушив шепот. — Ниа и Кирин — трегеллианцы, но я из Лормеры, как Твайла. Родилась в Монкхэме. И мы очень рады всех вас видеть.

Все смотрели на меня, и я выпрямила спину и подняла голову.

— А теперь, — сказала Сестра Надежда... Хоуп, ее голос был четким, но теплым, — уверена, вы слышали всякий бред о том, что Твайла ядовита, что может убить вас. Но это не так. Не кожей, — Хоуп обвила рукой мои плечи, толпа снова вскрикнула, одна женщина даже схватилась за руку крупного мужчины рядом с ней. Что-то заставило меня приглядеться к ней.

— Леди Шаста? — спросила я.

Она кивнула, ее голова качнулась, как початок кукурузы, на ее длинной шее.

— Вы сбежали?

Снова кивок.

— Как?

На миг ее лицо скривилось.

— Мы были в нашем замке в Шаргате, когда услышали о нападении Спящего принца. Меня отослали, а муж хотел сражаться. Он погиб, — она опустила голову, ее огромный спутник тоже. Казалось, она уже нашла лекарство от своего горя.

— Мне жаль, — сказала я. Кто-то в толпе крикнул:

— Она не умерла.

Я повернулась к женщине, указывающей на Хоуп, все еще обнимающую меня.

— Она должна была умереть. Она коснулась ее и должна была умереть.

— Конечно, я не умерла, — сказала Хоуп, опередив меня. — Хелевиса врала всем вам. Включая Твайлу. Уверена, у всех вас есть вопросы, и Твайла точно будет рада ответить и поделиться своими планами. Но мы долго были в пути. Мы бы хотели отдохнуть. И немного поесть, если можно.

Толпа смотрела на нее и на меня, а потом на женщину у котла. У меня создалось впечатление, что мы ожидаем приговора.

— Мы из Монкхэма, — раздался слева голос. — Мы торговали мелочами в Старом ряду, — напряжение нарушилось, и женщина у огня наполнила миску едой и передала Хоуп. Она пошла вперед, прошептав:

— Терпение. Дай им привыкнуть к тебе, — и она взяла предложенную еду и села рядом с женщиной, которая только что говорила, и тут же завязала с ней разговор. Кирин пожал плечами и последовал ее примеру, и вскоре все мы сидели у огня и ели то, что, как мне сказали, было рагу из белки, приготовленное женщиной, почти бросившей мне миску. Я ощущала на себе взгляды, люди поглядывали на меня, пытаясь увидеть во мне дитя богов. Никто не сидел рядом со мной. Никто не говорил со мной, не спрашивал, где я была, или что-нибудь еще. Они радостно говорили с Хоуп, Кирином и Нией, но не со мной.

Я увидела себя их глазами: любимицу Хелевисы, отравительницу, дочь богов. Отчужденную. Неприкасаемую, недоступную и другую во всем. Я верила, что люди будут рады меня видеть, будут рады плану победы над Ауреком. Я думала, что они ждали того, кто поведет их. Но они обсуждали, как включают нас в список тех, кто готовит, убирает, охотится, словно мы собирались жить в лесу. Никто не говорил о борьбе. О мятеже. Они оставались на месте.

Во мне расползлась пустота, ощущение я тут же узнала. Бездна, слабость.

«Не все можно легко одолеть, — прозвучал во мне сильный женский лормерианский голос. — Просто будь хорошей девочкой».

— Нет, врешь! — крик Нии вырвал меня из мыслей. Ее миска, лежавшая на коленях, упала на землю, она встала с пепельным лицом. Мужчина, с которым она говорила, тут же напрягся, пожал плечами и отвернулся к своей еде.

Кирин встал, отвел Нию в сторону, а вскоре и остальные начали медленно расходиться к ткани, развешенной между ветвей, возвращаться в самодельные дома.

— В чем дело? — я склонилась к Хоуп. Ее лицо было мрачным в тусклом свете огня.

— Аурек продает схваченных алхимиков, — сказала она без промедления. — Он предлагает их богачам и мэрам городов. Они получают себе алхимиков и золото, если поклянутся в верности ему. Если они используют своих людей и силы для Спящего принца, если они будут подавлять восстание в городах, тогда они смогут забирать себе все золото своих алхимиков, без налогов и вопросов. Двое алхимиков уже убили себя, чтобы не стать рабами.

— Он продает их?

— На аукционе.

Я поняла ужас Нии.

— А Ката? — спросила я, Сестра Надежда покачала головой.

— Мы не знаем. Но нужно скорее добраться до них.

— Но не все они такие испорченные, да? — сказала я. — Кто-нибудь ведь отвернется от него.

Хоуп посмотрела на меня без эмоций.

— Он предлагает им и Эликсир. Как только они проявят себя, что бы это ни значило. Вечная жизнь для тех, кто будет на его стороне.

Ужасающая ярость поглотила меня, и я не могла двигаться. Как он посмел предлагать использование тел алхимиков как плату для тех, кто будет управлять жителями городов? Боль в ладонях заставила меня опустить взгляд и увидеть, что я сжала кулаки, ногти впились в кожу. Я разжала их и положила ладони на колени, а потом глубоко вдохнула.

— Что нам делать?

— Тебе решать, — сказала Хоуп. — Я могу показать этим людям, что ты не опасна для них, но не могу заставить идти за тобой. Это делать тебе. И скорее. За твою голову назначена награда, Твайла. Эта зима будет сложной. Тебе нужно предложить им что-то лучше, чем предлагает он.

Она была права. Конечно. Но как?

Они дали нам одеяла, Стуан помог Кирину соорудить для нас палатку в стороне от остальных, видимо, из-за меня. Огонь погасили, первые стражи заняли свое место, Кирин вызвался присоединиться к ним. Я свернулась рядом с Нией, потерла ее плечо. Она хлопала меня по спине, но ничего не сказала. Хоуп лежала за мной, и я слышала храп и сопение из лагеря. Мне нужно было, чтобы они пошли за мной, чтобы уважали меня. Но не как Хелевису, не из страха. Я не была такой и не хотела становиться или даже притворяться такой. И я хотела, чтобы они перестали избегать меня, я хотела их верности. Чтобы они полюбили меня.

И я попробовала. На следующий день я задержалась за завтраком, наблюдая, чтобы понять, как работает лагерь, кто главный. Это напомнило немного жизнь во дворце, где я пыталась разгадать иерархию. Вчерашние мужчины, включая Стуана, ушли в лес, как только

доели, как и еще одна группа, три женщины и мужчина с луками. Они были важными, охотниками и защитниками лагеря. Двое мужчин с хаганским акцентом общались у костра, затачивая ножи и мечи. Оставшиеся люди, включая леди Шасту, начали собирать вещи для стирки, и я воспользовалась шансом.

— Позвольте помочь, — сказала я. — Я хочу быть полезной здесь.

Они переглянулись, и мы все повернулись к поварихе, смотревшей на меня. Она была главной. Ее нужно было склонить на свою сторону.

— Там достаточно людей, — сказала она.

— Может, я тогда помогу с едой? — попыталась я снова.

— Мне не нужна помощь, девчушка.

— Я хочу что-нибудь сделать.

— Нужно опустошить горшки, — сказала женщина позади меня, но я, обернувшись, не смогла понять, какая именно.

Я взглянула на их главу, та пожала плечами, и я увидела в этом вызов. Она думала, что я откажусь. Она этого хотела.

— Хорошо. Где они?

Она устала на меня и пожала плечами.

— Там за деревьями. Их нужно опустошить в яму в лесу. Придется выкопать новую. Не у реки и не возле лагеря. А потом горшки нужно вымыть и вернуть.

— Я так и сделаю.

Опустошать чей-то ночной горшок было неприятно, а чистить три общих горшка, которыми пользовались пятьдесят людей, было кошмарно. Пахло отвратительно, но я делала это, полчаса тащила их от лагеря по одному на расстоянии вытянутой руки, постоянно представляя, как я спотыкаюсь и выливаю содержимое на себя. Я выкопала чертову яму и вылила содержимое туда, кривясь от плеска. Потом я набрала воды в реке и ополаскивала их снова и снова, пока не осталось и следа, после чего я отнесла их обратно. Когда я закончила, вернулись охотники, готовилась еда. Никто ничего не сказал мне, и я приняла миску супа в тишине и подошла к Ние, хотя голодной не была. Если бы я делала так по пути сюда, то никогда не жаловалась бы на нехватку еды.

Ниа была бледной и встревоженной, но когда я села рядом, она сморщила нос и немного отодвинулась.

— Без обид, но ты воняешь.

Я не обиделась. Она была права. И я ее поняла, когда она легла спать в другом конце палатки. Но мне нужно было продолжать. Нужно было завоевать их.

Я чистила горшки и на следующий день. И потом. И потом. Со мной все еще никто не говорила, я словно вернулась в прошлое, я снова была якобы важной, но в стороне. Презираемая. Лишняя. Ничто не изменилось. Хоуп следила, но ничего не предлагала.

«Дай им привыкнуть к тебе».

На следующий день я вычистила горшки так быстро, что, когда вернулась в лагерь, мне предложили помочь приготовить еду, если я хорошенько вымою руки. Я посчитала это прогрессом, пока мне не выдали тушки трех зайцев.

— С них нужно снять шкуру и вытащить внутренности, — только и сказали мне.

Я давно так не делала, но помнила, как это делать, так что приступила к работе. Их внутренности забивались мне под ногти, пока я их вытаскивала и бросала в огонь. Как только я закончила, мясо забрала Эма, их лидер и повар, которой больше не нужна была моя

помощь. Мне стало интересно, откажутся ли люди от еды, если узнают, что я трогала мясо, но этого не случилось.

У меня не было аппетита, и я пошла в палатку, где только я и спала до заката. Завтра я снова встану и буду чистить их горшки. И послезавтра. И, видимо, дальше тоже. А они все равно не полюбят меня. Все было как в Лормере. Я тратила время, с каждой секундой Аурек становился опаснее, но я не знала, что еще делать. Я не знала, как нравиться людям, я никогда этого не умела. Я не была Эррин или Нией с их пылающими сердцами. Я не умела играть, как Лиф. Я не была такой хитрой, как Сестра Надежда, всегда знающая, что нужно сказать. Я была застенчивой, тихой и слишком серьезной. Таких не любят.

Я сжалась на одеялах, дыша ртом из-за своего запаха, когда ощутила кого-то неподалеку. Я повернулась на бок и увидела силуэт Хоуп в лунном свете.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Сплю.

Она щелкнула зубами.

— Нет, Твайла. Вся эта суета с мытьем горшков и чисткой зайцев. Чего ты добиваешься?

— Делаю, как вы и предложили. Даю им привыкнуть ко мне, полюбить меня.

— Я не говорила тебе добиваться их симпатии. Тебе нужно, чтобы они шли за тобой.

— А есть разница?

— Лидерство, — сказала она. — Чтобы управлять, тебе нужно уважение. Доверие. Никто не будет слушать приказы той, что чистит их горшки и воняет.

— Я не знаю, как заставить их слушать меня, — мой голос звучал жалобно, и я ненавидела себя за это. — Я думала... что это будет как в Конклаве. Думала, что они послушают меня.

— Почему?

От вопроса я опешила.

— Я... потому что вы все послушали. Эррин в Скарроне тоже. И в Конклаве согласились сражаться на моей стороне.

— Мы все знали, что ты — лучший вариант для сражения с ним. Мы все знали, кто ты, на что способна. Они не знают. Они знают лишь, что из обычной девушки сделали отравительницу, а теперь у тебя и этого нет.

— И что мне делать? — смятение делало меня раздраженной. — Какой мне стать, чтобы заслужить их внимания?

— Пойми сама. И скорее. У нас нет времени. И, ради богов, помойся, если не придумаешь ничего лучше, — она бросила мне что-то, и вещь прилетела мне в лицо, я убрала ее, и Хоуп уже не было, а я держала чистое платье, красно-коричневое и шерстяное, и сухую простыню.

Я услышала смех из лагеря и хотя знала, что это не связано со мной, он все равно жалил.

Она была права. Никто не пойдет за такой мной. Храброй я была с Эррин рядом со мной. Вот бы она была рядом.

«Но ее тут нет, — рявкнула я, злясь на себя. — Так что перестань. Дело не в Эррин. Или Мереке. Или Мэрил. Дело в тебе. Хоть раз в своей жалкой жизни перестань жить ради других, живи для себя».

Наполнившись желанием двигаться, выплеснуть гнев, я взяла грубое мыло и пошла к ручью, разделась на берегу. Я бросилась в ледяную воду, и она выбила из меня дыхание,

очистила меня. Когда я нырнула с головой, чтобы вымыть волосы, все мое тело охватил огонь, но холодный и ясный, полный решимости. Огонь, способный поднимать. Я терла, пока не увидела снова свои рыжие волосы. А потом я вынырнула из воды, мне уже не было холодно, я надела новое платье через голову и ощутила себя перерожденной. И голодной.

В лагере многие уже ушли спать, и я положила себе оставшееся в котле и проглотила, сидя у дымящихся углей. Я посмотрела на небо над собой, и закат был красным. Завтра будет ясно. Красное небо на ночь — отрада Донен, говорили люди.

Донен песней пробудила отца, чтобы он забрал небеса у Нэхт.

И тут я поняла, что мне нужно было делать. Что нужно было сделать с самого начала. Конечно, ничего не менялось. Я должна была это изменить. Это было моей проблемой. Если я хотела, чтобы во мне видели лидера, я должна была управлять ими.

Утром до рассвета я разбудила Нию, Хоуп и Кирина, трясая на плечи, пока они не стали ворчать на меня. А потом я разбудила весь лагерь, ударяя по котлу деревянной ложкой как можно сильнее. Вскоре поляну заполнили очень злые лормерианцы.

— За мной, — сказала я как можно властнее, в стиле Твайлы. — Все вы. Живо.

Я развернулась и пошла, словно ожидала, что они последуют за мной. Хоть и не сразу, но многие пошли за мной. Я слышала шаги, ноги шуршали по листьям, плащи задевали обломки веток.

Я быстро туда, где, по словам Стуана, был берег, помня, что над головой светлее небо. Почти час я шла, не оглядываясь, не зная, сколько людей пошло за мной. Наконец, я вышла из леса и увидела реку Аурмеру, широкую и серую, бегущую к Таллитскому морю.

Я слышала, как люди шепчутся за мной, и я посмотрела вправо, увидела там пики Восточных гор за деревьями. Солнце поднялось над ними, окрасило землю и воду в золотой, и я запела.

Мой голос был хриплым, но все еще мог петь, и я пела рассвету. Я спела «Далекую справедливость», «Карака и Седанию» и «Синюю лань». Я спела все песни, которые выучила при дворе, которые выучила, пока росла дома с матерью. Я пела, пока не ощутила, что горло болит, а солнце поднялось выше, рассвет озарил Лормеру.

Песни закончились, я обернулась. Все люди из лагеря смотрели на меня. Некоторые были насторожены, у некоторых были раскрыты рты, у некоторых на щеках были слезы. Руки лежали на сердцах, люди прижимали к себе любимых. Леди Шаста открыто плакала, Эма кивала головой в беззвучном ритме. Мне было все равно, пришли они из веры или любопытства. Они смотрели на меня. Они знали меня. Это был мой единственный шанс.

— Когда-то я была для вас смертью, — сказала я. — С тех пор многое изменилось. Для всех нас. Мы обменяли тирана на тирана. Хелевиса была сукой, — заявила я. — И я ненавидела ее, как и все вы. Но Аурек, этот Спящий принц, еще хуже. По сравнению с его жаждой крови Хелевиса просто ангел. И он не остановится. Ему и не нужно — у него есть чудища и силы, о которых Хелевиса могла лишь мечтать. Если мы не остановим его, он заберет все, разрушит все и всех превратит в рабов. Я могу остановить его, — я сделала паузу и окинула всех взглядом, заглянула всем в глаза, оставив Стуана последним. — Я говорила вам, что я не ядовита, и это так. Но для Спящего принца я — палач, каким вы меня знали. В каждой сказке есть доля правды, и в этой она тоже есть. Я — яд для него. Я — его смерть. И я принесу ее.

Сестра Надежда стояла за толпой и сияла. Без улыбки. Без выражения она источала гордость, и это поддержало меня.

— Если хотите жить в лесу, как кабаны, оставайтесь. Чахните здесь, пока я буду спасать и исправлять ваше королевство. Но те, кто не трусы, собирайтесь, — сказала я. — Я больше не буду прятаться в лесу. Мы пойдем в Восточные горы, уходим днем. Там мы укроемся в убежище. Я хочу, чтобы мы оказались там в течение недели, а потом мы будем готовы бороться. Пора Спящему принцу узнать, что солнце взойдет. Рассвет всегда наступает.

Я не ждала возражений. Я прошла мимо них и направилась в лагерь.

Я знала, что теперь они пойдут за мной.

Глава 7:

Меньше, чем за день мы разобрали лагерь и собрали скудные вещи. К ночи мы были на три мили глубже в лес, ели припасы Эмы, поварили, ведь весь день ушел на подготовку. Ночью мы прижались друг к другу под тканью, спали до рассвета, а потом встали и пошли дальше.

Мы двигались так, медленно и осторожно, собирая оставшихся и беженцев, когда находили их, неспешно приближаясь к Лормере. По пути в Скаррон я пересекала лес целый день, но была верхом на лошади и двигалась по главной дороге. Теперь мы останавливались и посылали разведчиков — Кирина, Стуана и других — проверить путь и доложить. Мне приходилось проявлять терпение, напоминать себе, что нам нужно осторожничать, что это лишь начало нашего пути.

Мы были в двух милях от края леса, когда услышали детей. Сначала я подумала, что ослышалась. Звук в лесу был странным, не просто так лормерианцы думали, что тут призраки. Я повернулась, решив, что слышу голоса, и заметила, что другие тоже хмурятся. Только когда резкий высокий вопль прозвучал и оборвался, я вскинула руку, чтобы остановить всех, чтобы понять, откуда доносится шум. Сзади раздалось ворчание, но я резко обернулась и покачала головой, и люди притихли. Хоуп и Кирин приблизились ко мне.

— Что такое? — спросила тихо Хоуп.

— Не знаю точно. Звук был похож на ребенка. Может, потерялся? Оказался вдали от родителей.

Хоуп с тревогой посмотрела на меня, и я знала, что мой взгляд такой же.

— Я схожу посмотреть, — сказал Кирин.

— А как же твоя нога?

— Все в порядке. Я в порядке. Я схожу.

Он пропал среди скелетов деревьев, а я повернулась к остальным. Я шепнула Ние на ухо, что нам нужно кое-что проверить, и сказала передать остальным это и просьбу не шуметь. Послание понеслось по рядам, люди начали опускать свои сумки и вещи, садиться на пни и гниющие бревна, вытаскивать еду и воду, некоторые пошли за деревья, чтобы облегчиться.

Пятнадцать минут перешли в полчаса, потом в час, судя по движению солнца над головой, и люди начали терять терпение. Мы были близко к краю леса, судя по расчетам Хоуп, мы вышли бы в трех милях севернее Шаргата. Там нужно было двигаться еще осторожнее, обходить Монкхэм и озеро Баха, а потом вдоль реки двигаться к горам. Путь был долгим и опасным, и задержка только заставляла всех нервничать.

Я хотела попросить Хоуп вести всех вперед, пока я буду ждать Кирина, когда он вышел, хромая, из-за деревьев, выражение его лица было полным ярости и ужаса.

— В лесу солдаты, — прошипел он, не дожидаясь, пока дойдет до меня. Все тут же принялись вскрикивать, хвататься друг за друга и за оружие.

— Тихо, — прошипела я им. — Если я слышу их отсюда, понимаете, что и они нас слышат? — они тут же притихли. — Расскажи, что ты видел, — сказала я Кирину, стараясь сохранять голос тихим и четким.

Кирин потянулся за флягой Нии, и она отдала ему воду без возражений. Он долго пил, потом ополоснул рот и сплюнул на землю. Только тогда он посмотрел мне в глаза.

— У них лагерь в трех милях западнее. Там поляна, расставлены палатки, похожие на палатки трегеллианской армии, их пять. И они там. Люди. И два голема.

— Лагерь? — сказала я. — Они установили лагерь в лесу. Это какая-то база? Пост по пути в Трегеллан? — я размышляла вслух.

Кирин покачал головой.

— Лагерь не обычный. И ты права, ты слышала ребенка, — он сглотнул. — Этот лагерь — тюрьма для детей.

Все тут же принялись испуганно переговариваться, а я так опешила, что не сразу остановила шум, рявкнув:

— Молчать! Хотите, чтобы и нас схватили?

Меня одарили мрачными взглядами, но люди притихли, я кивнула Кирину продолжать.

Он говорил с мрачным видом:

— Я видел их — мальчиков и девочек всех возрастов. Их выводили из палаток группами по десять и отправляли в другую палатку на окраине лагеря. Туалет там, наверное, потому что они были там лишь пару минут, а потом их вернули в палатки, откуда вывели, и пришло еще больше детей. Мальчиков они отделили от девочек, и всех охраняет десяток людей и два голема. Больше взрослых нет. Лагерь окружен оградой, ветки сверху заточены, как пики.

— Много их? — спросила я.

— Я насчитал сто десять.

— Откуда они?

— Шаргат, — сказала Хоуп. — Этот город ближе всего к лесу. Это точно дети из Шаргата.

— Зачем им забирать детей? — спросила Брига, дочь кузнеца, создающего луки, из района у Хаги. — Зачем они им?

— Власть, — тут же сказала Хоуп. — Если он забрал детей, люди будут слушаться. Любой родитель сделает все, чтобы уберечь ребенка, так ведь?

— Боги... — выдохнула я. Умно. Ужасно. Заплатить знати за верность и забрать детей у обычных людей, чтобы подчинить их. — Думаете, он сделал так во всех крупных городах? — спросила я, и она кивнула. — Бедные люди.

— Нам нужно что-то делать, — сказал Кирин. — Нужно забрать детей. Там только около тринадцати человек. Два голема. Нас больше. Мы сможем.

Я посмотрела на нашу банду изгоев. Да, технически нас было больше. И такие мужчины как Стуан, Ульрин, Хобб и Толли были обученными бойцами. Многие женщины тоже могли дать отпор. Но против солдат и големов в тесном пространстве и без огня, чтобы бороться с големами... Я видела, как он понимает это и прогоняет эту мысль, его желание что-нибудь сделать было сильнее желания мыслить разумно.

— Мы сможем, — настаивал он. — Мы можем напасть внезапно.

— И что потом? — мягко спросила я. — Если у нас получится, что нам делать с детьми?

— Взять их с собой.

— Повести группу детей по Лормере в горы? Он узнает и убьет их семьи...

— Нам нужно что-то делать, — повторила слова Кирина Эма и повернулась ко мне. Так сделали и остальные, ожидая моих слов.

— Мы сделаем. Обещаю. Но нужно делать что-то правильное.

Я отошла от толпы, доверив Хоуп управление ими, и они обступили Кирина, требуя больше подробностей. Я ушла за деревья неподалеку, чтобы очистить мысли. Нам нужно было что-нибудь делать, эти слова не были пустыми.

Но что нам сделать, чтобы не подвергнуть их всех риску?

Я представила испуганных родителей. Они могли поддержать меня. Спящий принц был сильным, но если я возглавлю людей, лормерианцев... если они все восстанут одновременно. Если бы я могла объединить их...

Голова заболела, слишком много мыслей пыталось пробиться в нее. Я заметила пень и села, стряхнув с платья паука, как-то попавшего сюда. Он прицепился к моему пальцу, и я смотрела, как он бежит по моей руке, перевернув ладонь, и поймала другой рукой, когда паук собрался забраться на мой рукав. Я усадила его на деревце неподалеку.

Он полез по стволу, а я смотрела вдаль.

Нам нужно было подать сигнал, что-то понятное, чтобы пробудить надежду, но не такое открытое, чтобы Аурек не ударил по лормерианцам. Что-то, что отвлечет его внимание от людей, но не направит на нас. Не направит все внимание. Ему пока не нужно знать о нас.

Я чувствовала важность этой идеи, встала и принялась расхаживать.

— Кирин, Ниа, — позвала я, и они пришли. Я повернулась к ним, мысль принимала облик в голове. К их удивлению, я улыбнулась. — Не хотите оставить в Шаргате послание этой ночью?

Я отправила Хоуп дальше с остальными, она хмуро ворчала о глупости.

— Нам нельзя потерять тебя, — заявила она, когда мы прощались. — Ты с ума сошла?

— Мы должны что-то сделать.

— Это не должна делать ты.

Должна. Я должна была вести это. Я должна была рисковать собой, если хотела остаться их лидером и сохранить их верность. Я должна показать им, что борюсь на передовой с ними. Что я готова рисковать так же, как и они. Это наш первый удар после того, как я пообещала им одолеть Аурика.

Я видела ужас в их глазах, когда Кирин рассказал о детях. Они смотрели на меня и ждали действий. Они повернулись ко мне. Так что я должна была стать центром, а риск был не так важен. Я должна быть лидером и вести за собой.

Я рассказала это Хоуп, и она вскинула руки в воздух.

— Но если мы потеряем тебя, потеряем единственный шанс одолеть его.

— А если я потеряю их, — парировала я, деревья скрывали от меня мою армию, — то все мы обречены. Пострадают их семьи. У них должны быть родственники, племянники, братья, сестры, а то и свои дети. Что они смогут получить, отдав меня Аурику? Как он наградит их и их семьи? Я должна показать им причину не делать этого. Я должна быть больше и лучше. Я должна быть для них единственным вариантом.

— Ты опасно играешь, Твайла. Ты можешь проиграть.

— Я проиграю, если не буду рисковать. Да, это игра. Это дети, лезущие на стену. Стену, которую охраняют его люди, которая окружает город, который он пленил. Жестоко. Мы оставим знак, что люди внутри не забыты, что не все подавлены. Мы напишем на той стене надежду. Обещание, что они не одни. А люди за стеной, мой народ, увидит, что их лидер готов рисковать своей головой, чтобы сдержать обещание.

Она все-таки сдалась, неохотно, с яростью, но сдалась, и она с большей частью нашего лагеря отправилась к горам по договоренному пути. Ниа, Кирин и Стуан, которого допустили, когда он доказал, что может изобразить правдоподобный трегеллианский акцент, и я остались в лесу.

План был прост: Стуан был в броне, Ниа одолжила кольчугу, и они будут отвлекать, чтобы их трегеллианские голоса эхом разносились по лесу, чтобы их слышали. Это отвлечет стражей от стен города, и мы с Кирином успеем оставить послание. Мы спорили насчет того, что написать, и где, но все же решились.

Этой ночью состоится дебют Восхода.

Мы решили написать на стене снаружи, так не обвинили бы никого из города, так что их не нужно будет наказывать, вредя детям. И послание должно было нести как можно меньше риска. Мы надеялись. Я повторяла слова в голове, пытаюсь понять, что может пойти не так, но, хоть не находила проблем, все равно тревожилась.

По чистой случайности один из беженцев из Лормеры был кожевником. Его звали Трей, он добавлял кожу на седла. Когда он сбежал, он забрал кожу с собой, надеясь, продать ее и ценные краски, и мы попросили у него темно-красную марену. Мы добавили сок свеклы из запасов Эмы и муку, чтобы сделать густую красную краску, которая, если ее быстро не смыть, останется надолго. Мы смешали все в шлеме трегеллианского солдата, который забрали из Алмвика, палками, взятыми с земли, а ветки с хвоей стали нам кистями.

Мы добрались до края леса, оставались в четверти мили от Шаргата и устроились там. Мы проглотили сухую оленину, что нам оставили, и помешали краску, добавив еще сока свеклы, когда краска стала засыхать. Оставалось лишь ждать. Мы следили за солнцем, смотрели друг на друга все чаще, когда оно начало опускаться, а воздух — охлаждаться.

— Это безумие, — сказала Ниа, мешая краску. — Никто внутри не увидит это.

— Нет, но стражи увидят. Кому-то придется оттирать надпись. И они будут говорить об этом. Слух пойдет по городу. Это нам и нужно. Мы не посылаем весть миру снаружи, мы говорим с людьми внутри, показываем, что они не одни. Что кто-то еще борется. И мы хотим, чтобы Аурек знал об этом. Мы хотим, чтобы он знал, что кто-то ему перечит.

— Если нас схватят...

— Нет. Все просто. Тебе нужно лишь говорить.

— В этом она хороша, — добавил Кирин, мы со Стуаном улыбнулись, и я продолжила:

— У вас есть броня, вас будут закрывать деревья. Вам нужно шуметь так, чтобы они не знали, сколько вас здесь. Они не уйдут от ворот, не зная точно, — я посмотрела на Кирина, и он кивнул. — Но они отойдут от стены, чтобы созвать подмогу.

— И тогда мы с Твайлой все сделаем, — сказал Кирин.

— Именно. Пока вы будете их отвлекать перед городом, мы подойдем с юга, напишем послание и уйдем. Встретимся в небольшой роще в двух милях севернее от города.

— Уверен, что знаешь, где это? — Ниа повернулась к Стуану.

Он вздохнул.

— Да. В девятый раз говорю, я знаю, где это. В двух милях севернее есть немного

деревьев.

Я посмотрела на небо.

— Пора начинать. Увидимся в роще.

Ниа нахмурилась.

— Как долго нам ждать там?

Я посмотрела на Кирина.

— Если мы не придем к восходу, то мы пропали. Следуйте за Хоуп в горы, — сказал он.

— Но мы придем. И пойдем вместе, — я встала, собрала наши кисти, Кирин осторожно поднял шлем с краской. — Помните, пять минут, и уходите. Двигайтесь. Меняйте голоса. Стуан, не забывай об акценте.

— Восход близко! — сказал он с почти идеальным акцентом. А потом повторил тише, и хотя акцент почти пропал, все равно было похоже.

— Отлично. Так и делай, — я посмотрела на Кирина, он кивнул. — Вперед.

Мне было не по себе, когда мы подошли к краю леса, желудок сжимался от переживаний. Через пару минут мы оказались довольно близко к стенам, чтобы я увидела людей на стенах в тени факелов. Я сосчитала их: три, четыре, пять человек на северной стороне, големов не было. Я не видела отсюда южную сторону, но людей там явно было не меньше. На западной стороне, где главные ворота выходили к лесу, их должно быть больше.

— Готовы? — спросила я.

Стуан кивнул, но Ниа не двигалась, напряглась, ее глаза были огромными, и мне стало ее жаль. Она столько всего увидела за последние несколько дней. И, что странно, ее страх делал меня немного храбрее. Я взяла ее за плечи и отвела в сторону от парней.

— Тебе не нужно идти, — тихо сказала я. — Если не хочешь. Или если тебе страшно.

— Мне не страшно, — прошипела она.

— Тогда ты глупая, потому что мне страшно.

Она посмотрела на меня и глубоко судорожно вдохнула.

— Пять минут, — сказала я ей. — И все. Просто помни мои слова.

— Двигаться. Менять голос. Держаться подальше от стен. Бежать в рощу.

— Верно. Готова? — она кивнула. — Готовы? — спросила я у Стуана и Кирина.

— Сделаем это.

— Считайте до тысячи, — сказал Ние Кирина.

А потом мы безмолвно пошли в темноте.

Как только мы покинули укрытие леса, проступил пот, я пыталась услышать свист стрел. Мы шли по открытому пространству, полагались на безлунную ночь и свои бесшумные движения. Тысяча шагов от края леса к западной стене, и на каждый шаг, казалось, уходил год. Мы двигались медленно, Кирина сказал, что быстрые движения привлекают больше внимания, так что мы крались, пригибаясь к земле, хоть тело и просило бежать.

Как только мы дошли до стены, я прислонилась к ней, тело дрожало, но Кирина схватил меня за запястья, покачал головой и заставил идти вдоль западной стены, понимая с ужасом, что в тридцати футах наверху враги следят за округой.

Мы повернулись к южной стене, и я услышала тихие голоса. Один смеялся, его друг отвечал. Всего двое на ночной смене. Что-то в этом заставило меня задрожать. Мы шли дальше, огибая границу последнего города возле Трегеллана.

— Здесь? — выдохнул Кирина, мы замерли.

Я оглянулась и не смогла увидеть край стены города.

В голове проносились варианты того, что могло пойти не так.

Стуана и Нию могли поймать. А если люди из лагеря в лесу обнаружат их?

А если кого-то из них подстрелят?

А если... я не закончила мысль, потому что рев над нами разрушил тишину ночи.

— Южная стена! Нарушители у ворот! — услышала я зов. А потом топот шагов по камню.

— Сейчас, — сказал Кирин. Он вытащил краску и вручил мне кисть.

Он держал шлем, пока я обмакивала кисть и писала, дотягиваясь так высоко, как только могла, вытягивая руку. Я написала «Восход» самыми большими буквами, Кирин двигался со мной вдоль стены. Я чувствовала, как краска отлетает мне на лицо, на руки, но не останавливалась.

Я закончила за минуту и замерла.

— Идем, — поторопил Кирин.

Но чего-то не хватало.

— Стой здесь, — прошипела я, обмакнула кисть. Я нарисовала горизонтальную линию футов в восемь длиной. Я не видела точно, чтобы нарисовать в центре, но я остановилась на половине пути к Кирину, пальцами нащупала краску, добавила на линии полукруг, и мои глаза привыкли к темноте. Я добавила больше линий, лучей, из полукруга.

Не все в Лормере умели читать, но все знали, как выглядит восходящее солнце. Я видела идеально...

Лучше бы я не видела.

Страж над нами смотрел прямо на нас в свете факела, его лицо застыло.

Кирин, смотревший на лес, повернулся, и я увидела, как его рот открылся.

— Беги, — прошипел он.

Но что-то остановило меня, что-то в выражении лица стража. Там было отчаяние и мольба. Я решила воспользоваться этим.

— Дети в порядке, — сказала я так громко, как только осмелилась. — В двух милях отсюда в лесу.

Мужчина молчал и смотрел, а потом:

— Поклянись.

— Клянусь.

— Ты убережешь их? — прошептал он, и я кивнула. — Идите! — прошипел он, отпрянув, и я услышала другой голос.

Кирин бросил шлем, чтобы его нашли утром, и мы поспешили к лесу.

— Там! Что-то движется!

Моя кровь остыла от голоса на вершине, в этот раз мне не нужно было прислушиваться, чтобы уловить свист стрел, наполнивших воздух с его словами.

Я и не знала, что умею так быстро бегать, и как-то добралась до леса, звук стрел, стучащих по деревьям, преследовал меня. Я повернулась и увидела Кирина за собой, его глаза были огромными. Он схватил меня за запястье и потащил дальше, пока звук погони не оказался вдали.

Мы поменяли направление, повернули направо и пошли на север, пытаюсь держаться параллельно краю леса. Мы бежали, спотыкались, и хотя ноги болели, а легкие пылали, бока словно пронзили ножами, я двигалась, тяжело дыша.

Кирин снова поменял направление, я — за ним, и мы покинули лес. Я надеялась, что впереди была рощица, и стала расслабляться.

Когда мы попали туда, Стуан и Ниа уже сидели под деревом. Через миг они увидели нас и побежали к нам.

— Ты в краске, — издала полувсхлип, полусмешок Ниа, крепко обняв меня. — И вы шумные.

Стуан и Кирин рядом с нами пожали руки и обнялись. Ниа отпустила меня, парни расступились, и она бросилась к Кирину. Стуан посмотрел на меня и замешкался. Я улыбнулась и вскинула брови. К моей радости, он покраснел, а потом похлопал меня по плечу, заставив меня смеяться.

— Как прошло? — спросил Кирин.

— Как и было договорено, — сказал Стуан.

— Он был прекрасен, — ответила Ниа. — Изобразил так много голосов.

Стуан покраснел еще сильнее.

— Нарисовали?

Я кивнула.

— Восход. И я нарисовала солнце. Для тех, кто не умеет читать.

— Но они нас заметили убегающими, — сказал Кирин. — Увидели, но, будем верить, что они будут говорить об этом.

— Будут, — сказала я. — Будут сплетничать и доложат Ауреку. Слух разлетится. Люди начнут задавать вопросы. Так что нам нужны на них ответы. Нужны люди в городах. Нужно узнать, все ли такие верные, как изображают.

— Как мужчина на стене.

Я подумала о страже, отпустившем нас.

— Как мужчина на стене.

— Что? — спросила Ниа. — Какой мужчина?

— Идемте, — сказала я. — Путь в горы долгий. Мы расскажем по пути.

Башня Правды

Аптекарьша спала на вершине башни, и в кровати легко поместились бы четыре таких, как она. Она лежала на шелковых подушках, как в сказке, и от них слабо пахло, как она думала, другой девушкой, местами они были поедены молью, но это не тревожило ее отдых. Ее короткие волосы разметались по подушкам, черные в лунном свете. Одна рука лежала на животе, другая — у щеки. Ее розовые губы были чуть приоткрыты, веки трепетали во сне.

Принц снова явился в ее разум.

Во сне они были в другой башне, она не знала это место, но быстро вспомнила его описания: они были в Таллите, стояли внутри одной из семи башен, что обрамляли центральную крепость. Из окна, у которого она стояла, она видела мосты, соединяющие башни с крепостью и друг с другом, чтобы придворные не ходили по земле, если не хотели этого.

Она знала, что это сон, ведь она слышала отчеты, что все башни разрушены за пятьсот лет забвения, жестокие морской воздух и соленые ветра превратили их в пни, оставили

дыры, как в зубах сладкоежки. А теперь она видела, какими они были: золотыми и красивыми.

Она знала, что это сон, потому что она могла стоять спиной к принцу. Она управляла своим телом.

Он встал за ней, не касаясь ее. Но был достаточно близко, чтобы его дыхание задевало ее волосы, а она ощущала тепло его тела. Достаточно близко, чтобы касаться ее, если захочет. Не во снах его кожа была холодной, безжизненной, как глина его охранников. Когда он приходил к ней во снах, он всегда был теплым. Ей хотелось бы прогнать его из головы, но уязвимость сна была для него открытой дверью, и он мог ходить по ее снам по своей воле. И хотя, пока она бодрствовала, он мог написать приказ и заставить ее тело слушаться, во сне он так не мог.

Она часто задумывалась, предпочитает ли он вызов во снах. Или ему было забавнее смотреть, как она делает то, что он пожелает.

— Тебе нравится? — спросил он.

Аптекарша услышала шорох ткани, он придвинулся, склонился, чтобы их лица оказались рядом и сказал:

— Я задал вопрос, милая.

— Не называй меня так, — заявила она.

Она слышала, как он улыбается.

— Миледи заговорила, — сказал он, радуясь, что заставил ее отвечать. — Может, она соизволит подарить мне еще больше слов с этих милых губ?

Аптекарша поджала губы, улыбка принца стала шире. Он повернул голову и заговорил прямо в ее нежное ухо.

— Сейчас мы в Башне Смелости. Здесь оставалась предшественница твоей подруги перед тем, как попыталась меня убить, — он замолчал, склонил голову, чтобы его подбородок задел ее ухо, и нежно потерся, будто кот. — Там, — он опустил голову, — Башня Мудрости. Там были комнаты дальней прабабушки Сайласа. Моей башней, как ты знаешь, была Башня Любви.

В этот раз она ощутила его губы на своей коже, и они растянулись в улыбке.

— Какой была бы твоя башня? Может, Мудрости? Нет... Нет. У тебя есть много качеств, Эррин Вастел, но ты не мудрая. Не мирная. Может, Правды? Это тебе ближе. Этот отказ быть счастливой со мной. Думаешь, они там, Эррин? Хотят прийти и спасти тебя?

Когда его пальцы обхватили ее подбородок, она отбила его руку.

— Нет, — сказала она. — Здесь ты меня не заставишь вести себя так, как хочешь, — и хотя она призвала на помощь гнев, во сне она ощущала спиной холодный ветерок, по рукам побежали мурашки.

Он склонил голову, разглядывая ее с опасным видом.

— Думаю, твои друзья придут, сладкая. Но не за тобой. Они придут за зельеварщиком, потому что он редкий и особенный. И за остальными. За теми, кто может делать золото. Но ты... совсем не особенная.

— Тогда зачем ты меня здесь держишь?

Принц рассмеялся.

— Я сказал, что ты не особенная. Но я не говорил, что от тебя нет пользы. Сайлас отдаст всю кровь, если будет верить, что так помогает тебе. Он пытался убить себя, ты знаешь это. А потом я напомнил ему, чем это обернется для тебя. И твой брат пойдет на

любой риск, на любое задание, пока верит, что я тебя защищаю. Ты мне полезна, Эррин. Что странно, учитывая, какой бесполезной ты оказалась для всех до этого. Ты предала отца, дав ему умереть. Предала мать, дав ей сойти с ума. Брата. Друзей. Моего потомка. Я бы не нашел Конклав, если бы ты не рассказала мне, что ты в Тремейне с Пожирательницей грехов.

Ветер хлестал окно за аптекаршей, ее колот ледяной дождь, и она повернулась к окну. Принц говорил за ее спиной.

— В этом мире ты не предала только меня, — она ощутила, как его ладонь скользит по ее спине, он нажимал на позвонки большим пальцем, отмечая каждое слово. — А ведь ты пыталась. Может, мне стоит задаться вопросом, зачем я держу тебя здесь?

Она резко проснулась. Таллит мгновенно пропал, и она смотрела во тьму своей комнаты. Ее сердце билось слишком быстро, и тело, казалось, пульсировало с ним в такт. Она склонилась, притянула колени и уткнулась в них головой, обняв их руками.

А потом она вскочила, чуть не запутавшись в простынях. Она понимала, что принц снова завладел ее телом, и попыталась остановить себя, обхватила руками столбик кровати. Но ноги вели ее вперед с такой силой, что она подвинула тяжелую кровать на дюйм, а потом отпустила.

Ноги привели ее к окну. Она забралась на подоконник, глядя на улицу.

Стекла во сне не было, но здесь оно было.

Она подавила вскрик, открывая окно.

Как и во сне, погода была ужасной, дождь жалил иглами ее лицо, ветер трепал ее ночную рубашку, задирает до бедер. Она не могла заставить себя поправить одежду.

— Я могу заставить тебя спрыгнуть, — тихо сказал позади нее принц. Она не слышала, как он вошел. — Если я напишу это здесь, — он поднял кусочек бумаги, — ты выбросишься из окна. Я могу заставить тебя двигаться.

Ужас охватил аптекаршу, ее желудок сжался, она пошатнулась без приказа принца. Она попыталась прижаться к стене.

Принц вытащил перо из туники и что-то набросал на листке, аптекарша ощутила горечь в горле, голова кружилась.

Принц прижал листок к телу куклы, и аптекарша ощутила, как двигается ее тело.

— Нет, — проскулила она.

Она повернулась к темноте, ветер и дождь ударяли ее по лицу. Она не видела внизу земли, не видела ничего.

Она услышала, как перо скребет по бумаге.

Ее колени согнулись.

— Прощу, — попыталась сказать она, но слова не срывались с губ.

Она прыгнула.

Она рухнула на спину у ног принца, лишившись воздуха, на миг ее легкие отказались работать, и она подумала, что умрет. Принц смотрел на нее, в этот раз в его глазах не было хитрости, и он не забавлялся от своей игры. Его голос, когда он заговорил, был без эмоций, без души.

— Я хотел, чтобы из нас получилась настоящая семья, я хотел потратить на это время. Я отправил твоего брата за твоей матерью, хоть он был мне нужен в другом месте, чтобы ты была счастлива. Но у меня больше нет времени на игры с тобой. Не только твои друзья понимают, что тебя можно заменить. Ты жива, потому что я позволил это, но мое терпение быстро подходит к концу. Завтра вечером ты будешь в главном зале через час после заката.

Ты будешь в чем-то очень красивом и будешь улыбаться. И мы поужинаем вместе, дружно. Ты не будешь пытаться порезать меня. Ты не будешь шипеть или бить меня. Ты будешь вести себя достойно. Короче говоря, милая, или ты делаешь себя особенной для меня, или я убираю тебя с игровой доски. Мне нужен твой брат и зельеварщик. Но ты мне не нужна. Помни об этом.

Он повернулся к двери и остановился.

— Башня Изнурения, — сказал он. — Так будет называться это место. Место, где сокрушают дух диких кобылиц. Потому что ты сломаешься, Эррин. Или умрешь.

Он оставил ее на полу, и она боялась пошевелиться или заплакать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭРРИН

Глава 8:

Я чувствовала, как он смотрит на меня с другого конца потертого деревянного стола, его взгляд был тяжелым и жирным, словно оставлял след грязи. От этого мне хотелось залезть в воду и оттирать себя, пока он не перестанет узнавать меня. Кожу покалывало, пока его глаза приказывали посмотреть на него. Я почти слышала сам приказ. Вместо этого я смотрела на тарелку с едой, желудок сжимался, но не от голода. Три месяца назад я бы отрезала руку и продала бы за такой пир. Мясо блестело от соков, овощи были покрыты масляной пленкой, от хлеба шел пар, если надломить корочку. Морковь, горох, кукуруза. Все цветное и манящее. Но когда его взгляд отдал мне приказ, я поежилась.

— Замерзла, милая? — спросил он. Я покачала головой.

За два месяца здесь я привыкла к холодной температуре, и не от холода я дрожала.

— Посмотри на меня.

Я послушалась, потому что иначе он заставил бы сделать так куклой. Или убил бы меня. Я прекрасно знала, что позади меня стоят, как статуи, два голема, которые по одному его слову раздавят мой череп своими гигантскими глиняными руками. Так что я подняла голову и посмотрела в его золотые глаза как можно спокойнее. Когда я сделала это, он с довольным видом кивнул и потерял ко мне интерес, вернувшись к еде.

Теперь я смотрела, как он убирает мясо с тонкой кости, бросает его на тарелку, его тонкие пальцы были в жире и блестели в свете свеч. Он тихо свистнул, и одна из собак беззвучно вылезла из-под стола, мне стало не по себе.

— Сидеть, — сказал Аурек, и собака послушалась. Он выбрал кусок мяса и протянул зверю, не дрогнув, когда зубы впились в кусок и вырвали из его хватки. Они смотрел друг на друга, собака и новый хозяин, а потом Аурек махнул рукой, и собака скрылась под столом. Я сжалась, когда жесткий мех задел мое платье.

Аурек поднял кость, рассмотрел, а потом обглодал. Его золотые глаза смотрели на меня без эмоций, пока он костью чистил зубы, водя по ней клыками. Он бросил ее на пол, закончив, и я услышала, как одна из собак придвинулась туда, раздавался хруст.

— Ты мало поела, Эррин, — сказал он. — Что-то не так с едой?

— Нет. Все хорошо, — я потыкала еду ложкой. Нож мне перестали давать две недели назад. Я взглянула на него, а он бесстрастно смотрел на меня.

— Если не поешь, тебя придется кормить.

— Я поем, — сказала я, придвинув к себе тарелку. Я потянулась к ножке курицы, утки или еще кого-то, но не могла взять ее. Рука дрожала. Я не могла. Не могла сделать это.

— Открой рот шире, — улыбнулся Аурек.

Я послушалась. Я положила кусок мяса в сухой рот и жевала, жевала, жевала. Аурек смотрел, как моя челюсть движется, повторяющееся движение причиняло боль. Еда превратилась в пасту, и я заставила себя проглотить ее, чувствуя, как она застревает где-то между моим горлом и сердцем.

— Вот так, — сказал Аурек, взял кубок и сделал большой глоток. Он опустил кубок с бодрым звоном, улыбка на его лице оттенялась пятном от вина на его губах. — Ты можешь есть, как хорошая девочка. Эй, парень, порежь ей еще мяса. Маленькими кусочками. Я не хочу смотреть, как она жует как корова на лугу.

Из тени вышел слуга и сделал, как было приказано, разорвал кусок мяса на небольшие части. Его плечи были опущены, словно он старался вести себя незаметно, голову он склонял так низко, что подбородок касался груди. В моих глазах пылала злость, слезы унижения грозили политься по щекам.

— Дай мясо ей, — приказал Аурек. Слуга вздрогнул и приблизился ко мне с новой тарелкой в поддрагивающих пальцах.

Вдруг моя рука дернулась и выбила тарелку из его руки. Мы в ужасе смотрели, как тарелка, полная еды, летит по комнате, ударяется с грохотом об пол, собаки зарычали и выбежали из-под стола. Они замерли и посмотрели на Спящего принца, чтобы тот позволил им съесть упавшую еду. Мы со слугой тоже повернулись к Ауреку, чтобы увидеть его реакцию.

Он тихо смеялся, скривив лицо и закрыв глаза. Он глубоко вдохнул, и его смех стал громким, он стукнул кулаком по столу, загремев кубками, свечи покачнулись. Я увидела в его другой руке куклу.

— Ваши лица... — выдавил он, смеясь. — Это было прекрасно, — он вытер глаза, его плечи все еще дрожали, а мы смотрели на него. Наконец, наш ужас отрезвил его, и его лицо скривилось в неприятном выражении. Он откинулся на спинку стула и скрестил руки. — Хорошо. Убери, — слуга склонился над едой. — Нет. Не руками. Съешь это.

Я уставилась на Аурека.

— Ты оглох? Съешь. На коленях как животное, каким ты и являешься.

Не возражая, истинный король Лормеры опустил на колени и склонился. На четвереньках он опустил голову к полу и начал есть упавшее мясо, собаки зарычали на него, но не двигались. Я спрашивала его, почему они не помнят его, а он сказал, что они могут его помнить. Но они слушались только одного хозяина и никогда ему не нравились.

Аурек смотрел на него в тишине без радости на лице, но я смотреть не могла. Я опустила взгляд на колени и выдернула нить из платья, сделав дырочку. Мерек подозревал, что это платье Твайлы, оно было для меня слишком коротким и тесным, швы были натянуты на талии и груди. Я не знала, где она сейчас, и надеялась, что она в безопасности. А еще я надеялась, что она еще хочет сражаться после того, как увидела разрушения, оставленные Спящим принцем в подземелье.

Он провел меня по коридорам, усеянным телами мужчин, женщин и детей, лежащих там, где их убили. Занавески в дверных проемах были оборваны, каменные стены запятнала кровь, и я отводила взгляд, пока мы шли по Конклаву. Когда мы вошли в главный зал и

миновали тела Сестры и Пожирательницы грехов, я вскрикнула, и Спящий принц улыбнулся, обвинил меня рукой, словно мы были друзьями. Его триумф был осязаем, он источал радость. Я успела на миг увидеть Сайласа, он был без сознания, в плаще и лежал в телеге с пятью стражами, телегу тащили големы. Я не видела его, оказавшись во дворце.

Это было десять недель назад, и я все еще не знала, выбралась ли Твайла. Я на это надеялась. И я надеялась, что она еще хочет сражаться. Хотя, признаю, я бы ее не винила, если бы она убежала куда подальше.

Когда Мерек закончил, он поднял голову, но остался на коленях.

— Хороший пес, — сказал Аурек, настоящие гончие заскулили. — А теперь почему бы...

Но мы не услышали продолжения, спасенные стуком в дверь. Атмосфера в комнате тут же изменилась, стала невероятно напряженной, и голос Аурика, требующий войти, прозвучал как удар хлыстом. Слуга в черном с золотыми звездами на груди тоже это ощутил, ужас проступил на его бледном лице, он низко поклонился Аурику. Я посмотрела на свиток в его дрожащей руке и ощутила, как страх обрывает надежду.

— Послание, Ваша светлость, — сказал без необходимости мужчина, взглянув на големов по обе стороны от двери.

Аурек взмахом заставил Мерека встать и забрать свиток, а потом отпустил слугу, и тот поспешил уйти, словно исчез в тот миг, когда Мерек получил свернутый пергамент.

Без приказа Аурика Мерек отнес свиток ему, закрыл глаза и сломал печать на послании, развернул пергамент перед Ауриком, и тот грубо схватил его за руку и опустил, чтобы прочитать написанное на бумаге. Я видела, как трепещут ресницы Мерека, он приоткрыл глаза, чтобы прочитать послание.

— Оставьте меня, — заявил Аурек. — Оба, прочь отсюда!

Я вскочила из-за стола и убежала из комнаты, Мерек не отставал, а големы взмахнули дубинками. Из зала донесся грохот, завyli собаки, и я бросилась бежать, подхватив юбки, стараясь увеличить расстояние между собой и Спящим принцем. Я не осмеливалась говорить с Мереком и слышала, что его шаги звучат все дальше, он ушел за гобелен, за которым была дверь, ведущая на кухни. Я не оглядывалась и не останавливалась.

Я спешила по темным ледяным коридорам, где не было людей, меня вел лунный свет, отбрасывая на пол тени, похожие на решетку в темнице. Попав в библиотеку, я закрыла дверь и прижалась к ней, желая, чтобы сердце перестало так колотиться в груди. Шли минуты, и, когда я смогла управлять дыханием, а ноги перестали дрожать, я пошла к огню, который оставила гореть. Я вернулась вовремя, он начал затухать, и я взяла пару книг, отложенные для этой цели.

Дверь открылась, и я развернулась и увидела на пороге Мерека с кубком в руках. Он посмотрел на меня, на книги в моей руке, а потом на огонь. Без слов он подошел к одному из столиков, поставил туда вино и схватил стул перед ним.

— Не... — начала я, но слишком поздно. Он поднял стул над головой и разбил об пол. Я скинула руки перед лицом, обломки полетели в стороны. Когда я опустила руки, Мерек уже скармливал дерево огню, ножку стула используя как кочергу.

— Лучше сжигать мебель, чем книги, — едко сказал он, и я, несмотря на холодный воздух, покраснела.

— Прости, — сказала я. Он не впервые ловил меня на сжигании книг, чтобы согреться. — Ты говорил, что эти можно использовать.

— Если нет выбора. В экстренном случае, — на его губах появилась тень мрачной улыбки.

Я проследила за его взглядом на полки, там были дыры, откуда мы — я — брали книги для растопки. Я бы тоже была против такого, но Аурек не оставлял в комнатах хворост, это было только в комнатах, которые он использовал. Я получала немного в комнату, которую он мне выделил в башне, но я уже использовала дозу на месяц, и было слишком рискованно часто встречаться там с Мерекком. Здесь было лучше, он всегда что-то приносил, и если бы пришел Аурек или кто-то еще, мы могли сказать, что я вызвала его принести мне вино или еду, пока я читаю. Для этого я села за стол, положила перед собой книгу о сельском хозяйстве и открыла. Мерек, зажигавший свечи от разгоревшегося огня, повернулся на звук.

— Что это? — спросил он, и я подняла книгу, чтобы он увидел обложку.

Он прищурился, чтобы прочитать название.

— Такая старая, — он подошел к столу с кубком и посмотрел на него.

— Ты в порядке? — тихо спросила я.

Он тряхнул головой, словно ему докучала муха.

— В порядке.

— Мерек...

— Я не хочу говорить об этом. Никогда. Я предпочел бы вычеркнуть это из памяти. Ты в порядке?

— Да. Так что там было? — спросила я. — В послании.

Смущение пропало с его лица, заменившись ярким триумфом.

— Они появились снова. Восход. Прошлой ночью. Здесь, в Лортуне, — он сделал паузу для эффекта, и я уставилась на него, раскрыв рот. — Они нарисовали «Восход» и половину солнца на двери дома шерифа. А потом запустили дюжину живых крыс в окно. Шериф проснулся от визга жены, — он почти улыбался. — В послании просят прощения, патруль проходил там каждые десять минут, и они ничего не видели и не слышали, пока не раздались вопли. Не понятно, как они пробрались, никто не покидал пост и никого не видел.

— Вовремя они, — сказала я. — Я уже начинала думать, что они забыли о Лортуне.

Мерек издал удивленный звук.

— Кстати... — он нахмурился и подошел к окну, встал спиной ко мне и провел пальцем по ставням, по поверхности дерева. — Интересно, как они работают?

— О чем ты?

— Подумай, Эррин. За последние два месяца послания Восхода появлялись по стране, начавшись в Шаргате, потом в Хаге, Монкхэме, а теперь и здесь, — он повернулся ко мне, его глаза сияли в свете огня, на щеках появился румянец. — Те же слова, тот же знак. Прошло восемь недель с первого послания в Шаргате, они прошли по стране и атаковали — лучшего слова и не подберешь — здесь. Наконец, они здесь. Они ударили в сердце его власти. Теперь уже все люди узнают. Аурек старался изо всех сил сохранить активность Восхода в секрете, никому не позволялось говорить об этом, всем приказали держать языки за зубами, иначе мы потеряли бы их. И никто, кроме доверенных лиц Аурика, не может путешествовать между городов. Или это делают люди Аурика, или они помогают мятежу, что маловероятно, или Восход как-то внедрился в города. И если это так, если они начнут пускать там корни... Не бегая туда-сюда, а внедряясь и выжидая момента восстать...

— Мерек...

— Они собирают поддержку, — Мерек подошел к столу, схватил губок и поднес к

губам. — Они рассылают послание. Они готовят людей к борьбе. Потому они долго добирались сюда. Вот в чем дело.

— Ты спешишь с выводами, Мер, — я опустила книгу и скрестила руки. — Люди первыми выдали бы мятежников, если бы они там были, ведь их детей держат в заложниках. Они не потерпели бы незнакомцев в своих рядах. Он рассчитывает на это, в этом его власть. Так что Восход просто ходит по округе, оставляет послания, чтобы поддерживать надежду. Я их не критикую! — сказала я, когда он помрачнел. — Я рада, что они умны. Одна ошибка, и он сорвется на невинных.

Он нахмурился и сделал еще один глоток вина.

— Возможно.

— Точно. И ты этого не хочешь.

— Конечно, не хочу, — рявкнул он. — Это мой народ, Эррин. Из-за них я остался.

Я вздохнула.

— Дашь немного? — попросила я, и он протянул мне вино. Я сделала глоток и вернула кубок ему, во мне боролись разные чувства. С одной стороны мне нужно было радоваться, что появлялись послания Восхода, значит, кто-то — надеюсь, Твайла — боролся. Значит, мы с Мерекком были не одни.

Но был и ужас каждый раз, когда Восход что-нибудь делал, из-за детей. Я знала, что големы прошли по городам в ночи и забрали детей из кроватей, так что я разрывалась между радостью за мятежников и страхом, что их действия заставят его совершать поступки еще ужаснее.

Людям пообещали, что дети будут в порядке, что их вернут, когда Аурек убедится в верности людей. Но если они сделают что-то не так, если восстанут... Он не озвучивал угрозу, потому что ему не нужно было говорить это вслух. Если кто-нибудь попробует выступить против него, дети пострадают. И Аурек не знал о пощаде, он забрал даже младенцев из рук матерей.

Меня пугало еще сильнее то, что я подозревала, что сама подала ему мысль, когда он увидел, на что я готова, чтобы спасти Лифа и маму. Силу беспокойства за семью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Допустим, ты прав, — начала я. — Допустим, они как-то попали в Лортуну. Что нам делать?

— Мы найдем их и присоединимся к ним, — сказал он так быстро, и я знала, что он ждет этого. Мы всегда приходили к этому.

— Я не могу уйти, — напомнила я ему. — Ты это знаешь. Не пока здесь Сайлас, и не пока Аурек... может управлять мной.

— Он убьет тебя, если ты останешься, и ты это знаешь.

— Нет, если я буду нормально себя вести.

Мерек вскинул бровь.

— Молчи, — сказала я. — Я хотя бы пытаюсь.

— Мы вернулись в начало, — сказал Мерек, протянув мне остатки вина. — Ждать. Чего-то, — он поджал губы.

— Ради Сайласа, — я попыталась успокоить его. — Рано или поздно Аурек уйдет, и мы пойдем, где Сайлас, а потом сможем сбежать, — я на секунду позволила подумать о нем, и меня словно ударили в живот. Я обхватила себя руками, боролась с волнами паники, накатывающими на меня. — Может, как-то связать меня, чтобы я не делала ничего по его

приказу? Уверена, мы бы справились.

— Если бы найти другого алхимика...

— Даже не думай об этом, — процедила я, и Мерек притих.

Он провел рукой по волосам.

— Я обещал людям безопасность. Когда они короновали меня, я обещал им мир и процветание, свободу. Я обещал развитие. С каждым днем я подвожу их все сильнее. Мне нужно что-то делать.

— Тогда иди, — я не смогла сохранить голос ровным. — Иди и найди ее. Ты ей нужен.

— И оставить тебя здесь?

— Да. Я не хочу, чтобы из-за меня ты думал, что подводишь свой народ. Иди.

Он глубоко вдохнул и протянул руку за кубком.

— Там ничего нет, — сказала я.

Он тихо цокнул и вздохнул, провел снова рукой по коротким волосам.

— И ладно. Слушай, мне жаль, Эррин. Я не должен тебя так терзать. Просто... это я должен вести мятеж. Я. Это мой долг. И я злюсь на себя, а не тебя.

— Все хорошо. Но ты должен идти, — я попыталась улыбнуться. — Если там будет революция, ты должен быть ее частью.

— Думаешь, Твайла простит меня, если я оставлю тебя здесь? — он глубоко вдохнул и потянулся. — Если я уйду, то только с тобой. Когда я уйду, ты пойдешь со мной. Ты и Сайлас.

Я улыбнулась.

— Договорились.

Мерек вздохнул.

— Наверное, мне лучше пойти. Некоторым на рассвете еще чистить ночные горшки.

— Захватывающая жизнь скрывающегося короля, — сказала я. — Мы увидимся утром?

— Если будет безопасно. Я приду днем.

Он осторожно сжал мое плечо, подхватил кубок и ушел. Я закрыла со стуком книгу, в воздух поднялась пыль, и я закашлялась, вставая. Я хотела вернуть ее на полку, но передумала и бросила в кучу для растопки. Мерек сказал, что она старая.

Я провела пальцем по другим названиям, надеясь найти книгу по алхимии, которую пропустила в прошлые разы. Мать Мерека собирала все об этом, но здесь я ничего не нашла. Или книги хранились в другом месте, или Аурек давно убрал их. Я вытащила книгу по ботанике и полистала, но уронила, когда дверь библиотеки распахнулась, на пороге стоял Мерек с огромными глазами.

«Аурек идет за мной, — подумала я. — Я все-таки довела его. Вот и все».

Но я ошиблась.

— Лиф вернулся, — выдохнул он.

Глава 9:

Когда я пришла в главный зал, брат сидел на стуле, где час назад была я, и наливал себе вино. Он сидел спиной ко мне, и я сразу заметила, что его волосы короткие, такими я еще их не видела. Они были грубо обрезаны, словно он сделал это сам. Он прибыл сюда сразу, не

приведя себя в порядок, его сапоги были в грязи, штаны были в шерсти коня, от него ощущался холод зимы снаружи.

Он чуть повернулся на звук моего стука в уже открытую дверь, и я увидела его профиль, такой же знакомый, как мое лицо. А потом он посмотрел на Аурека, а тот глядел на меня с удивлением.

— Эррин, — сказал он. — Какой сюрприз. Обычно мне приходится тебя вызывать. Захотела побыть в моем обществе? Ужасно соскучилась?

— Я... — я посмотрела на спину Лифа, решительно отвернутую от меня.

— Или ты ощутила, что твой брат вернулся? Он едва успел сесть, а ты уже здесь. Я был близнецом, я знаю о связи брата и сестры. О загадочной силе связи, — он приторно улыбнулся. — Видимо, в этом дело. Потому что иначе я могу подумать, что ты шпионишь, — улыбка пропала, как и все эмоции, с лица.

Я быстро покачала головой.

— Я была в библиотеке. Слуга увидел, что он прибыл, и сообщил мне.

Аурек долго смотрел на меня, а потом медленно изогнул губы в улыбке.

— Хорошо. Я хотел позвать тебя к нам. Мы ведь семья, верно? Садись. Обсудим новости.

Лиф при этом молчал и не двигался. Единственный стул оставался у другой стороны стола, напротив него, и я чувствовала, что Аурек следил за мной, его улыбка была ловушкой, пока я обходила стол.

Я посмотрела на брата и увидела его лицо. Теперь я понимала, почему Аурек так выжидающе улыбался.

На правом глазу Лифа была повязка.

Я вскрикнула.

— Что случилось? — я забыла про Аурека, забыла, что я ненавижу брата. Из-под повязки виднелся багровый шрам, извивающийся, как молния, рассекающий его щеку почти до губы. Он плохо заживал, кожа натянулась, так что правая сторона его лица почти скалилась. Другой глаз казался ярче рядом с повязкой, но казался не человеческим. Он выглядел... хищно.

— Ах, ах, — Аурек вскинул руку. — Мы дойдем и до этого. Начнем с дел, ладно?

— Все сделано, Ваша светлость, — сказал Лиф, из-за раны он шепелявил, шипел слова. Он вытащил что-то из кармана, сверток зеленого бархата, встал, отдал его Ауреку и вернулся на место. Я не могла не смотреть на него, и его кожа покраснела, словно он чувствовал мой взгляд.

Аурек открыл сверток и улыбнулся, положил предмет на стол, чтобы я смогла увидеть. Я вытянула шею и заглянула внутрь. Я сразу поняла, что это, хоть никогда не видела эту вещь, лишь видела метку пару раз.

На ткани лежала деревянная рукоять, отполированная, красная и гладкая, с большим и толстым золотым диском на конце. Я знала, что на металле вырезано большое дерево с множеством веток, корни тянулись под землю так далеко, как и ветви тянулись к небу.

Печать Трегеллана, сделанная из корон прошлых королей, представленная публике в утро их казни, чтобы показать начало новой жизни Трегеллана. Теперь все снова пришло к правлению короля. Каждый закон, указ, документ за последние сто лет носил эту печать, чтобы показывать демократическое решение Совета. Мою Клятву аптекаря отметили этой печатью и прислали обратно господину Пэнди. Мою лицензию отметили бы так же, и я бы

повесила ее на рабочем месте, чтобы все видели, что Совет одобрил меня, печать дала бы мне право работать.

Глядя на нее, я поняла, что брат с Ауреком продолжали разговор.

— ...Трессалин теперь ваш, остальной Трегеллан вскоре тоже падет. Большая часть Совета согласна с условиями, остальных... убрали, — рассказывал ему Лиф.

— Алхимиков получили? — спросил Аурек.

— Всех пятерых. Доставили сюда, Ваша светлость. Их сопровождающих убили. Двух Сестер.

— А девчонка, Пожирательница грехов?

Я задержала дыхание, надеясь, молясь, что он ничего не знает.

— Отчеты не совпадают, согласно им она и в Пеналуне, и в Скарроне, Ваша светлость, — он постучал пальцами по столу. — Я подозреваю... что она убежала в Скаррон. Она не любит перемены, она труслива. Она бы пошла туда, где чувствует себя безопасно, в место, которое считает убежищем. Здесь она пряталась в своем храме, если что-то шло не так. Там есть Скаррон, куда она уже убежала отсюда. Она цепляется за то, что знает.

Аурек кивнул.

— Ты уже отправил туда людей?

Лиф сделал паузу.

— Нет, Ваша светлость. Я позволил себе отправить людей в Пеналуну и дать о себе знать там.

— Зачем? — Аурек уставился на него.

— Потому что если до нее дойдут слухи, а они дойдут, что ее ищут там, будет проще для меня подобраться к Скаррону и схватить ее. Я собираюсь отправиться в ближайшие дни, если позволите. Если она там, я сразу же вернусь с ней. Даю слово.

Аурек рассмеялся, откинув голову.

— Конечно, позволяю. Отлично. Прекрасная работа. Думаешь, она там одна?

Лиф кивнул.

— Уверен. Цена за ее голову соблазнит любого выдать ее. А она не привыкла доверять людям.

Аурек поджал губы.

— Хмм. Но у нее есть поддержка. Слышал о группе, зовущей себя Восходом?

Я не двигалась, но что-то на моем лице меня выдало, потому что Аурек посмотрел на меня.

— Хочешь что-то добавить, Эррин? — спросил он. Я молчала.

— Я хочу, — сказал Лиф, и Аурек посмотрел на него. — Мои люди в Шаргате и Монкхэме получили приказы искать, как только это произошло. Я отдал приказы увеличить патрули и ловить, но не убивать тех, кто будет оскорблять их.

— Не убивать?

— Я не могу выбить информацию из мертвых, Ваша светлость.

Аурек улыбнулся, восхищаясь им. Лиф, стратег. Он напоминал моего брата еще меньше, чем в храме из костей.

— Прошлой ночью это случилось здесь, — продолжил Аурек. — Надпись появилась на доме шерифа. И их символ. И крысы. Живые. Их запустили в дом шерифа.

Я заметила, как дергался уголок глаза Лифа.

— Здесь? В Лортуне?

— Здесь. Мне нужно знать, кто это сделал и как. Я беспокоюсь, — Аурек нахмурился, сделав паузу, — что, возможно, твоя власть над моими людьми не так сильна, как мы думали. Если она в Скарроне, тот здесь действуют ее агенты с властью и доступом к воротам...

Лиф потянулся к вину.

— Ваша светлость, уверяю вас...

— Мне не нужны уверения, Лиф, — сказал Аурек. — Мне нужно знать, кто в твоих рядах поддерживает гадкую Пожирательницу грехов, мне нужны их головы на моих воротах. Я не обвиняю тебя в случившемся. Пока что. Не подведи меня, брат.

— Да, Ваша светлость, — сказал брат, склонив голову.

Я немного расслабилась. Если Аурек думал, что изменники в рядах его людей, то он вряд ли стал бы вредить детям, семьи тех, кто поддерживал его, не тронули.

— Хорошо. Ты хорошо постарался, друг мой. А теперь поговорим о щраме. Ты принял Эликсир? Я могу попросить принести тебе его, — Аурек самодовольно посмотрел на меня, а я знакомо сжалась, думая о Сайласе. Но я не издала ни звука. Я не шевелилась.

— Я бы предпочел оставить его. Как напоминание не недооценивать изворотливость женщин.

— Ах, так тебя в бою превзошла женщина?

Лиф улыбнулся левой стороной лица.

— Сестра, Ваша светлость. Точнее, две Сестры. На Королевской дороге, пока мы забирали ваших алхимиков. Они страшные, но дерутся хорошо.

— Они все еще борются?

— То, что от них осталось, Ваша светлость, — улыбнулся Лиф, и я хмуро посмотрела на него.

— Я рада, что отец этого не видит, — тихо сказала я, слова сорвались с губ раньше, чем я обдумала их. Я не рискнула смотреть на Аурека, а глядела только на брата. Но он мне такой чести не оказал, он бросил на меня взгляд, а потом потянул вино, и это было как пощечина.

— Ах, — голос Аурека испугал меня. — Кстати, ты нашел вашу мать?

— Что? — я уставилась на Лифа, снова не сдержавшись, но в этот раз мне было плевать на мнение Аурека. В этот миг. — Лиф? — он снова поднял кубок, игнорируя меня, и я вскочила со стула, потянувшись через стол и выбила кубок из его руки. — Ты забрал маму? Привез ее сюда?

Я не могла поверить, что он привез ее в эту ловушку. К нему. Аурек взвыл от смеха, хлопнув по столу, и Лиф нарочито медленно повернулся и посмотрел на кружащийся на полу кубок. Лиф пожал плечами и посмотрел на Аурека, все еще не глядя на меня, и указал на бутылку на столе.

— Что поделать, — сказал Аурек, и Лиф взял бутылку и выпил из нее. — Видишь, что мне приходилось терпеть в твое отсутствие?

— Прощу прощения за сестру, Ваша светлость.

— Не смей, — прорычала я. — Не смей говорить за меня, когда ты на меня даже не смотришь. Где она?

Лиф опустил бутылку.

— Я могу привести себя в порядок, Ваша светлость? — спросил он, игнорируя меня.

— Конечно. Проверь, как там ваша мать, делай, что тебе нужно. Увидимся в моей

приемной. Нам нужно многое обсудить. И, похоже, отпраздновать.

— Лиф, — я почти кричала. — Посмотри на меня.

Лиф встал и поклонился.

— Вы так добры, Ваша светлость, — он развернулся и ушел, словно меня не было в комнате.

— Лиф! — позвала я. Он закрыл за собой дверь, но не хлопнул, а медленно прикрыл, и я смотрела ему вслед, сердце колотилось в груди.

— Хочешь увидеть маму, Эррин? — тихо спросил Аурек.

Я повернулась к нему с трудом.

— Ты знаешь, что да.

— Так попроси, милая. Только и всего. Просто попроси.

Это была ловушка. Точно. Я молчала.

— Нет? Не хочешь увидеть ее? Не можешь заставить себя просить у меня?

Я не могла надеяться, что он хоть раз говорит правду.

— Прошу, — услышала я себя. — Прошу, могу ли я увидеть маму... Ваша светлость? — добавила я.

Он встал и прошел вдоль стола, пока не остановился передо мной.

— Ты можешь быть хорошей, когда захочешь, — он поднял бледную ладонь и погладил меня по волосам, а я ждала, когда его пальцы сожмутся, и стиснула зубы, готовясь к тому, что он потянет. Но этого не произошло. Он обхватил мою щеку и заглянул в глаза. — Так держать. Тебе нужно научиться вести себя хорошо, милая. Я не приму несломленных кобылиц в свою конюшню. Попроси меня еще раз завтра. Хорошенько попроси, — он склонился и прижался губами к моему лбу, и хотя от этого все внутри сжалось с отвращением, я не шевелилась.

Он отпрянул, щелкнул пальцами, призывая псов, и оставил меня одну в главном зале. Печать Трегеллана все еще лежала на столе, и я подошла и подняла ее. Она оказалась легче, чем я думала. Я закрыла глаза.

* * *

Я лежала в кровати, но сон не шел. Я прижала стул к двери. Я делала так каждую ночь после того, как он чуть не заставил меня выпрыгнуть из окна. Вряд ли это остановило бы его, но хотя бы предупредило бы меня. Хотя он с того раза не приходил в мои сны.

Я перекатилась на живот. Я думала о том, где сейчас Лиф, спит ли он или еще сидит с Ауреком, смеясь с ним. От этой мысли я разозлилась и, перевернувшись на спину, ударила подушку кулаком. Я злилась, что он привез сюда маму. Аурек говорил, что поможет ей, но я не верила. Я думала, что в Трессалине ей будет безопаснее. А теперь она была здесь. Со мной и Сайласом. В ловушке.

Я не знала, как там Сайлас. Я знала только, что он еще жив, потому что Аурек сиял, его красота и бодрость резко контрастировали с замком и людьми вокруг него.

Я повернулась на бок и натянула одеяла до ушей, глядя, как в ночи по комнате движутся тени. С рассветом я так и не уснула, смотрела в пустоту. Я села, когда кто-то попытался войти в комнату. Приглушенный голос выругался. Мерек. Наконец-то. Я слезла с кровати, убрала стул и открыла дверь.

И увидела лицо брата.

Он замер на пороге с подносом еды в руке. Он был с головы до ног в черном, в утреннем свете шрам пугал не меньше, чем ночью. Я смотрела на него, отмечала морщины на лбу,

щетину на челюсти, а он разглядывал меня в ответ одним глазом, а потом скользнул взглядом по комнате от кровати до комода, по окну, и я увидела, что он нервничает здесь.

— Похоже, тут все изменилось с твоего последнего визита сюда, — сказала я, и его зеленый глаз вспыхнул, посмотрев на меня. Мерек рассказал мне то, о чем умолчала Твайла. Правду о том, что мой брат сделал с ней. И с ним.

— А ты удивляешься, почему тебе тут сложно, — тихо сказал Лиф.

На миг я подумывала рассказать ему, что Аурек делал со мной, пока он уезжал выполнять грязную работу. Я подумывала рассказать ему, что его драгоценный король хранил в кармане куклу, сделанную из глины с моими волосами и кровью, он заставлял меня так есть, танцевать, делать все, что он пожелает. Что я просыпалась и обнаруживала себя стоящей на одной ноге на вершине лестницы, покачиваясь, или под кроватью с лицом в пыли, и я знала, что это означает, что Аурек где-то в замке не спит и играет мной.

Иногда он заставлял меня садиться ему на колени и так сидеть, пока он гладил мои волосы и рассказывал о Таллите. О семи башнях замка Таллита и путях между ними, о жизни с сестрой и отцом. Иногда он звучал так одиноко, что на миг я забывала, что он — чудовище, верила его тихому голосу и рукам в моих волосах. А потом он поворачивал мое лицо, и я видела его и вспоминала, какой он, его взгляд напоминал, что он управляет моим телом, но не разумом. А потом он бросал меня на пол и оставлял так на часы, и я не могла двигаться, пока он этого не хотел. Я могла рассказать ему, как истинный король Лормеры относил меня в комнату и отмывал, как я отмывала нашу мать, потому что из-за жестокости Аурика я пачкала себя.

Но я молчала, потому что боялась, что он уже знает, что ему все равно. Когда Аурек сделал из меня куклу, я надеялась, что действия и поведение Лифа такие, потому что им тоже управляли. Я надеялась, что он не предавал меня или Трегеллан. Он тоже мог быть марионеткой. Но это было не так. Он выбрал это сам.

Он оставил поднос на комод, подошел к окну и открыл ставни.

— Не трогай, тут холодно и без того.

— Тут затхло пахнет, — ровно сказал он. — Нужно проветрить. Я попрошу выдавать тебе больше хвороста. Можешь брать мою порцию, пока меня тут нет.

— Порцию? Так хворост делят на порции? Так он тебе сказал?

— Эррин, его делят на порции. Пока все не наладится, придется потерпеть.

Я покачала головой.

— У него каждый вечер за ужином мясо. И свежие овощи.

Лиф вздохнул и потер переносицу.

— Как ты? — сказал он, голос все еще был безумно мягким.

— Шутишь? — сказала я.

Он открыл рот, но подавил то, что хотел сказать.

— Ты обрадуешься, узнав, что Лирис жива. И Кэрис тоже. Они переехали в Трессалин и живут там. Как мои гости.

Я уставилась на него, он смотрел на меня, и мне показалось, что он ждет, что я поблагодарю его. Я молчала, моргая, и он кивнул на поднос.

— Там хлеб с маслом, каша и яйцо.

— Тебя это не волнует? — сказала я.

— Что именно? — ответил он, голос был напряжен.

— Это. Все это. Я здесь. В лохмотьях. Ты ведь знаешь, чье это платье? — он молчал. —

Я — твоя сестра, — сказала я. — А как же «семья важнее всего»?

На этом он развернулся с холодным лицом.

— Как думаешь, откуда я пришел, Эррин?

— Я знаю, откуда ты пришел. Ты ездил убивать наш народ по его приказам.

— Я проверял нашу мать. Нашу мать, которую я привез сюда из приюта, — сказал он.

— Ты обвиняешь меня? Ты нас бросил, помнишь? Бросил на три месяца. Если кто и виноват, так это ты, — он не ответил, тишина стала густой, застывая, как жир. — Как... как она? — спросила я, когда стало невыносимо, и он вздрогнул, но промолчал, и я поняла, что каждый удар сердца наполняет мою грудь страхом. — Лиф?

Он повернул лицо, и на его профиль упал зимний свет.

— Не знаю. Она не ест. Не спит. Только смотрит. Она не может... Не заботится о себе. Совсем, — он повернулся ко мне. — Такой она была? Потому оказалась там? Потому что сошла с ума?

— Она не сошла с ума, — я склонилась и впилась в одеяло кулаками. — *Он* сделал это с ней.

— Что сделал?

— Спроси у него. Спроси о куклах. Спроси, что он делал с ними, с ней. Со мной. Он сделал из нас кукол. Он приходил в мои сны по ночам и заставлял ее нападать на меня каждое полнолуние. Он называл это шуткой. Три месяца он так делал. И все еще делает. Точно. Ты не видишь, что он — чудовище? Ты работаешь на чудовище.

— Я не могу... — сказал Лиф и бросился по комнате к двери.

Я шагнула к нему, вскинув руки, и он схватил меня за запястье, я вскрикнула, ощутив боль от его хватки. Он тут же отпустил меня и побледнел.

— Прости, — сказал он, потянувшись ко мне, но я отпрянула.

— Послушай меня, — прошипела я. — Он три месяца шептал в ее голове. Она уже горевала из-за папы, а потом пропал ты. И пока ты убивал в Лормере по его приказам, он был в ее голове, заставлял ее вести себя как зверь.

Лиф покачал головой, и я оскалилась, показывая надбитый зуб.

— Она сделала это, пока он управлял ею. Она напала на меня и бросила на пол. Наша мама, Лиф. Разве она так сделала бы? Спроси Сайласа. Он тебе расскажет. Он был там. Пока тебя не было, он был там и все видел.

Он смотрел на пол, и мне показалось на миг, что я достучалась до него. Но потом он поднял голову и посмотрел на дверь за мной.

— Я приду позже и отведу тебя на ужин, — тихо сказал он. — Постарайся надеть что-то подходящее.

— Это все, что у меня есть! — я распахнула дверь шкафа. — Ее летние платья — все, что у меня есть.

— Ты могла бы попросить теплую одежду, — сказал Лиф. — Я пришлю что-нибудь, — он развернулся и ушел.

Я слышала его шаги по лестнице, медленные, неспешные, и крикнула ему вслед:

— Почему тебе все равно?

Я захлопнула дверь, бросилась на кровать и кричала в затхлую подушку, пока не заболело горло, пока я не задрожала от холода или ужаса, я не знала точно. Я перекатилась на спину и смотрела на потолок, не переставая дрожать. Я укуталась в одеяла, но не могла согреться.

У него была я, мама, Сайлас и Лиф. Сайлас лишится всей крови из-за Эликсира. Меня он убьет, когда ему надоест игра. И Лифа, скорее всего, тоже убьет.

Глава 10:

Лиф сдержал слово. Когда я вернулась, проведя зря день в библиотеке — Мерек не пришел — я нашла на кровати сложенное платье. Окно было открыто, появилась вязанка бревен, и я подумала, что он принес это сам.

Платье было смятым, пахло затхло, его явно взяли из сундука. Когда я повесила его проветриваться, черные пятна плесени стало видно на кружевном воротнике и манжетах, слой пыли поднялся в воздух, заставив меня отпрянуть. Но платье было длиннее, чем платья Твайлы, а голубой бархат обещал больше тепла. Я примерила платье, и оно оказалось великовато, но все равно сидело лучше. Я надеялась, что запах будет отгонять от меня Аурика.

Лиф ничего не сказал об этом, когда пришел забрать меня. Он снова был в черном и тенью шел по коридорам с мрачным видом, повязка на глазу только усиливала облик. Он двигался решительно, потеря глаза не причиняла ему проблем.

— Чье это было платье? — спросила я, когда поняла, что общаться он не хочет. — Королевы?

Он ответил не сразу.

— Не знаю.

— Где ты его взял?

— В сундуке.

— Как мама?

— Отдыхает. Путь был долгим.

— Когда я смогу ее увидеть? — он не ответил, и я спросила снова. — Лиф, я хочу ее увидеть. Когда?

— Когда разрешит Его светлость.

Он спасся от моего ответа, мы завернули за угол к главному залу, и двери распахнулись, поддерживаемые големами, которых Аурик держал при себе как личную стражу.

Лиф поклонился, как только пересек порог, через миг я неохотно присела в реверансе. Но, подняв голову, я поняла, что он не смотрит на нас с Лифом. Он склонялся над бумагами, игнорируя еду на столе.

Лиф замешкался, пока Аурик не буркнул нам:

— Садитесь, — и мы, как послушные дети, тихо прошли к столу. Лиф сел справа от Аурика, я — через два места от него.

Аурик все еще не поднимал голову, он подвинул листок к Лифу, и тот начал его читать. Я вытянула шею, чтобы тоже прочесть, но Лиф нахмурился и закрыл документ от меня рукой, продолжив чтение.

Он резко вскинул голову.

— Было еще больше таких случаев, Ваша светлость?

Аурик кивнул, серебряные волосы ниспадали на стол, он все еще изучал бумагу.

— Шаргат. Солдаты навели порядок. При этом потеряли четверых.

— Там... Вы знаете причину? — спросил Лиф.

— Это все не случайно, — сказал Аурек, шурша бумагами. — Проблемы всегда были, и чем дольше они существуют, тем сложнее с ними справляться. Это значит, что нам нужно сильнее полагаться на солдат вне замка, где меня нет.

— Я разберусь с этим. И отправлю туда замену погибшим.

Аурек кивнул и поднял голову. Он прищурился, увидев меня, будто он только что понял, что я тоже была здесь.

— Что ты здесь делаешь?

— П-пришла ужинать.

— Я тебя звал? — спросил он, но звучало это не как вопрос.

— Я привел ее, Ваша светлость, — удивил меня Лиф. — Простите.

— В следующий раз спрашивай разрешения, — холодно сказал Аурек. — Я с радостью выделю тебе время для общения с сестрой, если она научится проявлять ко мне любовь.

— Да, Ваша светлость.

— Уходи, — сказал мне Аурек. — Еду тебе доставят.

Как только он договорил, големы открыли двери, синхронно вытянув руки. Я встала из-за стола, быстро присела в реверансе и выбежала из комнаты, поежившись, минуя големов, а в голове было полно мыслей. О чем они говорили? С чем разобрались солдаты? Что всегда было проблемой? Не Восход же? Что тогда?

Мне нужно было поговорить с Мерекком, но ужин принес другой слуга, и я не могла рисковать, спрашивая о нем. Завтра. Я найду его завтра.

Шли часы, и я согрелась достаточно, чтобы уснуть, но дверь резко открылась и врезалась в стену. Аурек ворвался в комнату и направился ко мне.

Я едва успела сесть и вскрикнуть, когда он схватился за мое запястье и порезал мою левую ладонь, а потом отпустил запястье, чтобы вытащить симулякр из кармана. Я отодвинулась, и он в безмолвном предупреждении направил на меня нож, я тут же застыла. Он смотрел на меня, прижимая куклу к порезу.

— Подержи ее, — потребовал он, сложив мои пальцы на кукле. Он порезал свой большой палец, и мы смотрели, как из ранки появляется капля крови, красной, как и моя. Он забрал у меня куклу, размазал по глине свою кровь, смешивая с моей. Мы смотрели, как кровь впитывается, пока кукла не стала чистой, словно ничего и не произошло.

А потом он ушел без слов, закрыл за собой дверь. Я выбралась из кровати и оторвала полоску ткани от одного из платьев Твайлы, перевязала руку, медленно дыша, пытаюсь успокоить колотящееся сердце. Я посмотрела на руку, кровь пропитывала ткань, и я наложила еще одну повязку. Терпеть не могла, когда он так делал.

А потом в голове появилась новая мысль. Зачем он так делал?

Зачем он приходил и брал больше крови? Я провела пальцем по повязке и попыталась вспомнить все разы, когда он резал меня и прижимал к ранам глину. Часто. Обычно, когда я сильно ему досаждала. Я думала, что он просто жестокий, напоминает мне, что власть в его руках. Но если причина была не только в этом...

Я вспомнила, как давно, в военной комнате, один из его маленьких големов начал двигаться без его приказа. Он разбил его и сказал, что плохо, когда они начинают делать по-своему. Я не думала об этом раньше, то теперь понимала, что они делали то, что он не приказывал им делать.

Он говорил сегодня о своих големах? В Шаргате и другом месте. Те, кого он отправил

по Лормере, начали действовать по своей воле? Я крутила в голове его разговор с Лифом и все больше верила в это. Чем дольше существовали его големы, тем больше действовали самостоятельно, особенно, если его там не было, чтобы отдавать им приказы. Я была в этом уверена.

Это могло означать и то, что, если он не будет добавлять кровь в мою куклу, то вскоре потеряет власть и надо мной.

Я легла на подушки, понимая, что не усну сегодня с роем мыслей в голове.

Следующим утром я получила записку от Аурика раньше, чем переоделась. Там говорилось, что на ужин меня не приглашают ни сегодня, ни завтра. И хотя звучало красиво, это означало, что развлечения со мной он отложил на потом. Для Аурика я оставалась игрушкой. Записка просто показывала, что он слишком занят для игр.

И все же я попросила слугу, принесшего послание, подождать, и постаралась написать вежливый ответ, прося увидеть маму. Три часа я ждала ответ, стены сдвигались по дюйму, пока не стало невыносимо. Я схватила плащ и покинула комнату, намереваясь найти Мерека. Но у лестницы внизу меня ждал сюрприз: у двери башни ждали двое мужчин, действующих как стражи.

Мы уставились друг на друга, не ожидая такой встречи.

— Я пленница? — спросила я.

Стражи переглянулись.

— Нет, — сказал один через миг, хотя не звучал уверенно.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Капитан Вастел попросил присмотреть за вами, — ответил тот же страж.

— Да?

Они кивнули.

— И что вам приказали?

— Сопровождать вас в замке и охранять вас.

Я сверлила их взглядом, они не шутили. Дураки.

— Капитан Вастел не говорил, где... особенно опасно? — спросила я.

— Нас просили не пускать вас в северную башню — Башню Победы — и в Башню Доблести. А в других местах можно ходить, пока мы с вами.

Башня Победы, бывшая северная башня, использовалась для Предсказания и похорон, как рассказал Мерек, там были комнаты Аурика. Южная башня — Башня Доблести — была местом, где жила королевская семья. Хотя я не была уверена, но там могли быть комнаты Лифа и мамы.

— Почему мне нельзя в Башню Доблести? — проверила я. — А если мне нужно увидеть брата?

Второй страж, до этого молчавший, заговорил твердым тоном:

— Если захотите его увидеть, лучше попросите нас передать ему послание.

Не дураки. Этот знал, что дело не в моей безопасности.

— Конечно. Могу я узнать ваши имена, раз уж вы будете всюду меня сопровождать?

Мужчины переглянулись, общительный пожал плечами.

— Я Крейн, — сказал он. — Это Турн.

— Крейн и Турн, — сказала я. — Мне нужно в библиотеку.

Я замолчала, развернулась и пошла по коридору. Мое дыхание вырывалось белыми облачками в холодный воздух. Я была в платье Твайлы, в этот раз в зеленом, из плотного

хлопка. Это сидело лучше красного и было теплее, но все равно открывало мои лодыжки холоду и не давало дышать сильно глубоко. Я повернула к библиотеке, и что-то упало на пол, чуть не попав по мне. Я опустила взгляд и увидела лед. С не используемых люстр свисали сосульки. Я взглянула на мужчин, ожидая их потрясения, но их лица были пустыми, я присмотрелась и увидела мех на их плащах. Когда мы прибыли в библиотеку, я вошла, и, к моему ужасу, Турн прошел за мной, подставив ногу, не дав мне закрыть дверь.

— Я хотела бы остаться одна, — сказала я.

— Капитан приказал вне вашей башне всегда держать вас на виду.

— Но здесь я в безопасности, — я открыла дверь шире и махнула на пустую комнату.

Турн промолчал, прошел мимо меня и замер у двери. Я помрачнела, а он закрыл дверь и вскинул брови.

Я отвернулась от него и прошла к полкам, дрожа от гнева. Не поворачиваясь, я скользила пальцами по книгам, словно искала нужную. Мне нужно было рассказать Мереку о том, что я узнала за ужином, о словах Лифа утром, но он не сможет задержаться тут, пока рядом страж. Еще и такой подозрительный. Мерек был уверен, что никто здесь не знает, кто он, ведь он изменил облик и прибыл в замок за месяц до появления Аурека, никто здесь его не знал. Но я смогла узнать его, и ему лучше было не рисковать с остальными. Особенно, пока тут был Лиф. От него Мереку стоило держаться подальше.

Я вытащила книгу с полки и отнесла на стол, оставила там и пошла дальше, делая вид, что ищу, а сама размышляла. Мне нужно было увидеть Мерека. С новой стражей одна я оставалась только в своей комнате, но станут ли они сопровождать слугу? Нужна была причина, чтобы он остался дольше, а не просто оставил поднос. Я вытащила еще одну книгу и добавила к первой. Я делала так, изображая поиск книги, все это время думая, как задержать Мерека в комнате на пять или десять минут. Этого хватило бы, чтобы я озвучила свои подозрения о големах и кукле.

Турн кашлянул, и я недовольно посмотрела на него, он спокойно смотрел в ответ. Я добавила еще одну книгу в стопку и придвинула стул к дальним полкам, чтобы прочитать пыльные корешки наверху. Один привлек мое внимание, и я вытащила книгу. Обложка казалась знакомой, но и чужой. Она была не такой потрепанной и запятнанной, как книга, которую я знала, ведь она хранилась в королевской библиотеке.

«Спящий принц и другие сказки».

Это могло быть полезным. В каждой сказке есть доля правды.

Я положила книгу на вершину стопки, подняла ее и, шатаясь, подошла к удивленному Турну.

— Вот, — я с силой толкнула книги в его грудь, заставив инстинктивно схватить их. — Отнесите это в мою комнату, — я открыла дверь и вышла, подавляя улыбку, от которой уже отвыкла.

В башне я сидела за столом и ждала, листая книгу, но не видя слова. Я расхаживала, подхватив другую книгу и пытаюсь читать ее, но не могла сосредоточиться. Не могла не нервничать. Мерек рассказывал, что Твайла проводила тут дни, выходя только помолиться в свой храм, и я не знала, как ей это удавалось. Что она здесь делала? Как не сошла с ума? Конечно, она так быстро поддалась Лифу, он был первым интересным событием за годы ее жизни.

Я развела огонь и села перед ним, ожидая. Вскоре кто-нибудь принесет еду, и мне оставалось лишь надеяться, что в этот раз это будет Мерек. Может, я успею быстро поведать

ему о своих догадках, не вызвав подозрений стражей.

Но, когда пришел Мерек с подносом еды и кубком воды или вина, он едва заметно тряхнул головой, входя, дав мне предупреждение, ведь следом за ним в комнату вошел Турн. Я посмотрела на него, падая духом, а потом на Мерека.

— Спасибо, — сказала я. Я хотела забрать поднос, но он не отдал его, а поднял миску и кубок с подноса и поставил на стол рядом со стопкой книг. Если бы я не следила, то не заметила бы крохотный кусочек бумаги, выпавший из его рукава в миску. Он положил поверх него ложку и поклонился.

— Я вернусь за посудой через час, госпожа.

— Не утруждайся. Мы можем сами отнести посуду вниз, — сказал Турн. Он подошел к нам, поднял кубок и понюхал. — Хорошее, — сказал он, заглянув внутрь, и поставил кубок на стол.

Холодный страх пробрался в меня, когда он осматривал поднос, а когда он потянулся к ложке, скрывавшей записку, я заговорила:

— Можете тогда принести мне молока? И скажите на кухне добавить туда лаванды. Я плохо сплю. Горячая вода перед сном тоже была бы неплоха.

Он отпустил ложку и усмехнулся.

— Конечно, миледи. Как скажете, миледи, — он повернулся к Мереку. — Запомнил? Молоко и кипяток. Принеси их.

Мерек кивнул и оставил меня, я села за стол и подняла кубок. Турн все еще смотрел на меня, и я ощутила вспышку гнева. Я пронзила его взглядом.

— Вам нужно что-то еще?

Он ухмыльнулся.

— Дайте знать, когда закончите, — сказал он и пошел к двери.

Стоило ему отвернуться, как я выхватила записку и спрятала за миской, чтобы, когда он остановился на пороге и оглянулся, опустить ложку и сделать вид, что жую. Я сидела и ела, притворяясь, что читаю, пока он не ушел. Я шумела ложкой по металлической миске, чтобы успокоить того, кто слушал, а левой рукой развернула промокшую записку. Чернила начали растекаться, там было всего несколько слов: «Я вернусь. Подыгрывай».

Как подыграть? И когда?

Я доела, чтобы чем-то себя занять, а потом, несмотря на ранний час, вытащила один из тонких халатов Твайлы и взяла в кровать книгу со сказками. Услышав шаги на лестнице, я нахмурилась, ожидая увидеть одного, а то и двух стражей. Я почти угадала, пришел Турн, а с ним и Мерек с горячей кастрюлей и кружкой. Он обошел кровать и протянул мне кружку.

— Ваше молоко, мисс. Боюсь, лаванды в нем нет.

— Конечно, нет, — сказала я. — Я особо и не надеялась.

Он не слушал меня.

— И ваше тепло, — сказал он. А потом уронил кружку, громко вскрикнул и подбросил кастрюлю над головой.

Турн закричал и бросился к нему, я завопила, а Мерек швырнул кастрюлю об пол у кровати. Она открылась, из нее высыпались горячие угли.

— Крыса! — завопил Мерек, указывая на кастрюлю.

И под кастрюлей на самом деле было тельце крысы.

Повисла тишина, мы замерли. Мерек указывал на крысу, Турн был разъярен, Крейн ворвался в комнату, пытаюсь понять, что происходит. Я чувствовала, как угли прожигают

настил, и посмотрела на Мерек. Он подмигнул. Я не знала, что это означало, но, ради импровизации, изобразила идеальный обморок.

Они осторожно уложили меня на кровати, и я не двигалась, пока они спорили, что делать. Мерек обошел комнату и потушил угли, я слышала их шипение, а он все время настаивал, чтобы кто-нибудь пошел к Ауреку и сказал, что Восход добрался и до замка. Крейн соглашался с ним, но Турн возражал, что крыса только одна, да и замок старый.

— Я работал тут два года, в замке не было крыс, — не сдавался Мерек. — В конюшнях бывали. Но запах собак отгонял их отсюда.

— Зима, вот они и полезли внутрь, — сказал Турн. — И собак тут не видно.

— Верно, — сказал Крейн, но не отметил, с кем он согласен. Турн мрачно посмотрел на него.

— При всем уважении, я считаю, что Его светлость должен знать об этом, — сказал Мерек. — Уверен, вы слышали о произошедшем в Лорутне... дом шерифа...

Турн впервые растерялся.

— Слушайте, я сам к нему пойду, если вы боитесь, — сказал Мерек. — А вы останьтесь с госпожой и проследите за ней. Дамам часто... становится плохо после обморока, а я пойду и расскажу ему, что увидел крысу и убил ее. Объясню, что это сделал я, и я решил рассказать ему. Вас не обвинят, я расскажу ему, что вы не хотели в этом участвовать.

Мне не нужно было открывать глаза, чтобы знать, что Турн скривился от слов Мерек.

— Ты никуда не пойдешь, — мрачно сказал он. Повисла тишина, а потом. — Я схожу к Его светлости с вредителем и скажу, что крыса была убита здесь, — я заметила, что он не уточнял, кем убита. — Крейн, останься у двери. Она не выйдет. Даже если в комнате будет полно крыс. А ты, — видимо, он обратился к Мереку, я боролась с желанием открыть глаза, — убери все тут и следи за ней, — пауза, и он сказал. — Проблемы?

— Нет, — сухо и верно сказал Мерек. Умный Мерек.

Я услышала, как Турн ушел, и задумалась, как Мерек будет прогонять Крейна.

Но ему не нужно было.

— Я подожду снаружи, — сказал Крейн. — Не разбираюсь я в дамских проблемах.

Я тут же села и начала громко кашлять, склонившись с кровати, пока не услышала, как дверь захлопнулась.

— Кошмар. Говори быстро, — сказал Мерек.

— Это было гениально, — тихо сказала я. — Откуда крыса?

— Я нашел ее в конюшнях уже мертвой. Спрятал в штанах. Я боялся, что она выпадет по пути на ступеньках. Пришлось идти осторожно.

— Гениально, — повторила я. — Слушай, Лиф думает, что Твайла в Скарроне, он отправится туда за ней.

Мерек покачал головой.

— Он ошибается. Она не смогла бы управлять Восходом оттуда.

— Аурек подозревает, что кто-то из его людей стал изменником. Помогает ей.

— Да?

Я кивнула.

— Он считает, что только так они могли работать так слаженно. Мерек, она может быть в Скарроне. Может. Ее там знают, люди ее защитят, уверена. Было бы логично уйти туда, — я вдохнула. — Но это не все. Аурек за ужином был занят неким случаем в Шаргате и где-то еще. Люди умерли, ему пришлось с чем-то разбираться, — Мерек растерялся. — Я думаю, он

говорил о големах. Что они начали действовать без его приказов. Он говорил что-то еще, но я плохо слушала. Но, думаю, големы в Шаргате разошлись, и их пришлось останавливать. Думаю, чем дольше они существуют, тем независимее становятся. А когда он не может управлять ими, ему приходится уничтожать их.

Мерек смотрел вдаль и хмурился.

— Это многое бы объяснило. Почему он не делает из них армию. Почему нанимает людей... — он посмотрел на меня. — Погоди. Может, и симулякр так же работает?

Я склонилась к нему.

— Уверена в этом. Он примчался сюда прошлой ночью, почти сразу после получения новостей, чтобы взять больше крови. Думаю, ему нужно освежать ее, чтобы удерживать власть надо мной.

— Это отлично, понимаешь? Значит, ты сможешь уйти. Мы сможем уйти и отыскать Восход.

— Если он только пополнил ее, власть будет сильной. Нужно подождать, пока она ослабеет, но даже тогда...

— Как долго ждать? — перебил он меня.

— Не знаю.

— Эррин, мы не можем ждать. Я не позволю случиться ничему плохому, обещаю. Я не позволю нам рисковать.

— Тебя не было в Тремейне. — сказала я. — Это была моя вина. Я недооценила его, и он использовал это против меня, и сотни людей, которых я знала, погибли из-за этого. И еще... — я закончила то, что пыталась сказать, — я не могу бросить Сайласа.

— Не думаешь, что он хотел бы, чтобы ты...

— И здесь моя мама. Лиф привез ее с собой. Думаю, она в Башне Доблести.

Мерек выругался.

Он не успел больше ничего сказать, мы услышали мужские голоса, эхом разносящиеся по лестнице.

Мерек отпрянул от кровати, вернулись стражи и, к моему ужасу, мой брат.

Мерек тут же опустил голову, низко кланяясь, отпрянув в сторону, как слуга, которым притворялся. Лиф даже не взглянул на него, его глаз смотрел на меня.

— Ты видела здесь крыс до этого? — спросил он.

— Нет, — я говорила тихо, стараясь звучать слабо.

Лиф оглядел комнату, цепляясь взглядом за все, мое сердце замерло, когда его взгляд задержался на Мереке, все еще кланяющимся. Лиф подошел к комоду и выдвинул ящики.

— Что ты делаешь?

— Ищу помет, — сказал он, шурша старыми бумагами, я увидела на страницах рисунки цветов, а потом он задвинул шкафчик. Он проверил шторы, под кроватью, в чулане, мы со стражами наблюдали за ним.

Наконец, он повернулся ко мне.

— Ты упала в обморок?

— На миг, это не серьезно.

— Из-за крысы?

— От потрясения.

— Видимо, так. Дамы часто падают в обморок при виде крыс.

Мерек застыл.

— Надеюсь, теперь тебе лучше, — продолжил Лиф. Он повернулся к Мереку. — Убери здесь.

Мерек кивнул, все еще не выпрямившись. Лиф нахмурился. Но промолчал и покинул комнату, стражи следовали за ним, как псы.

Я посмотрела на Мерека, а он глядел вслед Лифу, приоткрыв рот.

— Что такое? — тихо спросила я.

— Мы дураки, — вяло ответил он.

— Что?

— Где ты выросла?

Сердце забилось быстрее от понимания: я выросла с братом на ферме. Там было много крыс.

Мерек промолчал, склонился и начал собирать остывшие угли с пола.

— Это было близко, — сказала я, пока он бросал угли в камин. — Если бы он присмотрелся к тебе...

Он молчал, склонившись, и, казалось, разглядывал почерневшие руки.

— Тебе нужно уходить. Сейчас.

Он посмотрел на меня с несчастным видом.

— Знаю.

Глава 11:

Мерек ушел, бледный и мрачный, а я не могла избавиться от ощущения, что мы совершили серьезную ошибку. Желудок сжимался, казался тяжелым, я будто падала. Ох и дурочка. Почему я не подумала? Мы видели крыс каждый день, мы жили на ферме, Дуба ради. В пять лет я даже пыталась их приручить. Лиф это знал, он смеялся тогда надо мной. Я считала себя умной, но могла все разрушить. Типично для меня.

Я пыталась уснуть, но волнение не отпускало. Каждый шаг казался звуком шагов стражи, идущей арестовать меня, или Аурека, желающего заставить меня выпрыгнуть из окна. Я боялась за Мерека, представляла, как его, сонного, тащат на допрос, бьют и пытают. Убивают. И он умирает как слуга замка, который много веков назад построила его семья. Я подперла стулом дверь, но это не помогало. Я закуталась в одеяла, но выступил холодный пот. Что сделает Лиф?

Наверное, я уснула, потому что проснулась от стука в дверь и воплей. Я открыла глаза и резко села, увидев туман в комнате. Во рту тут же пересохло. Вот и все.

— Открой дурацкую дверь! — вопил один из стражей, вроде Турн. — Открой дверь, тупая корова, если не хочешь сгореть.

Я поняла, что туман в комнате не ото сна, а от дыма, но все равно не сообразила и посмотрела растерянно на камин, ожидая там огонь, не горели и свечи. Я даже посмотрела на пол, ожидая увидеть горящий настил, Мерек мог не заметить уголек. Но нет... и это было давно...

Дверь пошатнулась на петлях, словно кто-то пытался выломать ее, и я выскочила из кровати и убрала стул, отпрянула в сторону, а дверь распахнулась, два стража ввалились в комнату. За ними клубился дым, заполняя пространство, и я посмотрела на стражей.

— Двигайся, — сказал Турн, и я послушно побежала босиком по ступенькам, держась за веревочный поручень. Я бежала так быстро, что ободрала ладонь. Сзади топали сапоги стражи, они вырвались в коридор сразу за мной, чуть не задавив меня.

— Пожар! — доносились отовсюду крики, дым внизу был гуще, удушал, и в моей груди вспыхнула новая паника. Турн грубо схватил меня за руку и потащил за собой. Камни были холодными и твердыми, я почти задыхалась. Глаза слезились, и я вдруг вспомнила пожар, который устроила в доме Чэнса Анвина. Мы миновали дверь, и я чуть не упала, когда земля превратилась в лестницу, меня спасла лишь рука стража. Я вдохнула холодный воздух, пахло дымом, и от этого всего я задрожала. Турн потащил меня к толпе слуг и стражей, мы обошли стену, и я увидела источник пожара: северную башню, Башню Победы, которую Аурек присвоил себе.

Огонь вырывался из окон, озаряя двор, дым грибами поднимался в небо, черный на фоне темно-синей ночи. Эхо шума отскакивало от каменных стен, разбивалось стекло, трещало дерево от жара огня. У основания башни суетились, как муравьи, тени, выливали из ведер воду, но она тут же испарялась в огне, воды было слишком мало.

На моих плечах оказался плащ с меховым подбоем, пахнувший потом и вином. Я оглянулась, чтобы поблагодарить, но увидела вокруг несколько десятков работников замка, все безмолвно смотрели на башню. Я разглядывала их лица. Я узнала только Турна рядом с собой, Крейн исчез. И я не видела Аурека, брата, маму или Мерека в толпе.

Мерек. Он так попытался отвлечь их, чтобы сбежать? Я повернулась к стражу.

— Что произошло?

Он молчал и смотрел на замок, и я тоже повернулась туда.

Огонь двигался, я видела, как он вспыхивал в других окнах, растекаясь по коридорам башни.

— Все на помощь! — прогудел кто-то вдали, некоторые переглянулись. Никто не двигался, все смотрели, как огонь лижет небо. — Все! — владелец голоса появился из тени, крупный мужчина с красными глазами и сажей на щеках, на его руке была золотая повязка. — Ты, — указал он на людей в толпе. — И ты. И вы. Идите к колодцу и помогайте им, — те, на кого он указал, замерли, а потом пошли, но не спешили. — А вы, — мужчина указал на моего стража. — Чего вы ждете? Помогайте.

— Капитан стражи приказал оставаться с его сестрой, — сказал Турн.

— Капитан стражи только что приказал всех отправлять на борьбу с огнем, — рявкнул мужчина. — Без исключений.

— Я дождусь его личного приказа.

— Да? И как тебя зовут? — рявкнул мужчина.

Турн молчал, и я заговорила:

— Его зовут Турн, — сообщила я и вскрикнула, когда он сжал мою руку.

— Что же, господин Турн. Идите к колодцу и помогите потушить огонь, иначе я доложу королю, что вы отказались помогать. Что вы предпочли стоять с женщинами и смотреть, как сгорает его дом. Посмотрим, что он тогда скажет.

В воздухе между ними повис гнев, и Турн отпустил мою руку.

— Ты за это заплатишь, сволочь, — прошипел он в мое ухо, проходя мимо меня. — Крейн, — крикнул он своему товарищу и подозвал к себе. — Оставайся здесь, — процедил он мне. — Женщина, — он обратился к фигуре в капюшоне, смотрящей на огонь, — присмотри на ней.

Женщина кивнула. Как только Турн и Крейн пропали из виду, она отвернулась от меня. Я огляделась, пытаюсь увидеть Мерека.

А увидела другое. Не Мерека. Даже лучше. Мои ноги превратились в воду, когда я поняла, на что смотрю.

Голова с белыми волосами покачивалась, пока не пропала за углом.

Сайлас.

Сайласа Колби, укутанного с головы до пят в черное, уводила из замка фигура в похожей одежде. На миг я подумала, что с ним Мерек, обрадовалась и собралась бежать за ними. А потом повернулась влево и увидела людей в черной одежде, которых уводили с сопровождением в другую сторону, сцепив их руки за спинами. Всех алхимиков, похищенных Ауреком, убирали из замка.

Конечно. Аурек точно подумал, что это атака Восхода, нападение на него. Он хотел убедиться, что они не спасут алхимиков.

Я не мешкала. Я дождалась, пока группа алхимиков пропадет в темноте, взглянула на женщину, якобы следящую за мной, и пошла за Сайласом. Я старалась идти как можно тише, следовала за фигурами до конюшен, следила, как они входят туда. Я замерла у конюшни и ждала, прислушиваясь. Не было ни звука, ни Сайлас, ни сопровождающий не говорили. Я слышала только крики из замка вдали. Я уже хотела двигаться, когда услышала скрип петель, и застыла, задержав дыхание при звуке движущегося засова. Быстрые шаги, словно при беге, стали тише, они ушли дальше.

Когда я набралась смелость пройти дальше, я никого не увидела, только сияющий в огнях силуэт башни.

Я глубоко вдохнула и убрала засов на двери конюшни. Я пробралась внутрь.

Я нашла Сайласа в третьем загоне, прикованного к крюку на стене. Тот, кто привел Сайласа сюда, оставил на стене факел, и такая доброта удивила меня. Капюшон упал или слетел с его головы, его волосы отросли и торчали вокруг головы, как пух одуванчика. Он был спиной ко мне, но я видела, что он в перчатках. А потом он резко развернулся, и я вскрикнула. Над кляпом его глаза расширились.

Мое сердце замерло на миг, я не могла поверить, что он здесь, что он встает, что у него хватает сил на ненависть во взгляде. И ненависть пропала, когда он увидел меня.

А потом я врезалась в него, обнимая руками и ногами. Он пошатнулся, и мы упали в стог сладко гниющего сена.

— Прости, Сайлас, прости, — я слезла с него и вытащила кляп изо рта.

Он рассмеялся и застонал.

— Развяжешь меня?

Его голос на миг парализовал меня, такой же хриплый, как и всегда. Я много раз представляла его, но это нельзя было сравнить с его настоящим звучанием. Я потянула за узлы на его запястьях, пока веревка не упала. Как только его руки освободились, они обвились вокруг меня, и я прижалась к его худому телу. Мои руки обняли его шею.

Он целовал мою макушку, осыпал поцелуями мои волосы.

— Я не знал, здесь ли ты на самом деле, — сказал он, пальцы в перчатках гладили мое лицо, я делала то же самое с его, убирая волосы, упавшие ему на глаза. — Я спрашивал каждый день про тебя, но они молчали. Я не хотел, чтобы ты была здесь.

— Не важно. Ты можешь бежать? Ты ранен?

Он покачал головой, но не смотрел мне в глаза. Я отпрянула, взяла его за руки и сняла

перчатки. Было и хуже, и лучше, чем я думала. Аурек уверял меня, что Нигредо распространилось так сильно, что Сайлас был прикован к кровати, но на самом деле оно все еще охватывало только руки. Почернели все пальцы, почернели и сами ладони. Я закатала рукава его туники, и увидела, что проклятие распространилось и на его руки, остановившись в нескольких дюймах от сгиба локтя, повторяя перчатки, которые он носил, чтобы скрыть Нигредо. Я склонилась и поцеловала кожу на стыке тьмы и света на обеих руках, взглянула на него, а он смотрел на меня, склонив голову, и мое сердце затрепетало.

— Я думала, все намного хуже, — сказала я, проглотив ком в горле.

Он покачал головой и обхватил мои ладони. Проклятая кожа была холодной, успокаивала меня.

— Он не мог зайти так далеко, так ведь? Я нужен ему здоровым. А ты? Как ты?

— В порядке. Аурек меня не трогал, — соврала я. — Идем, ты уходишь.

— Тогда... погоди, я ухожу? А ты?

Я покачала головой.

— Не могу. Тут мама. Лиф привез ее.

— Лиф ведь не позволит ничему случиться с ней?

— Боюсь Аурек выместит на ней гнев.

— Зачем? Ты же сказала, что он... — он замолчал и посмотрел на меня. — Значит, соврала? Он над тобой издевается, я так понимаю?

— Сайлас, у нас нет на это времени...

— Я иду с тобой. Я не уйду без тебя. Все просто. В прошлый раз, когда я выпустил тебя из виду, тебя схватили.

— Тебя тоже, — возразила я.

— Я про случай до перелома твоего позвоночника, — он продолжил. — Я урок запомнил, Эррин Вастел. Я не смог бы уйти и оставить тебя здесь, — он отстранился и скрестил руки. — Выбирай. *Мы* уходим, — он подчеркнул, что это касается нас обоих, — или *мы* остаемся.

Я смотрела на его милое решительное лицо. Лиф не даст ничему случиться с мамой. Он еще не так плох.

— Хорошо. Мы уходим.

Он взял меня за руку и потащил за собой.

Я не удивилась, когда дверь скрипнула и ударилась о стену конюшни, разделяя нас.

Аурек стоял на пороге, оскалив зубы, с убийственным взглядом.

— Вот ты и попалась, дорогуша.

Глава 12:

Я бросилась на Аурека, врезалась в него, и мы рухнули на землю. Хотя он принял силу удара, выдохнул с болью, когда мое плечо вонзилось в его грудь, он умудрился схватить мои запястья и перевернуться так, что я оказалась под ним. Я отбивалась кулаками и ногами, извивалась под его весом. Я укусила его руку, когда она оказалась рядом, и он взревел, ударил меня кулаком по голове, на миг все побелело перед глазами. Я ощутила сокрушительное давление на груди, а потом я смогла увидеть, что Аурек придавливал меня,

сидя на коленях, склонив голову, двигая руками в районе пояса. Сайлас за его плечом приближался к нам с вилами в руке.

— Беги! — закричала я и ударилась лбом об опущенную голову Аурека, чувствуя, как его зубы царапают мою кожу. — Уходи.

Что-то холодное оказалось у моего горла, и Сайлас застыл, отпустил вилы даже раньше, чем Аурек сказал:

— Брось это, племянник.

Вилы громко стукнули о деревянный пол, я ощутила, как влага течет по шее. А потом пришла резкая обжигающая боль. Нож Аурека впился в меня, и, когда я сглотнула, стало еще больнее.

— Встань на четвереньки, — сказал Аурек, слезая с меня, но удерживая нож у моего горла.

Сайлас тут же послушался, все время глядя на меня.

— Прошу, не причиняй ей боль.

Аурек поднял меня и встал за моей спиной, прижал нож к моему пульсу, кровь стекала за воротник ночной рубашки.

— Я собираюсь убить ее, — сказал он едва слышно, его губы задевали мои волосы. — Так что даже не думай, что твое сотрудничество сможет спасти ее. Нет. Это лишь определит, как быстро она умрет.

Ледяной ужас приковал меня к месту, мою кожу покалывало, от его слов и прикосновений на меня накатывали волна за волной страха.

— Прошу, — сказал Сайлас.

Аурек рассмеялся и лизнул мое ухо.

— Нет.

Позади нас раздался шум — шаги нескольких человек, мужчин с мечами и факелами. Они остановились вне поля моего зрения, но я видела их длинные тени на полу.

— Свяжите моего племянника и отведите в защищенное место. В этот раз в действительно безопасное, — Аурек повернулся. — Где Лиф?

— Не знаю, Ваша светлость, — ответил мужчина.

— Да? — Аурек подвинулся к месту со мной, как с куклой. Я успела увидеть, как Сайласа связывают трое мужчин, заведя руки ему за спину. Но он смотрел на меня. — Итак, — продолжил Аурек, — кто-то устроил пожар в моем замке, а мой самый верный лейтенант привел моего зельеварщика прятаться в конюшнях, где его случайно нашла его сестра. Я чую крысу, Эррин, и не ту, что была в твоей комнате. Я полагаю, это была часть плана? Вызвать у меня паранойю?

— Я не знаю, о чем...

Он ткнул рукоятью ножа в бок моей головы раньше, чем я закончила, и Сайлас взревел, пытаясь вырваться из хватки двух стражей.

— Знаешь, что я думаю? — сказал Аурек, пока стражи уводили Сайласа мимо меня и из конюшни. Я смотрела ему вслед, пока пальцы Аурека не впились в мою челюсть, заставляя меня смотреть на него. — Я думаю, что Восход — это ты. И банда отбросов, которых ты убедила помочь тебе. Возможно, и твой брат сюда входит, ведь тебе нужен был кто-то снаружи. Но я узнаю. Я же говорил тебе в том храме из костей, что заражение можно остановить, избавившись от источника.

Он больше ничего не сказал, развернул меня и сцепил руки у меня за спиной.

— Дайте веревку, — рывкнул он одному из мужчин, вскоре мои руки оказались связанными так крепко, что пальцы покалывали.

Его рука оказалась в моих волосах, он пошел, таща меня. Кожа головы пылала, он шагал в замок, и я, спотыкаясь, шла за ним туда, где еще стояла толпа и смотрела, как горит вторая башня.

Аурек бросил меня за землю перед собой с такой силой, что я прокусила губу, кровь заполнила рот.

— Соберите всех здесь, — приказал он своим людям. — Мои големы разберутся с пожаром.

Они не медлили, а побежали прочь от огня. Аурек вытащил куклу из кармана, и я подумала, что мою, но он написал приказ прямо на глине. Он поднял голову, ожидая, и удовлетворенно кивнул, когда из тьмы вышли четыре голема. Толпа нервно отпрянула. Аурек вытащил бумагу из своего бесконечного запаса, написал что-то на ней и разорвал на четыре куска. Големы подошли, и он прижал по кусочку к руке каждого. Их движения тут же стали целеустремленными, они встали, окружив нас.

Стражи вернулись с людьми, запачканными сажей, многие кашляли, все были с красными глазами и тяжело дышали. Они присоединились к толпе, кто-то пошел к друзьям, другие с опаской смотрели на Аурика и его големов. Запах опасности смешивался с дымом.

— Никто не уходит. Големы убьют всякого, кто попытается.

Потрясенный шепот разошелся по толпе, люди ерзали, жались ближе друг к другу. Стражи начали возмущаться.

— Даже вы, — сказал Аурек так, что стало ясно, что он не шутит. — У нас возникла проблема, — он повысил голос, заглушая рев пламени. — И проблема эта в доверии. Я доверял вам. Всем вам. Но, похоже, я зря доверял ей, — он ткнул меня ногой. — Я считаю, что она предала меня, и потому мне нужна информация. Я хочу, чтобы все, кто служил ей хоть как-то за последние десять недель, выступили вперед. Если вы стирали ее одежду, готовили еду, выступите вперед. Если вы охраняли ее, выступите вперед. Я хочу понять, как глубоко зашло ее предательство, для этого мне нужна ваша помощь. И честность, — никто не двигался, и Аурек вздохнул. — Пожар в моем доме испортил мне настроение. Лучше не заставляйте меня просить во второй раз.

Турн и Крейн переглянулись, Крейн выступил вперед, Турн через миг шагнул за ним. Я хмуро посмотрела на них, сплевывая кровь на землю. Турн хищно улыбнулся.

Вперед выступали и другие люди, я их не знала: несколько мужчин, две женщины возраста моей матери, мальчик, которому было не больше десяти лет. Мерека не было видно среди людей, вставших перед Ауриком, и я ощутила радость из-за того, что он смог сбежать.

Пока его не толкнул кто-то, стоявший за ним.

— Он носил ей еду, — заявила женщина, раскрывшая его, и мое сердце сжалось. Он не смотрел на меня, а смотрел только на Аурика, встав между женщиной и мальчиком.

— Кто-нибудь из вас помогал ей передавать послания за пределы замка?

Они покачали головами, Турн громко сказал «нет».

— Просила ли она вас?

Снова только Турн ответил словом, остальные безмолвно отрицали.

Аурек склонил голову, глядя на них. А потом он посмотрел на меня.

— Эррин, ты когда-нибудь просила, заставляла, давила угрозами на этих бедных крестьян, чтобы они поддержали твое дело?

— Ты же знаешь, что нет, — выдавила я, губы опухали.

Он пожал плечами. А потом его рука мелькнула с ножом в ней у горла Турна.

Там появилась красная линия, рана открылась, и полилась кровь. Турн посмотрел на Аурека, губы сформировали от удивления идеальную «О». А потом он упал, и жизнь полилась из него на сухую траву.

— Я спрошу еще раз, — Аурек улыбнулся мне. — Кто помогал тебе? Он? — он направил нож на Крейна.

— Ваша светлость? — сказал Крейн, и это было его последним поступком, нож снова вспыхнул. Крейн издавал булькающий звук, умирая, терзал пальцами горло, словно мог вернуть кровь и закрыть рану. Он умирал долго, и Аурек бесстрастно наблюдал за ним.

Женщина, стоявшая рядом с Крейном, заплакала.

— Скажи ему, что это не я, — сказала она мне. — Прощу. Скажи ему.

— Она этого не делала, — сказала я, не выдержав. — И никто из этих людей.

— Но кто-то был? — Аурек смерил меня взглядом, направив нож. — Кто-то здесь из Восхода?

— Да, — соврала я. — Да. Я — Восход. Я. Все это — я. И у меня была помощь, но не от них. Не от тех, кто сегодня здесь.

— Скажи, кто. Назови имена.

— Я... не спрашивала их имена, — взмолилась я. — Это было слишком опасно.

Аурек пожал плечами.

— Я тебе не верю, — он вонзил нож в грудь женщины, она тут же рухнула на землю. — Я все равно убью их всех.

— Нет! — завопила я, горло заболело, а он вытащил нож из тела женщины и пошел к Мереку.

Я уловила движение позади себя.

— Лиф, — радостно сказал Аурек. — Хорошо, что ты присоединился к нам. И где же ты был?

— Я ходил забрать... кое-что, — сказал он, хмурясь. — Но этого уже не было, — он посмотрел на меня, на миг я подумала, что вижу облегчение в его взгляде. А потом это исчезло, и он повернулся к Ауреку.

— Да? — сказал Аурек. — Видишь ли, странно, что пожар начался именно в той башне — в моей башне — через пару часов после того, как в комнате Эррин нашли крысу.

Лиф посмотрел на меня, а потом снова на своего повелителя.

— Не понимаю, Ваша светлость.

— Я искренне надеюсь, что это не так, — заявил Аурек.

Лиф заметно сглотнул.

— Я хотел сказать, что не вижу связи, Ваша светлость.

Аурек моргнул.

— Ты ведь знаешь, что Восход запустил крыс в дом шерифа в Лортуне? Я никак не мог понять, как Восход смог ударить в стольких местах. Я же тебе говорил, что думаю, что это делает кто-то среди моих людей? Что за всем этим стоит кто-то из моих людей?

Лиф застыл, глядя на Аурека, словно смотрел на ядовитую змею.

— Думаю, твоя любимая сестра может быть из Восхода, — сказал Аурек мягким голосом. — Из местной группы. Думаю, кто-то в замке помогает ей. Боюсь, это можешь быть ты.

Брови Лифа поползли наверх, казалось, замерла сама ночь.

— Мне жаль это слышать, Ваша светлость, — только и сказал он.

Теперь нахмурился Аурек.

— И все? Я говорю, что подозреваю тебя в измене, а ты говоришь, что тебе жаль это слышать?

Лиф поклонился.

— Вы — король. Я не могу с вами спорить. Я не имею права.

Аурек прищурился, а потом склонил голову.

— Так ты защищаешься?

Лиф посмотрел на него и заговорил тихим голосом:

— Вы знаете, что в прошлом я предавал людей, о которых, якобы, заботился. Конечно, логично предположить, что такова моя природа. Так и есть.

Я рискнула посмотреть на Мерека, а он держал голову опущенной, чтобы на лицо падала тень. Я взглянула на Аурека, а тот смотрел на Лифа с нескрываемым потрясением.

— Ты любишь сестру больше своего короля? — спросил он.

— Я люблю свою сестру. И мать. Но я верен вам.

Аурек долго смотрел на него, а потом отпрянул и махнул рукой в мою сторону, указывая на толпу. Он дал Лифу продолжить допрос. Новая волна ненависти к брату закипела во мне, когда он повернулся ко мне со спокойным видом.

— Ты устроила пожар, Эррин?

— Нет. Я была в комнате. Они, — я кивнула на трупы Турна и Крейна, — охраняли дверь. Но их уже не попросишь подтвердить.

— Ты просила кого-то устроить пожар?

— Нет. Я узнала об этом, когда они вытащили меня из комнаты в ночной рубашке.

Лиф пристально смотрел на меня.

— Крыса в твоей комнате. Ты ее подкинула?

— Нет.

Его глаз сузился.

— Врешь, — Аурек смотрел то на него, то на меня, склонив голову. — Она знает что-то о крысе. Кто был с тобой в комнате, когда ты увидела крысу? Твои стражи? Мертвые? И что за слуга там был, когда я пришел к тебе?

— Не знаю... его там не было, когда я увидела крысу, — быстро сказала я, сердце билось так сильно, что я боялась, что мои ребра треснут.

Это выражение лица Лифа я видела всю жизнь. Когда я съела последние медовые пирожные и сказала, что это не я. Когда я сломала одну из его любимых деревянных коровок. Когда я одолжила его лук и забыла в лесу. Злой взгляд старшего брата.

К моему удивлению, молчание между нами нарушило ворчание Аурека:

— Честность тут выразить могу только я, и этот страж, — он ткнул носком сапога Турна, — сказал, что это он видел крысу, и что он раздавил ее горячей кастрюлей.

Я не могла дышать, я не верила, что наглость Турна может спасти Мерека.

— И, чтобы узнать правду, признаюсь, что я не улавливаю логику твоих мыслей, — сказал Аурек с насмешкой.

— Я подозреваю, что вы правы, что Восход — организация, за неимением лучшего слова, и кто-то из них здесь есть, — сказал Лиф, чуть склонившись. — Я просто хочу знать, входит ли туда моя сестра, пока вы не наказали ее.

Лиф посмотрел на оставшихся стражей. Все стояли с опущенными плечами, смотрели на землю, пытались сделать себя маленькими, словно это спасло бы их от гнева Аурека. Он скользнул по ним взглядом, не задержавшись на женщинах и ребенке. Но, когда он дошел до Мерека, он замер и нахмурился.

Он успокоил себя, отвел взгляд, словно что-то вспомнил. А потом он улыбнулся, медленно и без радости, и я больше не чувствовала под собой земли.

— Ты же был тем слугой, да? — сказал он Мереку. — Ты принес напиток?

Мерек поднял голову с вызовом во взгляде.

Он знал, и я понимала, что Лиф узнал его.

— Или нет? Может, я ошибся. Может, ты не играл, — тихо сказал Лиф, глаза Мерека расширились.

Лиф повернулся к Ауреку.

— Не знаю насчет крысы, Ваша светлость. Но могу поклясться жизнями своей матери и своей, а если можно, то и сестры, что я — не часть Восхода. Но я не могу поручиться за Эррин.

Теперь уже был удивлен Аурек.

— А если я убью ее?

— Мама будет скучать по ней, — просто сказал Лиф. А потом огляделся, и выражение его лица с лишнего эмоций перешло к смятению. Он повернулся по кругу, словно забыв об Ауреке, Мереке, обо мне и Восходе.

— Что такое? — Аурек вглядывался во тьму.

— Простите, я... где моя мать?

— Что?

— Я ходил в Башню Доблести, но ее там уже не было. Я не вижу ее...

Аурек помрачнел.

— Вот почему тебя не было там, где я приказал тебе находиться.

Мы с Лифом смотрели на него.

— Прощу, Ваша светлость? — спросил он.

— Я переместил ее в Башню Победы после случая с крысой. Я подумал, что там она будет защищена лучше, если придет Восход.

Лиф посмотрел на меня, словно у меня был ответ. Я не понимала, играет он или нет. Я не могла прочитать его. Он посмотрел на Башню Победы, огонь вырывался из каждого окна, комнаты за ними пылали.

— Нет, — слабо выдавил он, я еще не слышала его голос таким. А потом он бросился к замку.

Поняв причину, я последовала за ним.

Големы замахнулись на него, когда он пробежал мимо, один пошел за ним, но застыл на месте и медленно повернулся к толпе, когда я миновала его. Я понимала, что Аурек приказал им не трогать нас.

Я бежала за братом, он пропал в дыму за дверью. Я собралась идти за ним, а он вышел, закрывая рукой лицо, сильно кашляя.

— Слишком жарко, — выдавил он, схватил меня за руку, забыв о том, что происходило пару мгновений назад. Мы цеплялись друг за друга, пока оббежали башню в поисках другого входа.

Дверь горела, дым поднимался в небо, и Лиф повернулся и потащил меня к первой

двери. Но теперь и там был огонь, и я схватила руку Лифа обеими руками, впилась пятками в землю, чтобы остановить его.

— Ты умрешь, — всхлипнула я, пока он убирал мои руки.

— Там мать, — рявкнул он и оттолкнул меня.

А потом мимо нас прошла высокая серая фигура, направляясь в огонь. Я смотрела, открыв рот, как голем входит в пламя, жар ему не вредил. Я повернулась к Лифу и увидела, что Аурек присоединился к нам. Он не смотрел на нас, глядел на огонь, свет отражался в его глазах, и они будто горели.

Несмотря ни на что, мы стояли втроем и смотрели на дверь, ожидая движение. Когда я посмотрела на брата, то увидела, что из его глаза текут слезы, и мой желудок сжался.

Голем вышел с чем-то черно-красным и дымящимся в руках, и Лиф взвыл и упал на колени.

Поверхность голема выглядела бледнее, по ней пошли трещины, он протянул к нам руки и рассыпался в пыль, как перегретый на огне горшок. То, что было в его руках, упало на землю.

Я повернулась к Ауреку, не зная, зачем, а он смотрел на меня безжалостными золотыми глазами.

— Я не знал свою мать, — сказал он.

Глава 13:

Он больше ничего не сказал и ушел, оставив моего брата на коленях, и я смотрела ему вслед, онемев. Я посмотрела на вещь на земле и пыталась убедить себя, что это мама, но я ничего не чувствовала. Это не было похоже на человека. Это не было похоже ни на что.

— Мне так жаль, — всхлипывал Лиф, впиваясь пальцами в землю. — Мама, прости, — он не звал ее мамой с восьми лет. Я вспомнила, как он впервые назвал ее за ужином матерью.

«Передай масло, мать», — сказал он, и она была так удивлена, что уронила ложку и расплескала суп.

Мама умерла. Она была мертва. Она уже не расплещет суп. Я не увижу ее улыбку. Она никогда не заплетет мои волосы короной. Я никогда не попробую снова ее хлеб или масло. Она никогда не коснется холодной рукой моего лба, когда я простужусь.

— Это твоя вина, — сказал кто-то, а Лиф посмотрел на меня. — Это твоя вина, — повторил голос, и я смутно понимала, что это мой голос. Мои слова. — Ты привез ее сюда.

— Нет. Я только хотел, чтобы она была в безопасности, — выдавил Лиф.

— С ним? Ты подумал, что с ним она будет в безопасности?

— Кто-нибудь мог использовать ее против меня, — Лиф рыл землю. — Я не знал. Я не подумал...

— И никогда не думаешь! — завопила я. — Все всегда так, как хочешь ты, как тебе нужно, как ты считаешь лучшим. А теперь она мертва. Ты убивал ее месяцами, и у тебя получилось.

Я услышала позади шаги, ожидала увидеть Аурека или стражей, готовых увести меня. Я развернулась с поднятыми кулаками. Мерек остановился, закрыл руками рот, глядя на маму.

— Мне жаль, — сказал он. — Боги, мне так жаль. Я не хотел...

— Так это был ты? — спросила я, слова словно выдавливались изо рта. — Ты начал пожар?

Он кивнул, на его лице застыло сожаление.

— Я так и думала.

— Я не знал... — начал он и замолчал, но мне было не так больно, как когда такое говорил Лиф. — Я думал, что она в южной башне. Я не знал, что ее переместили. Он был в главном зале с ним... — он кивнул на Лифа. — Я подумал, что там пусто. Это должно было только отвлечь, — тихо сказал он и взял меня за руки. — Прости. Эррин, мне очень жаль. Я не знал, поверь.

— Я тебя не виню, — услышала я себя. — Я виню его, — я повернулась к брату.

— Эррин, прошу, — сказал Лиф.

— Ты привез ее сюда, — и хотя я говорила тихо, слова эхом отскакивали от камня вокруг нас. — Ты довел ее до безумия. Ты убил ее.

Лиф закрыл лицо руками и согнулся, прижимаясь к траве.

— Теперь вся моя семья мертва, — сказала я ему. — Папа умер в Тремейне, а вы с мамой умерли в день, когда ты ушел. Ты мертв для меня, Лиф. Слышишь? У меня теперь нет семьи.

Обгоревшее существо простонало.

— Она жива, — крикнул Мерек и тут же склонился к ней. Лиф придвинулся к ней, протянул руку. Раздался еще один стон, и я уставилась на нее, не понимая, как она может быть живой. То, что не было черным, было красным и опухшим, рука была в волдырях, сочилась кровью. Ее волосы сгорели полностью, как и брови с ресницами. Ее платье растаяло на коже.

Мертвой она пугала, но живой... она была кошмаром.

— Эликсир, — Мерек посмотрел на меня. — Ее можно спасти Эликсиром.

Лиф качал головой, зажав рукой рот.

— Но он исцелил сломанный позвоночник твоей сестры, — возразил Мерек. — Попробовать ведь можно?

Он не поднимал голову, не говорил. Не двигался.

— Я схожу и попрошу, — услышала я себя, голос звучал издали. — Я выпрошу.

Лиф вскинул голову.

— Он не сделает этого для тебя. Он скорее даст ей умереть, чтобы причинить тебе боль, — сказал он. А потом сплотнул. — Для меня он может так сделать. Идите. Я попрошу его. Убегайте, пока я буду у него.

Мерек смотрел поверх моей мамы на него, Лиф смотрел в ответ.

— Почему он сделает это для тебя?

— У него есть только я, — слабо сказал Лиф, мой живот словно пронзило льдом.

— У нас тоже был только ты, — сказала я, и он закрыл глаз, пролив еще одну слезу.

— Идите, — повторил он.

— Эррин? — осторожно сказал Мерек.

Я открыла рот, чтобы отказаться. Я не могла бросить ее, не зная, даст ей Аурек Эликсир или нет. Но я не успела ответить, раздался странный треск. Мы посмотрели на звук и увидели Башню Победы, она обрушилась, пыль и обломки разлетелись вокруг. Мерек толкнул меня на землю и закрыл своим телом, когда обломки попали по нам. Я задержала

дыхание и прижалась лицом к земле.

Когда гул утих, Мерек поднял меня. Он был в саже и пыли, неузнаваемый.

— Уходите, — сказал Лиф сломленным голосом, вставая на ноги. — Оба. Я разберусь с куклой. Я сделаю все, чтобы исцелить ма... мать, и ты знаешь, что Сайлас будет в безопасности, пока делает Эликсир. Но ты умрешь до рассвета, если останешься.

Он знал, что Аурек со мной делает, и ничего не сделал. Я не могла двигаться.

— Эррин, — тихо сказал Мерек. — Прошу.

Я посмотрела на него и моргнула.

— Позволь сделать это, — сказал Лиф.

Я кивнула Мереку и увидела краем глаза, как Лиф опускает от облегчения плечи.

— Ты все исправишь, — сказала я, не ощущая радости, когда он вздрогнул. — Ты в долгу передо мной. Перед ней. Тебя растили не таким, ты был лучше.

Он опустил голову, и я отвернулась, не в силах смотреть на него и дальше.

— Где мы сможем выйти? — спросил у него Мерек.

— Северные врата. И возьмите это, — я оглянулась, а Лиф вытащил кусок бумаги из-под туники. Я смотрела и не двигалась, и он протянул бумагу Мереку, он забрал ее. — Позаботьтесь о моей сестре, Ваше высочество, — сказал он с поклоном.

— Что это? — Мерек посмотрел на бумагу.

— Прочитаете, — сказал Лиф, уже больше напоминая прежнего себя. — Идите, если уходите. У меня много работы.

— Погоди. Один вопрос. Почему ты не выдал ему, кто я? — спросил Мерек.

Лиф глубоко вдохнул и отряхнул форму.

— Я в долгу перед тобой, — он вытер лицо рукавом и на миг поднял повязку, я заметила розовую пустоту за ней. Он не посмотрел на нас, а ушел в темноту за Ауреком.

— Идем, — сказал Мерек, протягивая руку.

Я посмотрела на маму. Она не издавала звуков какое-то время, но я не могла думать об этом. Не сейчас. Я взяла Мерека за руку.

Он, похоже, знал, куда идти, и я бежала рядом с ним, размахивая руками, во тьму, босые ноги шлепали по земле так быстро, что дрожали ноги. Двигаться было приятно. И я ускорила, чтобы убежать от всего, что случилось. Я должна была верить Лифу. Я должна была верить, что он спасет маму.

Мы добрались до Северных врат за мгновения, и Лиф не врал, там было заперто, но без людей на страже. Мы остановились на замерзшей грязи, и я помогла Мереку поднять большое бревно с крюков на вратах, страх и спешка придали нам сил, мы потянули за железные засовы в камне. Не говоря, мы оглянулись на пылающий замок, Мерек взял меня за руку и повел прочь от замка.

Мы побежали вдоль стены замка, крики стали тише, и мы добрались до узкой дороги, ведущей в город. Отсюда было слышно отдаленный гул голосов, и я потянула Мерека прочь, но он покачал головой.

— Нам нужно в город к моему союзнику. Нам нужны плащи, еда и вода. Тебе нужна одежда. И обувь. Мы не выживем без припасов.

— Нас схватят в городе, — мой голос звучал хрипло, дым и крики истерзали мое горло. — Комендантский час.

Мерек покачал головой.

— Аурек приказал всем в Лортуне помогать тушить пожар. Смотри, — Мерек указал на

дорогу, через миг я увидела мужчину и женщину в теплых плащах, бегущих к замку. А потом мимо пробежал другой мужчина, за ним еще один, а там и третий. Я видела приглушенные цвета их плащей. Близился рассвет. — Все будет в хаосе. Пока мы не на виду, пока мы будем в стороне от солдат, все будет хорошо.

Я понимала, что это опасно, даже глупо. Это было в моем стиле, так беспечно. Но он был прав, я была в ночной рубашке. Так что я в третий раз взяла его за руку и позволила вести по Лортуне.

Здесь был хаос, как мы и думали, шум ударил, как только мы миновали барьер из зданий. Люди бегали по сторонам, кричали друг другу, и вдруг стало ясно, что редкие бегут на помощь королю. Вместо этого они бегали от одного здания к другому, шептали друг другу новости, передавали бутылки, свертки с одеждой, пользовались суетой для свободных действий, чего давно не могли сделать. Они избегали стражей, пытавшихся отправить их к замку.

Мерек потянул меня в переулок, и мы остановились у здания в конце. Окна были темными, но он все равно застучал в дверь.

— Открой, — колотил кулаком он. — Открой...

Дверь распахнулась, чуть не сбив меня, и хрупкая женщина, морщинистая, как изюм, стояла там, держа в руках посох с острым металлическим наконечником.

— Я умру, но не стану помогать сволочи из Таллита, так что не просите меня носить воду, — прошипела она. — Я лучше брошусь в огонь.

— Я не хочу, чтобы ты помогала ему. Я хочу, чтобы ты помогла мне.

Она посмотрела на нас.

— Помогла с чем?

— Выбраться отсюда, найти Донен Воплощенную и вернуть мой трон.

Смелость его признания лишила меня части тяжести на душе.

Женщина склонилась, возвышаясь в темноте, чтобы разглядеть его. К моему удивлению, она рассмеялась.

— Я знала, что там была не твоя голова, — сказала она, хитро улыбаясь, показывая рот, где осталось мало зубов. — Знала. У того парня у глаз были морщинки смеха. Я могу сосчитать на пальцах одной руки, сколько раз ты смеялся.

Она протянула руки, и я ощутила укол потрясения, заметив, что на левой руке не хватало двух пальцев, не было одного пальца на правой руке. Она рассмеялась от выражения моего лица, а потом схватила нас за руки и втощила в дом, закрыла за нами прочно дверь. Для женщины, которой было не меньше восьмидесяти, она была невероятно сильной. И быстрой.

В ее доме было тепло, даже душно, и я увидела, что окна закрыты плотной тканью, чтобы скрыть свет и удержать внутри жар.

— Марго Коттар, — представил женщину Мерек, когда она отвернулась от запертой двери. — Это Эррин Вастел, — она уставилась на меня, и он быстро добавил. — Да, она — сестра Серебряного рыцаря. Но она не на его стороне.

— Я ненавижу его, — прорычала я.

Марго окинула меня взглядом и кивнула, словно слов Мерек и моих слов было достаточно.

— Что вам нужно? Вы ведь для этого здесь.

— Ей нужна одежда, подходящая для бега и езды и обувь. И нам нужны плащи и вода.

Еда.

— Куда вы направитесь?

— Скаррон, — сказала я, а Мерек сказал:

— Мы не знаем.

Марго посмотрела на нас.

— Я все принесу, пока вы решаете, — она прошла через небольшую дверь в другую комнату, оставив нас одних.

Люди снаружи бегали мимо дома, но их голоса были приглушены. Комната была маленькой, даже меньше комнаты в доме в Алмвике, но тут было чище, за местом ухаживали. Маленький потертый стол стоял у стены, два потрепанных стула под ним. У огня было кресло-качалка, шерстяное одеяло сочеталось с ковром на полу. Были и мелочи — вазочка на камине, пока пустая, игрушечный солдатик, с которого почти слезла краска. Корзинка с пряжей стояла у кресла.

— Думаю, она в Скарроне, — я посмотрела на Мерека, он тоже разглядывал комнату. — Лиф сказал так Ауреку. Это логично. У нее там дом, он вдали, до него сложно добраться в это время года, и люди там любят ее. Я их видела. Они защитят ее.

Мерек покачал головой, не соглашаясь.

— Она не может управлять Восходом оттуда.

— Если это ее рук дело, — отметила я. — Мы не можем быть уверены.

— Я знаю, что это она, — сказал Мерек. — Не спрашивай, как, я просто знаю.

Я вздохнула.

— Тогда куда нам идти?

— Не знаю. Она где-то скрывается. Вдали и в безопасном месте.

Я безумно размышляла.

— Сайлас говорил, что его мама жила с группой женщин у Восточных гор. Погоди, ты же не думаешь...

Мерек раскрыл рот.

— Как я не... — он замолчал и тряхнул головой. — Конечно.

— Что? — осведомилась я.

— Там был орден женщин. Закрытый ото всех. Я писал им, чтобы они приняли мою мать, когда мы с Твайлой поженимся.

— Что?

Он пожал плечами.

— Они отказались. Что? — сказал он, я продолжала смотреть на него, раскрыв рот.

— Ты хотел прогнать ее к монахиням в горы после свадьбы? Как ненужную вещь. Будто она принадлежала тебе, — что-то громко упало на пол в комнате, куда вошла Марго. Мы посмотрели на дверь, а потом друг на друга.

— Ты не знала мою мать, — тихо сказал он.

— Даже так. Ужасно, что ты так думал.

Мерек глубоко вдохнул.

— Моя мать убила моего отчима. Возможно, и отца. Она убивала многих. Ссылка для нее была бы добром. Менее милосердный король казнил бы ее за такое количество убийств.

Мы замолчали, слушая, как Марго шумит и бормочет под нос.

— Откуда ты знаешь ее? — я понизила голос. Я не спрашивала, доверяем ли мы ей. Иначе мы бы тут не были.

— Она — двоюродная бабушка одного из моих стражей... и друзей, — добавил он. — Она растила его и его брата с сестрой, когда их родители умерли, — он замолчал. — Сестра была Димией.

— О, — я не знала, что еще сказать. — А остальные?

— Моя мать казнила старшего, Эшера, пока я уезжал на обучение. Его брат, Таул, был тогда со мной. Не знаю, где он сейчас, он уехал в Таллит в день, когда я сверг мать, чтобы вернуть тело сестры. Он не вернулся.

— Надеюсь, он далеко, — мы повернулись, Марго стояла на пороге с припасами в руках. — Надеюсь, он нашел корабль и уплыл за Таллитское море в теплые чудесные страны, полные обнаженных девушек и парней, готовых принять его.

Мерек криво улыбнулся.

— Понимаешь, о чем я? — беззубо улыбнулась мне Марго. — Проще добыть кровь из камня, чем заставить его смеяться. Вот, — она опустила гору рядом с Мерекком, и он начал собирать вещи.

— Выражайте больше уважения, — сказал он, передавая мне плотную шерстяную тунику, кожаные штаны, белую блузку и пару потрепанных сапог. — Я король.

— Был им, — смело сказала Марго, бросила мне нижнее белье и потянула Мерека за руку, чтобы дать мне переодеться. Я быстро натянула белье под ночной рубашкой, а потом сбросила ее, натянула через голову блузку и тунику, надела штаны. — Я буду уважать тебя, когда ты убьешь это чудовище и вернешь корону, — продолжила Марго.

— Врете, — без злобы сказал Мерек. — Вы никогда не выказывали мне уважение.

— У меня было пять братьев, три мужа, я вырастила восьмерых сыновей и двух племянников. Я знаю, что не стоит показывать мальчику уважение, пока он ничего не добился, иначе он сядет на голову. Даже если он принц. Если убьешь Спящего принца, я упаду на колени и поцелую твои ноги. Тогда ты заслужишь уважение.

Она повернулась ко мне и подмигнула, я натягивала сапоги.

— Спасибо, — сказала я. — Они чудесные.

— Это были вещи Эшера, когда он был твоего возраста. А сапоги — моей Мии. Всегда знала, что от них не стоит избавляться. Они крепкие. Рада, что онигодились.

Я кивнула.

— Я их сберегу.

Ее губы изогнулись, она собиралась сказать что-то едкое, но тут раздался низкий гудящий звон колокола вдали.

Мы с Мерекком в панике переглянулись.

— Он знает, — пробормотала я.

— Или это созыв на помощь замку, — сказал он, но по лицу было видно, что он в это не верит.

— Нам нужно идти, — я повернулась к Марго. — Спасибо вам за все.

— Не стоит, — твердо сказала она и протянула мне сумку. — Я сложила хлеб, воду, немного сыра, немного ветчины и...

Я ударила ее по лицу раньше, чем она закончила.

Она отлетела и врезалась в столик. Я развернулась, пальцы напоминали когти, я размахивала руками.

— Мерек, прошу, останови меня, — молила я, тело двигалось против моей воли. Я сбила с камина вазу, ударила стул и закричала от боли, но я все еще двигалась, ударяла и

разворачивалась. — Мерек, прошу! — закричала я, пальцы впились в шаль Марго.

Она вырвалась, но споткнулась и упала, шаль осталась в моих руках. Мерек бросил сумку и бросился ко мне, но я умудрилась ударить его по шее, заставив отшатнуться.

— Что ты творишь? — вопила на меня Марго, отползая.

— Простите, простите, — повторяла я, отчаянно пытаюсь отойти от них.

Где-то там Аурек приказывал моей кукле нападать, и я нападала. Марго забилась в угол.

— Ты говорил, что ей можно верить! — кричала Марго на Мерека, все еще сжимаясь на полу.

Моя рука ударила об острую палку, которую она нашла, открыв дверь, и, крепко схватив палку, взмахнула ею над головой.

— Бегите, — прошептала я.

Она прижалась к земле, выглядя как старушка, какой и была, а я ощутила вокруг себя руки, приковывающие мои руки к бокам. Я ударила головой, но Мерек уклонился и сжал меня крепче.

— Ты должен остановить меня, — сказала я. — Прошу, Мерек, — я отбивалась, ударяла его по ноге, его хватка на миг ослабла. А потом его рука оказалась вокруг моей шеи, сжала мое горло, и я забилась сильнее, он давил, лишая меня воздуха.

— Прости, — сказал он.

Я посмотрела на него, тьма заволакивала мое зрение, я все еще боролась. А потом отключилась.

Когда я пришла себя, все осталось черным, и слабое давление грубой ткани на носу подсказало мне, что мне завязали глаза, хотя я была уверена, что Аурек не может видеть моими глазами через куклу. Шея болела, запястья жгло от веревки, сковавшей их за спиной. Ноги тоже были связаны почти до колен. Вдали еще звенел колокол, зловещий звук отражался во мне эхом.

— Ау? — сказала я.

Сверху раздался шум, скрип и шаги на лестнице.

— Привет, — сказал Мерек где-то слева от меня.

— Она в порядке?

Тишина.

— Да. Бойся. И злится. Не на тебя, — быстро добавил он. — На Спящего принца. За то что он так управляет тобой.

Я услышала другие шаги на лестнице, медленнее, чем у Мерека, и я дождалась, пока они зазвучат в комнате.

— Простите, — тут же сказала я. — Я не хотела навредить вам.

Они молчали, а я пыталась хоть что-то разглядеть под повязкой.

А потом холодные пальцы коснулись моего лица, промежутки между некоторыми были слишком большими.

— Почему у нее завязаны глаза? — спросила Марго.

— Потому что... — Мерек начал и замолчал. — Не знаю. Не знаю, может ли он видеть ее глазами, понять, где мы. Я не знаю, как это работает.

— Не думаю, что он видит моими глазами, — сказала я, и повязку тут же убрали. — Не уверена. Но вряд ли он может. Големы не могут видеть, но они как-то нападают, значит, со мной, наверное, так же. И он не может управлять моим разумом. Только телом. Он пишет приказ на бумаге и оборачивает ею куклу.

— Но как это связано с тобой?

— Кровь. Он напитывает куклу моей кровью и добавляет каплю своей, чтобы активировать.

Марго кивнула и посмотрела на Мерека.

— Кровь распадается, — сказала она. — Это ей свойственно. Без свежей крови он вскоре перестанет управлять твоим телом. Но пока что он может делать это.

— А еще он может пробираться в ее сны, — сказал Мерек.

— Он может проникать в твои сны и при этом управлять телом?

Я замешкалась.

— Как-то раз я спала, и он пришел в мой сон, а потом я проснулась и оказалась на подоконнике, а не в кровати... — я поежилась от воспоминания. — Но в тот миг мы оба уже не спали, так что вряд ли он может делать это одновременно.

— Что ж, вам нужно решить, что делать, — сказала Марго. — Все время связанной тебе быть не практично. А как вам двигаться? Как мыться? А если на вас нападут?

— Я же говорила, — сказала я Мереку, злясь на себя, и от этого голос звучал резко. — Я говорила, что мне опасно уходить. Я знала, что Аурек так сделает. Я могла убить вас, — сказала я Марго, краснея от стыда.

— Просто девочке меня не убить, — бросила она через плечо, но я заметила, что уверенности, присущей ей до этого, в голосе нет. До этого она шутила и ехидничала. А теперь она была неуверенна. Из-за меня.

— Может, мне стоит вернуться, — сказала я Мереку. — Сдаться.

Он вздохнул.

— Это будет очень глупо, — заявил он. — Начнем с того, что он тебя сразу убьет. И потом, как и сказала Марго, кровь распадается. Чары, или как он влияет на тебя, рассеются. А Лиф сказал, что попытается уничтожить куклу.

В этот раз мы с Марго хором фыркнули с недоверием и отвращением. А потом я вспомнила, что Лиф отдал Мереку листок.

— Что было на листке? Который дал тебе Лиф.

Он вскинул брови, вспомнив, и вытащил кусок бумаги из кармана. Он развернул его, нахмурился и протянул мне.

Меньше, чем за секунду я поняла, что это рецепт Опус Магнума. Записанный витиеватым почерком моего брата.

Там было все, что я помнила со стола в Конклаве. Сал Салис, щепотка календулы, вьюнок, флакон ангельской воды, спагирический тоник, три лавровых листа, корень мандрагоры, ипомея, кора тиса, колоски пшеницы. Сера. Ртуть. Время, когда собирать цветы и листья, способы их хранения. Даже рекомендации, какое дерево использовать для огня. Весь процесс был расписан по частям, возможно, впервые в истории он был запечатлен на бумаге.

Ключ к победе над Спящим принцем.

Мерек посмотрел на меня.

— Ну как? — спросил он.

Я покачала головой, все еще потрясенная этим. Это было как раз то, что нужно, чтобы я перевернула зелье. Каждый его элемент. Мерек рядом со мной сиял, и Марго уставилась на него. Я увидела, как движутся ее губы, она говорила, он отвечал ей, я забыла об опасности в свете чуда, которое мы и не надеялись получить.

— Дай-ка мне, — Марго забрала у меня рецепт и ушла в комнату. Я с тревогой посмотрела на Мерека, но он тряхнул головой, доверяя ей. Она вернулась и дала ему листок, и я увидела что-то блестящее на поверхности. Мерек скривился, забрал листок и, аккуратно сложив, вернул в карман.

Где Лиф его взял? Точно не от Сайласа, он бы сказал мне. Укол вины заставил меня задуматься о том, где теперь Сайлас, я надеялась, что он в порядке, что его не накажут за это. А потом подумала о Лифе и задалась вопросом, пережил ли он предательство. И зачем он это сделал. Я понимала, что он дал Твайле сбежать из-за того, что было между ними. Я понимала, почему он хранил секрет Мерека, Лиф не любил быть в долгу перед кем-то. Но отдать нам ключ к уничтожению Спящего принца? Добыть рецепт точно было не просто.

Но это не имело смысла.

На чьей стороне Лиф?

Я не успела подумать, а смутно отметила, что колокол снаружи зазвенел быстрее, безумно звуча, словно звонарь без устали дергал за веревку. Марго подошла к окну и выглянула в щель на улицу.

А потом отвернулась от окна.

— Вам нужно уходить, — сказала она. — Они обыскивают дома.

Глава 14:

Мерек задвигался еще до того, как Марго договорила.

Он развязал веревки на моих ногах.

— Что ты...?

— Тебе придется бежать. Рискнем оставить твои ноги не связанными.

Он зашел мне за спину и развязал мои запястья, но держал их рукой. С виноватым видом он связал их снова, но передо мной, оставив между руками немного веревки, чтобы я могла ими двигать.

— А если он прикажет ей вернуться к нему? — спросил Марго.

Мерек замешкался.

— Привяжи больше веревки здесь, — я подняла руки и кивнула на путы. — Как поводок. И ты сможешь потянуть меня обратно.

Марго открыла заднюю дверь и выглянула, Мерек быстро привязал к моему запястью еще одну веревку, а потом закинул мешки себе на спину. Он держал веревку в руках, мы ждали, пока Марго подаст нам сигнал двигаться.

— Сейчас, — рывкнула она, и мы бросились из ее дома, как гончие псы.

Мы даже не поблагодарили ее и не попрощались, уходя, не было времени. Мы бежали на полной скорости к стене. С помощью Мерека я перелезла через ограду и оказалась в чьем-то дворе, мы пошли дальше, он сцепил пальцы, чтобы я смогла оттолкнуться от его рук, и я перелезала так через ограду, избегая основной дороги. Мы забрались на последнюю стену в ряду и вернулись на улицы. Звон колокола заглушал другие звуки, я не слышала голоса или шаги, даже не слышала, с каким топотом бегу по дорогам.

Мерек подтянул веревку к себе, оставив немного длины, чтобы я узнавала, куда сворачивать, сразу, когда он решал это сделать. Мы не видели никого, не двигались ставни,

не было теней на стене.

Мы остановились за таверной с паутиной на окнах, выглядевшей заброшенно. Мы прижались к влажной стене, чтобы перевести дыхание, легкие пылали от ледяного воздуха.

— С другой стороны есть торговые ворота, — выдохнул Мерек. — Не знаю, есть ли там стража.

— Они не заперты?

— Есть лишь один способ узнать это. Жди здесь, — сказал Мерек, я не успела возразить, а он бросил веревку и пропал за углом. Страх пронзил меня, когда он исчез из виду. А если я потеряю власть над собой? Но Мерек вернулся, подхватил веревку и попытался мрачно улыбнуться.

— Людей нет, замок выглядит целым. Мне нужна твоя помощь.

— Не нужно этого делать, — прошипела я.

Мерек промолчал и кивнул головой, намекая, что нам нужно уходить.

Колокол сейчас звучал вдали, его заглушали здания между нами и замком.

— Поднимаем на счет три, — сказал Мерек, схватившись за толстое бревно на железных крюках.

Я повторила его движение.

— Раз. Два...

Колокол замолчал на долю секунды, и я услышала шепот металла, скользящего по коже. Я развернулась и оказалась лицом к лицу с парой солдат, три золотые звезды слабо сияли на их камзолах.

— Мерек, — я едва успела предупредить его, они бросились на нас с ножами, как наемные убийцы. Я успела вскинуть связанные руки, нож впился в путы, повредив край одной из веревок. Я тут же ударила его по колену. Мужчина закричал от удара, пошатнулся и попытался удержаться за меня. Но я не была к этому готова, потеряла равновесие, и мы рухнули на землю.

Я перекатилась, и это сохранило мне дыхание, но тело ударилось о землю. Он пришел в себя первым и пополз ко мне. Его ладони впились в мои плечи, пытаясь придавить меня, слюна вылетала из его рта, когда он проревел боевой клич. Я попробовала ударить его коленом между ног и промазала. Он потянулся к веревке, присоединенной к моим путам, но, стоило ему склониться, я подняла плечо и попала по его подбородку, его зубы столкнулись с треском. Я снова ударила коленом и в этот раз попала, его глаза расширились от боли. Еще один удар коленом, но в живот, сбросил его с меня, и я поднялась, тяжело дыша. Он сжался, баюкая ушибы, а я подняла руки и прижала веревку к его горлу, пытаясь отключить его, как сделал со мной Мерек.

Я оглянулась на Мерека, пока страж, сражавшийся со мной, ослабевал. Мерек вытащил кинжал из бока другого мужчины, вытер о его тунуку и спрятал за пояс.

Он посмотрел на меня и мрачно кивнул, и я поняла, что мужчина, с которым я боролась, перестал двигаться. Я убрала руки от его горла, он откатился в сторону и уставился на небо налитыми кровью глазами.

Через миг я поняла, что убила его.

— Идем, — торопил меня Мерек, но я не могла двигаться.

Я убила человека.

— Эррин, — рявкнул Мерек.

Я не сводила взгляда с мертвеца. На его подбородке было немного щетины, на ней была

седина. Он был примерно одного возраста с моим отцом.

Мерек за мной издал громкий звук, послышался треск и грохот.

Я медленно обернулась, двигаясь так, словно меня погрузили в мед, и увидела, что ворота открыты. Руки Мерека оказались под моими руками, он поднял меня на ноги, а потом заглянул мне в глаза.

— Ты ранена?

Я покачала головой.

— Тогда идем.

Он схватил меня за запястья и потянул, и я пошла за ним, оглядываясь на тело. Я кого-то убила. Это должно быть сложнее.

Мерек вытащил меня во тьму Лормеры, увел с дороги в поля, окружавшие столицу. В сером свете зимнего рассвета деревья напоминали скелеты.

Мы пересекали поле за полем, то бежали, то шли, озираясь на красный свет замка Лормеры, который становился все слабее и слабее, пока, после почти двух часов, он не пропал вовсе. Я не знала, что будет делать Аурек, если замок сгорит дотла. Куда он пойдет? Кто за это заплатит?

Дал ли он маме Эликсир?

Туман сгушался в воздухе, приходя из ниоткуда, и я держалась рядом с Мереком, но так сосредоточила взгляд на нем, а не на земле, что его предупреждение «осторожно, ручей!» прозвучало слишком поздно. Моя нога пробила тонкий лед, и волна ледяной воды залилась в мой сапог, сбивая меня с мысли моим же удивленным вскриком.

Мерек тяжело вздохнул и вытащил меня из ручейка, пока я тихо ругалась. Он отвел меня к большому дереву и заставил сесть. Я опустилась на землю между двумя выступающими корнями и отклонилась.

Он безмолвно опустил сумки на землю и сел передо мной. Он снял сапог и перевернул, пока не вылилась вся оставшаяся в нем вода.

Он схватил одну из сумок, порывлся в ней, вытаскивая разные изделия из ткани. Когда он нашел то, что искал, он повернулся к моей ноге и снял промокший носок.

Это потрясло меня, и я попыталась убрать ногу.

— Что ты делаешь?

Он мрачно посмотрел на меня.

— Во время моего обучения мы застряли в Таллите. Разыгралась ужасная буря, наше укрытие промокло. Все промокло. Одежда, спальные мешки, еда. Мы-то справились, но было ужасно. А со временем стало еще хуже. Знаешь, есть такой грибок, растущий во влажных углублениях ног.

— Устричная нога, — тут же сказала я. Грибок так называли из-за людей, стоявших днями в морской воде, собирая со дна устриц, а потом не сушивших ноги перед тем, как обуть сапоги.

— Значит, ты в курсе? Про неудобства и запах тоже знаешь?

— У тебя был грибок? — спросила я.

Призрак улыбки тронул левый уголок его рта.

— Нет. Я же был принцем и настоял, чтобы мои сапоги и носки высушили. А некоторые гордо надели мокрые сапоги. Я же спокойно терпел насмешки, — он принялся вытирать мою ногу плащом, пока я притворялась, что такое поведение принца не вызывает смущение.

— Потому что ты знал, что с ними случится?

Он кивнул.

— Я четыре года читал все, что находил, про жизнь на природе. Все документы армий, все руководства травников. Если бы за знания по выживанию в дикой природе давали награды, я бы все получил.

— Что они сделали, когда это случилось?

Он одарил меня своей редкой улыбкой.

— Они спросили у меня, как все исправить? И я взял лаванду, уксус и немного дикого чеснока и сделал пасту, которая убрала все за две ночи.

Я ощутила, как изогнулись мои губы, потому что так было правильно, и я не ожидала этого от него, хоть и видела, какой он умный. А потом я вспомнила мертвого стража и опустила голову.

Радуюсь, что грибок мне не грозит, Мерек надел на мою ногу новый, сухой носок, а потом набил сапог тканью и отставил.

Он вытащил из второй сумки флягу с водой, немного хлеба и ветчины. Он предложил их мне, я взяла то, что хотела, и вернула ему, смотрела, как он отламывает кусочки хлеба и добавляет к ним ветчину.

— Я тоже никого раньше не убивал, — тихо сказал он, дожевав. — Не лично. Не своими руками.

Я подняла голову.

— Не своими руками?

Он покачал головой.

— Я виноват в смерти матери, хоть и не лично. Если бы я бросил ее за решетку, он бы не нашел ее.

Я не спрашивала Мерека о его матери. Я подозревала, что она умерла, когда пришел Аурек, но я не вдавалась в подробности. Я молчала и ждала.

— Насколько я слышал, она пыталась притвориться обычной жительницей, чтобы сбежать, когда он сообщил, что убил меня. Но кто-то из его пленников раскрыл ему правду. И она попыталась предложить ему поддержку, сказала, что всегда этого хотела. Он рассмеялся ей в лицо. Он не убивал ее сам. Меня там не было, — он замолчал и вытащил ткань из сапога, запихнул туда еще одну ткань. — Но стражи болтливые. А кто-то должен приносить им еду и убирать за ними. Они сказали... — он замолчал снова, и я склонилась, обхватила его руки своими связанными руками. Он благодарно кивнул. — Они сказали, что голем сломал ее шею. Потому что, когда она сказала, что хочет смерти от его руки, как монарх от монарха, он рассмеялся над ней. И смеялся и дальше.

— Мерек, — тихо сказала я.

— Так что, она. И можно обвинить меня в смертях всех лормерианцев, погибших, когда пришел он. Солдаты, работники, граждане. Парень, умерший вместо меня. Все в Трегеллане, когда его не остановили. И твоя мама, — он поднял голову. — Если Аурек не даст ей Эликсир, то это я убил ее.

— Не надо, — резко сказала я. Я не могла думать об этом. Я не могла позволить себе злиться на него. Вдали я слышала отголоски лая собак, туман искажал звук. — Просто не надо.

Он заговорил после паузы.

— Тогда позволь спросить тебя. Ты хотела убить мужчину, напавшего на тебя?

Я покачала головой.

— Я хотела отключить его.

— А я пытался убить стража, с которым сражался, — он посмотрел на нож за его поясом. — И я сделаю это снова. И, видимо, мне придется этого желать. Хотя я ощущаю себя как-то глупо.

— Почему?

Он долго не отвечал. А потом:

— Смерть всегда кажется простой, — выдавил он, говоря тьме. — Я читал истории о храбрых воинах и убийцах, они убивали быстро и уходили. Они шли в таверны и пили с друзьями, или шли домой к возлюбленным. Они не говорили о том, как чувствовали себя после этого. Они забирали жизнь, и все. Так просто. Так... нормально. А вот я вряд ли забуду, как убивал того мужчину. Одно дело быть причиной смерти, другое — убить. Я смог это почти без усилий. И я чувствовал, как нож входит в него. Так всегда происходит, наверное, — он посмотрел на ладони. — Об этом они не рассказывают.

Собака залаяла уже громче, волосы на моей шее встали дыбом.

— Мерек, — сказала я. — Он бы не послал за нами собак, да?

Мерек посмотрел на меня, побледнев. А потом он вытащил ткань из моего сапога и бросил его мне. Я обулась и встала, он собрал ткань и бросил в сумку. Он бросил сумку как можно дальше, пытаясь отвлечь их на несколько секунд.

Я на это надеялась. Вторую сумку он закинул за плечо, лай и вой пронзил ночь, они уловили наш след.

— Нам нужно в воду, — сказал Мерек, потянулся к веревке на моих запястьях и разрезал ее ножом. Он увидел ужас на моем лице. — Тебе нужны все силы. И лучше пусть ты убьешь меня, а не те собаки.

И мы снова побежали.

Я каждую секунду ожидала, что мое тело предаст меня, что приказ остановит меня. Мы мчались в тумане, бока пылали, я задыхалась и представляла, как останавливаюсь, как гончие прыгают на меня с раскрытыми вонючими пастями.

Мерек чуть впереди меня бежал изо всех сил, пронзая поляну, как меч, размахивая руками в такт движениям. Я хотела бы, чтобы было темно, чтобы ночь скрывала нас. Я чувствовала себя уязвимой на лугу. Мерек все время оглядывался на меня, а потом за меня, а потом поворачивался в сторону, куда мы бежали.

Хотя он сказал, что нам нужно добраться до воды, он не говорил, близко ли она, и я постоянно просила мысленно, чтобы она была ближе. Мы миновали поляну и оказались в маленькой чаще, где пришлось смотреть под ноги, корни пытались поставить нам подножку.

Я предложила забраться на деревья, но Мерек рывкнул «нет», не оборачиваясь. И мы бежали, миновали чащу и попали в поле, мышцы ног страдали из-за недель, когда я их не использовала, легкие и грудь горели, резкая боль пронзала бок. Собаки все еще лаяли позади нас, их было слышно еще лучше, они приближались.

— Вот! — крикнул Мерек, заметив что-то, и бросился туда, расстояние между нами увеличилось. Я сделала так же, чуть не крича, заставляя измученное тело набрать скорость.

И тут я подвернула ногу и споткнулась. Я ощутила, как рвется кожа на ладонях, пока я пыталась защититься руками. Колени приняли удар, я проехала из-за набранной при беге скорости, ободрала колени под штанами и закрыла глаза и рот, чтобы защититься от грязи и камней.

Собаки звучали еще громче.

Я оглянулась и впервые увидела в тени собак, бегущих у земли, бегущих ко мне.

Мерек поднял меня, обхватил рукой мою талию. Я пыталась двигаться, но нога болела, колени болели, руки жгло.

— Просто иди, — сказала я ему.

Он подхватил меня на руки, пыхтя от моего веса.

За его плечом я видела мех собак, пестрый, потрепанный, их зубы сверкали, когда они лаяли друг другу, догоняя нас. Я повернулась вперед и увидела что-то сияющее, серебряное — воду. Мы должны были успеть.

Что-то ударило по нам сзади, и я вылетела из рук Мерека и упала в нескольких футах от края воды. Мерек лежал на груди, одна из собак была на его спине, терзала сумку. Вылетала еда, но собака игнорировала ее, пыталась добраться до человека под сумкой.

Он поднял голову, в его глазах был ужас.

Он не ладил с ними.

Я встала, шатаясь, на ноги, и нащупала за собой камень.

Я бросила первый в собаку изо всех сил и промазала. Но следующий попал по боку с влажным шлепком, собака зарычала и посмотрела на меня. Она оскалила зубы и низко зарычала.

И хотя мои ноги превратились в желе, я бросила третий камень, за ним четвертый, сначала не попав, ведь собака уклонилась, но зато следующий попал по голове. Собака удивленно заскулила, спрыгнула с Мерека и направилась ко мне.

Я глубоко вдохнула и бросилась спиной вперед в воду. Морда собаки была в дюймах от меня, когда я врезалась в воду, воздух вылетел из легких. Мир вокруг меня почернел, на миг я не смогла понять, где верх, а где низ. Вода была холодной, давила, ладони и колени жалило, где я повредила кожу, где была кровь. Я кружилась, пыталась успокоиться, но пузырьки не давали ничего увидеть, я начала тонуть. Я была слишком тяжелой. Плащ, сапоги. Их придется оставить.

Во мне росло желание вдохнуть, появилась паника, сердце колотилось.

«Думай!» — велела я себе.

Я сняла сапоги и бросила в мутную воду. А потом замерла, игнорируя просьбу легких о воздухе, открыла глаза и попыталась увидеть плащ. Я уловила его край надо мной, поплыла туда и вынырнула. Я тут же отцепила плащ от горла и смотрела, как он уплывает.

Я хватала ртом воздух, огляделась и увидела Мерека в пятнадцати футах от места, где я вынырнула, и я поплыла к нему, борясь с течением, вода казалась теплее, я привыкала к ней. Я оказалась ближе и увидела, что Мерек ползет к реке, собака была мертва, его нож торчал из ее головы. Через миг облегчения я позвала его.

А потом из тумана появились еще две собаки.

— Мерек! — завизжала я, но они с рычанием прыгнули вперед, одна рухнула на его спину, другая впилась в его ногу.

Его крик был высоким, нечеловеческим. Он все еще пытался двигаться к воде, локти впивались в землю, а собака на его спине схватила зубами его плащ и начала крутить головой.

Мерек двигался из-за этого, вопил, как пойманный заяц, и я не могла вынести этого. Я плыла к нему, но поток отгонял меня. Он посмотрел на меня, и я увидела, как он сдался. Я увидела момент, когда он решил перестать сражаться, и это наполнило меня яростью.

Я бросилась вперед, ужас и гнев гнали меня на берег, где я заметила еще больше

камней. Я впиалась пальцами левой руки в берег, как якорем, использовала воду, как рычаг, и поплыла вверх, схватила камень справа и ударила пса в челюсть. Он отпустил плащ Мерека и зарычал мне в лицо, но я ударила снова, смотрела, как кровь вылетает из носа собаки.

Вторая собака отпустила Мерека и бросилась на меня, пытаясь помочь брату, но первый пес зарычал и щелкнул пастью. Вторая собака напала на товарища, сбив пса со спины Мерека.

Я схватила его и потащила за собой в воду.

Звери катались и боролись на берегу, к ним присоединились другие, они дрались, пока их хозяева были вдали. Я обхватила рукой шею Мерека и позволила потоку унести нас.

«Прошу, — молила я ночь, — не дай ему завладеть мной сейчас».

Глава 15:

Вода за нами смешивалась с его кровью, я вдруг подумала о щуке, поджидающей на глубине, понадеялась, что она не приплывет, ведь у меня не было сил. Я не чувствовала холод. А потом я подумала, что след крови лучше крошек может привести к нам людей. Это заставило меня ускориться, но Мерек застонал, и я замерла и сосредоточилась на том, чтобы мы не утонули. Его глаза были закрыты, лицо было бледным.

— Мерек?

Его глаза открылись.

— Прости. Я в порядке, — он перевернулся, голова исчезла под водой. Я не успела потянуться за ним, но всплыл, вдохнул и схватился за мою руку, чтобы мы остались вместе. — Я в порядке. Просто... нам нужно на берег.

Я кивнула, гребя по воде. Мы огляделись.

— Где безопасно? — спросила я. Вряд ли мы уплыли далеко, и я не знала, что может ждать на другом берегу.

Он покачал головой.

— Нигде. Озеро Баха должно быть близко. Мы его еще не миновали. Река течет туда.

Его голос звучал слабо, я сжала его пальцы в воде. Он сжал мои.

— Что в озере?

— Больше воды. Это озеро с соленой водой. Озеро Баха. Там... были, не знаю, как сейчас, соляные фермы. Убежище.

— Может, нам лучше остаться в воде. Уже не так холодно.

— Потому нам нужно выбраться, — сказал он. — Тут слишком холодно для нас. Если мы это не чувствуем, у нас проблемы, — он начал грести, одной рукой держась за меня, и я делала так же.

— Здесь же нет водопадов? — выдохнула я.

— Нет, — отозвался он. А потом. — Ветка. Сверху. Готовься, — я повернулась в воде и увидела ветку, нависшую над рекой. — Придется отпустить друг друга.

— Ладно.

— Готова? Раз... Два...

На счет три он отпустил мою руку и поднялся выше из воды, я сделала так же. Я смогла зацепиться локтем за ветку, нижняя часть тела осталась в воде.

Холодный утренний воздух ударил по мне, словно кулаком.

— Боги... — простонал Мерек, и я не знала, было дело в ноге или температура причиняла ему боль.

Он начал двигаться вдоль ветки, рука за рукой, и я делала так же, направляясь к противоположному берегу. Он выбрался на землю, притянув за собой раненую ногу, я скривилась.

— Нам нужно добраться до озера Баха, — сказала я ему, рухнув рядом, из моей одежды вытекала вода, впитываясь в землю подо мной. Я тут же задрожала, зубы стучали, холодный воздух прогонял фальшивое тепло воды.

Он кивнул, перекатился на спину. Я сделала так же и подняла руки к лицу. Сначала они не послушались, слишком тяжелые и уставшие. Я словно все силы оставила в воде. Я почти перестала пытаться. Голос в голове говорил мне отдохнуть, закрыть глаза. Я хотела поддаться. Но вместо этого я заставила себя сесть, поднимаясь по дюйму, скуля, когда вода потекла с волос по спине.

У нас ничего не осталось, я ощутила беспомощность. Мы потеряли плащи, еду. У меня не было сапог. Я посмотрела на Мерека, у него остались только обрывки одного сапога на левой ноге. Мы потеряли все. Включая...

— Ради Дуба. Рецепт, — выдохнула я и закашлялась.

Мерек медленно сел, похлопал неловко по карманам, как пьяный. Он вытащил кусочек бумаги, чуть надорвав его, и я вскрикнула.

— Он выжил? — спросила я, хотя понимала, что не должен был.

К моему потрясению, Мерек понюхал его, улыбнулся и протянул мне.

Кроме надрыва, который он сделал, он был в идеальном состоянии.

Я взяла рецепт. Он оставил след на моих руках, и я знала, что это. Я подняла пальцы к носу.

— Свиной жир, — сказала я, и Мерек кивнул.

— Умная Марго, — он вернул рецепт в карман и встал на колени, а потом и на ноги. Он скривился, опуская левую ногу, и стиснул зубы. — Нам нужно найти укрытие... и тепло... скорее. Мы промокли, середина зимы... стемнеет через пару часов. Нам нужно к тому времени быть в укрытии, — слова были решительными, но не его голос, запинаящийся, тревога сдавила мою грудь. Мы были в опасности, а притворялись, что это не так.

Я встала, тело было тяжелым, я пыталась звучать сильнее, чем чувствовала.

— Следи за мной. Мне нельзя доверять. Если я сделаю что-то, отключи меня.

Он почти улыбнулся.

— Обещаю. Идем.

Мы едва прошли пару футов, стало понятно, что его раненая нога не выдерживает его вес, и я боялась, что он не доберется до гор, даже если мы найдем укрытие и тепло. Но я держала мысли при себе, сосредоточилась на следующей части пути, говоря себе, что ему станет лучше, если мы отдохнем. Я могла делать только это.

Я обхватила его рукой и позволила прислониться ко мне, мы медленно шли вдоль реки, прислушиваясь к звукам. Через какое-то время я перестала дрожать и ощутила, что и Мерек тоже, и я отметила, что мы согреваемся, но даже я слышала ложь в словах.

Он не ответил, давил на меня весом. Я взглянула на него, его глаза были закрыты, губы посинели. Страх был слабым, как призрак боли, и я знала, что должна переживать, но не чувствовала ничего, онемела внутри и снаружи. Моя голова опустилась, я увидела ноги и

сосредоточилась на них, передвигая ими. Босые ноги. Без сапог. Одна, другая. Просто сосредоточиться.

Мы оставались у берега, двигались медленно. Лицо Мерека было серым от усилий или холода, я не давала себе отдохнуть или сесть. Спать. Я как-то двигалась вперед, поддерживая его. Я подумала даже, что благодарна Ауреку за то, что он заставлял меня есть, иначе я была бы слабее, мы бы не прошли так далеко. Одежда не сохла, прилипала к моей коже, тяжелая и мокрая, тянула меня вниз все сильнее, каждый шаг давался с боем.

— Нужно снять часть вещей, — сказала я. — Мы пойдем быстрее.

— Нет, — прорычал он сквозь сжатые зубы.

— Они слишком тяжелые.

— Ты умрешь. И я. Просто двигайся.

— Мерек...

— Двигайся.

Не было сил возражать, между его словами и мной словно была стеклянная стена. И я двигалась. Казалось, прошли десятки лет, когда мы увидели большое озеро Баха вдали, вокруг что-то темнело, и я надеялась, что это дома.

Я посмотрела на Мерека, он снова шел с закрытыми глазами. Это придало мне сил, я пошла быстрее, потянув его за собой. Мы были близко.

Мы добрались до первого дома, и я опустила его на землю и постучала кулаком в дверь. Я думала лишь о том, что нам нужно внутрь. Не важно, кто внутри. Нам нужно было попасть в этот дом. Никто не ответил, я ударила дверь плечом, закричала, а дверь не поддалась.

— Нужно выломать дверь, — сказала я, глядя на Мерека. Его глаза были закрыты. — Мерек, — крикнула я, он слабо кивнул, повернулся на бок. Паника вспыхнула в животе, я бросилась вокруг дома и увидела окно, как в Алмвике, и толкнула его, разбивая планки. Я убрала осколки, как только могла, а потом забралась внутрь.

Там было чуть теплее, пока ветер не ворвался в дыру, что я сделала, и я подвинула шерстяные занавески, цокнув, когда они взвились, как флаги.

Я прошла по дому и открыла дверь. Он сидел там, где я оставила его. Я коснулась его плеча, его взгляд был мутным, словно он только проснулся.

— Идем, — сказала я. Я протянула ему руку, он обхватил ее, его кожа была липкой. Я втащила его в дом, отвела в спальню, в центре стояла резная кровать. — Снимай мокрую одежду и залезай под одеяла, — сказала я. — Всю одежду. Я пока кто-нибудь поищу.

Я оставила его, надеясь, что он послушается меня, и что он будет живым, когда я вернусь. Я начала обыскивать дом, сбрасывая по пути свою одежду. Я миновала широкую почерневшую плиту, занимающую целую стену, медные кастрюли висели на крючках. В углублении была небольшая кладовая, я увидела в ней бутылочки и склянки и обрадовалась. Я нашла резной комод, шкаф был полон посуды. В центре комнаты стоял стол с четырьмя стульями, на них тоже были вырезаны цветы, львы и змеи, сплетающиеся вместе, перед плитой стоял второй столик, ниже, между двумя креслами-качалками. На полу не было ковров, но не было и соломы, мои ноги не шумели по полу. Дом источал любовь, гордость и заботу; занавески на окне были красными в клетку, почти невыносимо яркие и милые после всего случившегося.

В последней комнате был огражденный туалет и раковина, а еще большой сундук и большой оловянный котел, в котором явно купались. Я подумала о горячей воде и захотела погрузиться в нее.

Открыв сундук, я чуть не расплакалась при виде махровых полотенец. Я вытащила их, одним обмотала волосы, другим — тело, а из третьего сделала плащ. Я едва ощущала кожей ткань, кожа была белой, виднелись синие вены. Мне снова захотелось лечь, и я шлепнула себя по щекам и забрала оставшиеся полотенца в спальню.

Мерек лежал на кровати под одеялом, его одежда была на полу. Его глаза были закрыты, я ощутила на миг ужас, не видя, дышит ли он. Я бросила полотенца на его живот и обрадовалась, когда он посмотрел на меня.

— Вытирайся и прячься под одеяло. Я сейчас вернусь, — сказала я. Я забрала его вещи и свои, отнесла их в ванную и развесила на котле. Я не надеялась, что они высохнут без огня, но каким был выбор?

Я порылась в сундуке и не нашла ничего полезного. Но в шкафчике я обнаружила баночку соли, бутылку чего-то с ярлыком «Вода Восхода», пахло простой старой водой, когда я открыла ее, и я забрала ее, радуясь, что не нужно будет выходить наружу. Я нашла в кладовой такую нужную кору ивы, стертую в пасту, уловила в ней запах лимонного бальзама. Я забрала аптечку и улыбнулась.

Если вернуться хозяева дома, я расцелую их. Еды и воды не было, но мне было все равно. Я получила все, что было нужно.

Мерек выглядел так же, как я, когда я вернулась, одно полотенце было на плечах, как плащ, другое — вокруг него, придерживаемое руками. Он сел, одеяла сдвинулись и открыли укусы на его ноге.

Раны были глубокими, но не достали до кости и были удивительно чистыми. Я ожидала больше проблем. Кровь засохла, и мне понравился ее вид. Я села у его ног, порвала одно из маленьких полотенец, смочила водой Восхода и начала промывать рану. Мерек выругался и попытался отдернуть ногу, рана снова начала кровоточить. Я хмуро посмотрела на него.

— Больно, — без надобности сказал он.

— Это вода Восхода.

— Да? — он оживился впервые после побега от собак.

— Что это?

— Священная вода. Якобы освященная Донен.

— Твайла ее освятила?

— Вряд ли. Наверное, это просто вода из реки, которую продавали верующим.

Я не ответила и продолжила промывать рану, пока не избавилась от ила и грязи. Я вымыла руки, обмакнула пальцы в бальзам и принялась осторожно смазывать раны. Я накрыла все еще одним разорванным полотенцем и завязала.

— Вот так, — сказала я. — Если больно, нужно разжевать немного ивовой коры.

Мерек промолчал, склонился и забрал полотенца, бальзам и воду, зажатые между моих колен.

— Что ты...

Он взял мои руки и начал отмывать их, как я делала с ним, осторожно промачивая и вытирая, а потом втер в них бальзам. А потом он перевязал их.

— Нужно связать меня, — сказала я. — Нам повезло, что пока еще ничего не случилось.

— Думаю, Лиф сдержал обещание.

Я промолчала, склонилась, чтобы опустить бальзам и воду на пол. Мерек поймал меня за запястье.

— Я не понимаю его, — сказал он, глядя на меня. — Он убивал ради Аурика.

Захватывал для него земли. Но помог нам.

Я беспомощно пожала плечи.

— Не знаю. Я не знаю, чему верить, — он спас Твайлу, но обрек меня. Он знал, что делает Аурек с детьми, городами, даже со мной, но ничего не сделал, даже привез маму в замок. Но он отдал нам рецепт, защитил Мерека и помог нам сбежать.

Я чувствовала на себе взгляд Мерека и посмотрела ему в глаза.

— Я тоже не могу понять. Но, пока мы не знаем точно, я опасна, — я протянула ему последнюю полоску полотенца.

Мерек вздохнул и послушно связал мои запястья, а потом лег на подушки.

— Давай спать, — он тут же покраснел, как только сказал это. — То есть, рядом нам будет теплее, не...

— Я поняла. И ты прав. Без огня подойдет и жар тела.

Он отодвинул одеяла, и я забралась туда и легла на спину рядом с ним. Я закрыла глаза, но вся усталость вдруг пропала. Кровать была жесткой, от одеял пахло другими людьми. А потом я ощутила его руку, пальцы переплелись с моими. Мои глаза открылись, и я повернулась к нему.

— Спасибо, — сказал он. — Ты спасла мне жизнь.

— Ты спас мою.

— Ты обработала мои раны.

— А ты — мои.

Он сжал мою ладонь.

— Когда все закончится, я сделаю тебя герцогиней.

— А я не могу быть королевским аптекарем?

Он жевал губу, размышляя.

— Только если позволишь мне помогать.

— Хорошо. Но на моей кухне корона у меня. Помни это.

Он почти улыбнулся.

— Конечно, — он снова сжал мои пальцы, отпустил руку, лег на бок спиной ко мне. Его полотенце подвинулось, я видела его кожу, обнаженную по сравнению с татуировками на спине Сайласа.

Я тоже отвернулась, тут же уснув.

Я поняла, что у него жар, когда проснулась, он был слишком теплым, это тепло было обжигающим огнем, а не лаской летнего солнца. Я села и посмотрела на него, он еще спал, слабо дыша, на бледных щеках виднелись пятна румянца. Только не снова.

Я убрала одеяла, посмотрела на его ногу, не обращая внимания на то, что он заворочался, и убрала повязки с ноги.

Раны были чистыми, слабо пахли лимонным бальзамом, не были воспалены. Не был воспалены.

Он простыл. Это не был столбняк.

— Что ты делаешь? — спросил он. — Я ужасно себя чувствую.

— Ты простыл, — сказала я. — Это из-за реки, наверное.

— Тогда почему... о, — он кивнул мне. — Рана в порядке?

— Чистая. Выглядит неплохо.

Он с облегчением выдохнул и огляделся.

Дневной свет лился в окошко, золотой, и я вспомнила Алмвик. Внезапно я ощутила

ностальгию по грязному пугающему месту. Но оно пугало иначе. Там можно было играть по правилам, не поднимать голову, и все было в порядке.

Я не могла поверить, что вспоминаю Алмвик.

— Как долго мы спали? — спросил он.

Как только он сказал это, я поняла, что горло першит, голова побаливает от обезвоживания. Желудок недовольно заурчал. Я выглянула в окно на тени на земле.

— Похоже, почти целый день. А то и дольше.

— *День?* Как?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Значит, так нужно было, — мой мочевого пузырь намекнул на свои нужды, и я слезла с кровати, борясь со связанными руками с удержанием полотенца на месте. — Я вернусь.

Моя одежда еще не высохла полностью, края и швы были влажными, но я все равно оделась в эту застывшую вонючую одежду, проклиная при этом свои скованные движения.

Когда я вернулась, ушел он, осторожно ступая, и вернулся тоже одетый, пах так же отвратительно, как и я.

— Поверить не могу, что говорю это, но мне нужна вода, — сказал Мерек. — И сапоги.

Мы посмотрели на свои босые ноги.

— Может, в других домах есть припасы.

Выбора не было, и он кивнул. Мы осторожно покинули маленькое убежище. Мы огляделись, обрадовались, не заметив признаков жизни, кроме крачки на дальней стороне озера.

— Может, они думают, что мы утонули, — сказала я.

Мерек не был так уверен.

— Не думаю, что он поверит в это, не увидев тело.

Мы нашли бочку с водой за одним из домов, и хотя вода была не свежей на вкус, мы полчаса медленно пили ее, чтобы нам не стало плохо. В одном доме мы нашли сапогом, подошва наполовину отвалилась от одного. Они были слишком большими для Мерека, тем более, для меня, но он набил их тканью и обул. Я нашла замшевые туфли и обула их, хоть они и были тонкими, но защищали от земли. Мы нашли надбитый оловянный кувшин с крышкой, наполнили водой, чтобы взять с собой, а потом вернулись в дом, где спали, чтобы забрать полотенца — самые большие из них мы переделали в плащи — и аптечку.

— В горы? — спросил Мерек.

— Как мы туда доберемся?

— До их основания идти пешком полтора дня. Нам нужно дойти до берега и следовать по нему к горам. Или так, или придется возвращаться и идти за замком.

Я упала духом.

— Думаю, наше преимущество в том, что Аурек все еще думает, что мы отправились в Скаррон к Твайле.

— Понадеемся на это, — он посмотрел вдаль, словно видел горы. — Идем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТВАЙЛА

Глава 16:

Я тут же проснулась и замерла в темноте комнаты, правая рука потянулась бесшумно к ножу под подушкой. Я обхватила пальцами рукоять и задержала дыхание, слушая. Но было слышно лишь тихое сопение Нии в другом конце комнаты, разбудила меня, наверное, моя же голова.

Пока сердце успокаивало, остатки сна пропали, оставив меня недовольной и проснувшейся. Я взяла халат и накинула его на плечи, а потом осторожно пошла к двери. В последний миг я споткнулась обо что-то и вскрикнула, сопение резко оборвалось. Я склонилась, потерла пальцы ноги и услышала чирканье кремня. Через миг загорелась свеча, Ниа смотрела на меня.

— Который час? — спросила она сонным голосом.

— Еще рано, наверное.

— Тогда почему ты не спишь? — проворчала она, поставила свечу на тумбочку и зарылась в груды одеял.

Я посмотрела на то, обо что споткнулась, и с недовольством увидела ее одежду и сапоги посреди комнаты. Я мрачно посмотрела на гору одеял на ее кровати, не понимая, как справлялась с ней ее бедная жена. Я еще не видела никого, устраивающего такой беспорядок, хотя жила когда-то с двумя братьями. Прикусив язык, я пересекла комнату к миске и кувшину, ополоснула лицо почти замершей водой. Я налила воду в чашку и выпила, а потом повернулась к соседке по комнате.

— Тебе нужна свеча? — спросила я.

— Нет, — сказала она в подушку.

Я закатила глаза, пересекла комнатку и подняла свечу, оставив Нию спать.

Я шла по коридору к бывшему залу Сестер, теперь эту комнату я называла комнатой стратегий. Я услышала низкий и быстрый мужской голос. Я с любопытством открыла дверь и увидела Хоуп, расправляющую на столе карту, закрепляя углы наполовину пустыми стаканами и тем, что попадет под руку. Ее седые волосы были заплетены вокруг ее головы, я увидела край тонкой ночной рубашки под ее халатом. Комната была озарена светом, горели все свечи, как и огонь в камине, освещающая мужчину в капюшоне, стоявшего у огня, вытянув к нему руки. На миг показалось, что он управляет огнем. Он убрал капюшон и показал темную кожу и волосы Кирина Догласса. Он повернулся за звук закрывшейся за мной двери.

— Ты вернулся! — сказала я, подбежала и добавила в угол свою свечу, а потом обняла его.

— Только что, — его руки сомкнулись вокруг меня, мы обнялись. От него пахло лошадьми, потом, он был еще холодным от воздуха снаружи. — Лортуна заперта. Наш шпион долго не мог передать послание. Я уже хотел идти и будить тебя, — я заглянула в его глаза, и они сияли почти маниакальным блеском.

— Что такое? — тут же насторожилась я. — Что случилось?

— Пожар, что мы видели, произошел в замке Лормеры, — сказала Хоуп.

— В замке? — я повернулась к ней, потом к Кирину, а тот кивал и умудрялся выглядеть мрачно и радостно.

Мы все долго не ложились спать и смотрели на красное сияние в долине, далеко от места, где скрыли свой орден Сестры Нэйт. Мы знали, что горит Лортуна, и я послала Кирина посмотреть, что там, хотя думала, что это дома. Не замок.

— Кто-то пострадал? Что-то слышно об Эррин? — спросила я. — Сайласе?

— Сайлас в порядке. Он же важен для Аурека.

— А Эррин? Она в порядке? Ты узнал, как начался пожар? Это был поджог? Скажи! — потребовала я.

— Уверен, он расскажет, если ты дашь ему шанс заговорить, — сухо сказала Хоуп.

Я подавила ответ и кивнула, Кирин улыбнулся с ямочками на щеках.

— Не знаю точно, как начался пожар, но там был случай. С Эррин. Она нашла Сайласа во время пожара и они попытались сбежать, — он замолчал, а я прислонилась к столу, нуждаясь в опоре. — Аурек схватил ее, вытащил к толпе и обвинил в поджоге, в том, что она — глава Восхода.

— Нет, — выдохнула я. — Эррин начала пожар?

— Не знаю, она это отрицала. И Аурек начал убивать всех, кто служил ей, назвав их сообщниками. А потом повернулся к Лифу и сказал, что думает, что Лиф ведет себя как двойной агент.

— Что? — Хоуп обошла стол и присоединилась к нам. — Он обвинил Вастела?

Кирин кивнул.

— Лиф смог убедить Аурека в своей верности, но сказал, что не может поручиться за Эррин и...

— Кто бы удивился, — выдавила я, сердце колотилось в груди.

— Это не все, — сказал Кирин. Что-то в его тоне заставило нас с Хоуп тревожно переглянуться, а потом посмотреть на него, и он продолжил. — Лиф понял, что в толпе нет его матери, он надеялся, что ее отвели в безопасное место. Он не знал, что Аурек переместил ее в другую башню, в ту, что загорелась первой. И она там оставалась. Лиф, Эррин и Аурек побежали к башне, а потом люди увидели разъяренного Аурека, кричащего, что Эррин сбежала, а с ней — один из слуг.

— И? — осведомилась Хоуп. — Что тогда? Где Эррин? Где мой сын?

— Сайлас все еще в замке, снова в плену. Эррин в бегах, наверное, с этим слугой, — он замолчал. — Аурек послал за ней мужчин с псами.

— Псами? — я поежилась. — Королевскими? — я четко их помнила.

Кирин кивнул и поджал губы, я ощутила горечь во рту. Пусть она сбежит.

— Боги, — содрогнулась Хоуп, озвучивая мои мысли. — Надеюсь, она успела сбежать. Ее мать, я так понимаю, не выжила.

— Сайлас сделал Эликсир для миссис Вастел. Аурек позволил это Лифу. Она спасена.

— Конечно, — фыркнула я. — Они же лучшие друзья, почти братья во всем этом.

Кирин промолчал.

— Что? — я посмотрела на него. — Я ошибаюсь?

— Аурек обвинил Лифа в побеге Эррин. Он... наказал его.

— Как?

— Тридцать ударов хлыстом. Он сам их нанес. Наш шпион все видел. Лифа привязали к шести на городской площади Лортуны, и Аурек выпорол его до потери сознания перед толпой.

Хоуп прижала ладонь к лицу, я в ужасе смотрела на огонь.

Я видела в мыслях гладкую спину Лифа, открытую зимнему воздуху. Видела ухмылку Спящего принца, поднимающего руку и сообщаящего толпе, что Лиф это заслужил. Я видела людей, желающих расправы, но и испуганные в то же время. Я видела, как хлыст

взлетает в воздух, вспарывает кожу Лифа. Видела, как он дергается от ран.

Кирин тихо заговорил снова:

— Он оставил Лифа привязанным, пока тот не проснется. Ждет благодарности Лифа, а потом уже он позволит ему вернуться.

Я пробежала по комнате, и меня стошнило в ведро, что мы держали здесь, чтобы тушить огонь. Холодная рука легла на мой лоб, Кирин опустился рядом с тревогой во взгляде.

— Воды? — тихо спросил он, и я кивнула.

Он вернулся через миг с чашкой, и я выпила содержимое, позволяя холодной жидкости успокоить меня.

— Думаю, ему дали Эликсир, — сказала Хоуп из-за Кирина, ее голос был напряжен.

— Он отказался, — Кирин говорил и смотрел на меня. — Он сказал, что лучше будет носить метки своей глупости, делать выводы. Так же и с глазом.

Его глаз. Каждый раз от мыслей об этом меня заполняла вина, хоть я знала, что не должна этого чувствовать. Я сделала это с ним. Я повредила один из его зеленых глаз. Я не понимала, почему он отказался от Эликсира тогда, почему отказался теперь. Откуда эта тяга к мазохизму?

Кирин смотрел на меня, и я выдавила улыбку.

— Все хорошо. Итак, охота на Эррин не увенчалась успехом?

— Из пяти гончих вернулась только одна. Без нее.

— Значит, она где-то там. Нам нужно связаться с союзниками в Лормере и сказать им о ней. Если они увидят ее, услышат о ней, то пусть укроют ее в безопасном месте и сообщат нам, чтобы мы тут же ее забрали.

— Я пойду сейчас же, — он повернулся.

— погоди, — сказала я. — Ты сказал, что Лифа заберут в замок? Он выстоял? Аурек все еще там?

Кирин кивнул.

— Пожар был сильным. Северная и восточная башни разрушены. Половина замка в развалинах.

Моя башня еще стояла.

— Теперь Аурек все запер, — продолжил Кирин. — Он правит из южной башни, используя старые комнаты королевы. Редких людей впускают или выпускают.

— Он боится, — сказала Хоуп, вскинув брови. — Он знает, что будет, если Эррин найдет тебя.

— Но это лишь первый шаг. Нам все еще нужен алхимик, чтобы узнать, как делать Опус Магнум.

— Он может подумать, что алхимик у нас уже есть, — сказала Хоуп. — А побег Эррин может заставить его сорваться.

Она была права. Этого мы старались избегать за эти месяцы. Мы не могли действовать так, чтобы он сорвался. Восход должен был отвлечь его и привлечь к нам людей. Но мы балансировали на острие ножа. Давали надежду людям, но старались не пугать его сильно.

— Мы не можем сейчас толкать его к действиям, — сказала я. — Он может навредить детям, которых пленил. Нам нужно отправить всем весть, чтобы пока прекратили действия. Пусть помедлят, пока мы не найдем Эррин и рецепт. Пусть пока все остановят, — я вдохнула. — И свяжись с дозорными в детских лагерях, — сказала я Кирину. — Отправь весть Грельду, Сержу, Тарви и остальным. Если покажется, что он хочет им навредить, я

хочу, чтобы там было достаточно людей, чтобы забрать их.

Он кивнул с серьезным видом. Если мы заберем детей, мы раскроем себя и нашу сеть, потеряем долю преимущества. Это было опасно. Но мы не собирались жертвовать детьми.

— Разошли весть, — продолжила я. — Пусть все будут готовы, на всякий случай. Все может быстро измениться, мы должны быть готовы к этому.

— Я тут же отправлю гонцов.

— Спасибо. Только сначала поешь. И отдохни. И... помойся.

Кирин вскинул бровь.

— Хочешь сказать, что от меня воняет?

— Ты пахнешь как лошадь, — я выдавила улыбку, несмотря на мрачные мысли. Это я научилась делать при Хелевисе, применять навык приходилось часто. Он легко улыбнулся в ответ. — Увидимся за ужином.

Он вышел из комнаты, и я повернулась к Хоуп.

— Ты в порядке? — спросила она.

Я прошла мимо нее и склонилась над картой, словно смогла бы увидеть там маленькую Эррин. Хоуп встала рядом со мной.

— Мы должны найти ее, — сказала я.

— И мы найдем. А теперь ответь мне. Ты в порядке?

— Не знаю, — призналась я. — Не знаю.

— Борьба поможет?

Я взглянула на нее.

— Да.

Я оставила Ние записку, где говорилось, что мы во дворе, чтобы она пришла к нам, а потом пошла в оружейную, что когда-то была кладовой, чтобы взять нужное снаряжение. Хоуп уже была там, ее брони не было на стойке, я слышала, как она ходила по камням во дворе, порой звенел металл о металл, он ударяла по шесту в центре. Я быстро заплела волосы и спрятала их под тунику, а потом надела кожаную броню.

Она была красной, сделанной из старых седел, сидела на мне, как влитая.

Я закрепила на ногах щитки, на бедрах и лодыжках. Тунику я закрепила по бокам, покружилась, чтобы убедиться, что могу двигаться в броне. А потом я надела наручи и шлем. Когда я только начала обучение, мы хотели сделать мне железную броню, но я всю жизнь просто сидела и молилась, так что у меня не было сил долго носить такую броню, тем более, сражаться в ней. Даже легкая детская броня была для меня тяжелой, даже после двух месяцев тренировок, бега, карабканий и поднятия мешков с мукой. И Трей, кожевник, который помог нам с красной краской, разобрался со старыми седлами, которые мы забрали из конюшен шерифа Хаги. Он сделал мне броню из алой плотной кожи.

Красной, как небо на рассвете.

Как только я оделась, я взмахнула ногами и руками, покрутила телом, а потом радостно сняла с крюка пояс с мечом и проверила лезвие.

Хоуп говорила, что с этим мечом учился Сайлас. Когда она предложила его мне, рассказав, что ее сын пользовался им в детстве, я решила, что она оскорбляет меня. А потом она рассказала о весе и равновесии.

— Большое оружие не принесет прока, если им не уметь пользоваться, — сказала она, улыбаясь, и я поняла шутку позже других, все уже смеялись. Но я тоже поняла. Я не могла поднять мечи, которыми сражались Мерек и Лиф. Но этот, длиной в три фута, тонкий, как

пергамент, с крепкой, но легкой рукоятью... этот я поднять могла даже проще. Чем тот, что забрала из Конклава. Теперь этот меч был моим. Хоуп сказала, что я могу назвать его, но я считала меч почти живым существом, у него уже было имя, нужно было лишь дождаться, пока он назовет его мне.

Я спрятала меч в ножны и закрепила пояс на талии. Я вышла во двор, а Хоуп обернулась, словно ощутив меня. Ее седые волосы скрылись под шлемом из металла, как и вся ее броня. У Хоуп были десятки лет опыта, тренировок с мечом, посохом и луком. Но, как она рассказывала мне, даже опытному бойцу могло не повезти.

— Скорость и выносливость, — сказала она мне, когда дала в первый раз поднять меч. — Ты слишком маленькая и слабая, чтобы сражаться агрессивно. Так что я научу тебя защищаться. Нападение отнимает больше сил, чем защита. Нужно утомить врага и быстро покончить с ним. Ничего вычурного. Никаких представлений. Утоми их, а потом нападай.

— Пожирательница грехов, — сказала она теперь и поклонилась, чтобы скрыть улыбку.

— Не надо так меня называть.

— Тогда останови меня.

Я хотела обнять ее за то, что она нашла для меня отвлечение, пыталась успокоить меня. Это было добром.

Но я не обняла ее, а бросилась на нее, желая столкнуться в бою.

Металл в наших руках зазвенел, как колокол, полетели искры, она вскинула меч, чтобы остановить мой удар. Она развернула запястья, чтобы опустить мой меч, и я отскочила раньше, чем она ударила. С ее умением сражаться так на тренировке с тупым мечом, в настоящем бою я бы уже десять раз погибла.

Она развернулась и вскинула меч, кивнула мне.

— Давайте, принцесса. Хоть попробуйте.

Но я начала ходить кругами, нога становилась за ногу, она делала так же. Моя кожаная броня тихо поскрипывала, я не сводила с нее взгляда.

Она сделала выпад влево, я попыталась остановить атаку, но она обрушила удар справа. Я развернулась туда, кончик ее меча задел броню на моей груди, она рассмеялась. Я ударила, теперь уже уклонилась она, мой меч задел лезвие ее меча, раздался звон.

— Ай, — сказала она. — Это было не в стиле леди.

— Вы слишком много говорите, старушка, — сказала я.

— Ты напрасилась, — парировала она и напала.

Она была наступающей сверкающей силой, черным вихрем сдержанной ярости, ее меч обрушивался на меня со всех сторон. И хоть я умела нападать, времени на это не было, я могла только останавливать ее движения, отступить под ее натиском к стене.

А потом она споткнулась о камень, это произошло случайно, но она учила меня хвататься за такие шансы.

Я ударила ее по наручу, заставив вскрикнуть, на миг она отвлеклась на запястье, и теперь уже нападала я, а она отбивалась. Теперь ее меч сверкал, она отражала атаку за атакой.

Я чувствовала, что победа близко, чувствовала ее отчаяние, во мне вспыхнул огонь. Я завела руку назад, чтобы с силой обрушить удар на нее и лишиться оружия.

И она ударила меня тупым мечом в грудь, одолела так искусно, словно бой был настоящим.

Я тут же перестала сражаться, опустила меч и позволила усталости проникнуть в тело.

Задыхаясь, я села на землю, что позволяла моя броня. Бедная Хоуп осталась стоять, прижавшись к металлическому шесту и тяжело дыша. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Лучше?

— Вы же знаете, что я ненавижу, когда вы называете меня «Пожирательницей грехов» или «принцессой».

— А ты знаешь, как я не люблю бой без запала, — сказала она с улыбкой. — Ты хорошо сражалась. Но тебе нужно научиться сражаться так без брошенного вызова.

— Аурек общительный, — я глубоко дышала. — Он точно попытается подразнить меня.

— Если ты доживешь до боя с ним.

Ее слова обрушились на меня холодной водой, напомнили, что наше дело было серьезным и смертельно опасным. Я помрачнела и оттолкнулась от земли.

— Твайла, — сказала она, когда я пошла внутрь. — Ты, правда, хорошо сражалась. Ты прошла долгий путь.

Мы улыбнулись друг другу, и я начала отцеплять наручи. Дальше нужно было помыться. Позавтракать. И приступить к планированию.

Я едва сделала шаг, когда во двор влетел Стуан с дикими глазами.

— Идемте, — выдохнул он, прижав руку к боку. — Идемте.

Страх заполнил меня, и я вернула наручи на место дрожащими пальцами, схватила меч и пошла за ним. Хоуп была рядом со мной, такая же мрачная, как и я.

Мы бежали по коридору, а я пыталась успокоить сердце. Мы справимся, что бы там ни было.

Двери в монастырь были открыты против моих указаний, и я бросилась туда, сканируя округу взглядом. Я тут же заметила приближающихся людей, своих и еще мужчину с женщиной. Мужчина хромал, женщина помогала ему идти. Еще беженцы.

Нет.

Она подняла голову и застыла, и я увидела, как широко раскрылся ее рот.

А потом мы бросились друг к другу, она так быстро отпустила товарища, что он чуть не упал.

Расстояние между нами быстро сократилось, я обвила ее руками и пошатнулась, когда она врезалась в меня.

— О, Эррин. Слава богам, слава богам, — выдохнула я в ее волосы.

В отвратительно пахнущие волосы.

— Вы спали в свинарнике?

Она улыбнулась.

— Мы там прятались.

И тут я посмотрела на мужчину, с которым она пришла, и моему телу стало тесно в коже.

— Я сжег замок, — его волосы были коротко острижены, лицо было бледным. Его кости выпирали, глаза словно принадлежали взрослому мужчине. Но его голос... остался прежним. И он не улыбался, как всегда. — Надеюсь, ты не планировала туда переезжать.

— Я думала, ты умер, — сказала я.

— Не расстраивайся так сильно, — сказал Мерек, а потом улыбнулся, словно взошло солнце.

Я всхлипнула и шагнула к нему.

Мерек, истинный король Лормеры, за которого я почти вышла замуж, потерял сознание.

Глава 17:

Эррин не переставала улыбаться, ухаживая за Мереком. Как только он пришел в себя, она заставила его снять рубашку и закатать шганину, чтобы она смогла осмотреть, промыть и перевязать его раны. Она замирала между каждым действием и улыбалась, она осторожно промыла раны кусочками бинта и водой с запахом розы, а потом широко улыбнулась, морща нос. Она втерла в раны мазь и улыбнулась мне. Мерек потрясенно качал головой, но его лицо сияло, убрав пустое выражение.

Я не могла поверить, что он жив. Я не могла отвести от него взгляда.

Мои пальцы покалывало от желания оттолкнуть Эррин и самой поухаживать за ним. Плевать, что я не знала, что делать. Я хотела прикоснуться к нему, ощутить кончиками пальцев его кожу. Тогда я бы поверила в это. Вместо этого я отрывала для Эррин куски марли и смотрела. Мерек. Живой. Здесь.

Стуан и Ульрин, еще один бывший страж замка, осторожно отнесли потерявшего сознание Мерека в мужскую спальню и дали ему комнату в уважение к его статусу. Мереку дали бы все, включая личное пространство, чего у остальных не было.

Я слышала за занавеской, что в коридоре толпа людей, желающих просто быть рядом с ним, посмотреть на него, когда занавески подвинутся из-за перемещений Эррин между столом с лекарствами и пациентом. Настоящий король Лормеры, живой, чудом вернулся к ним. После месяцев жизни под носом Аурека, шпионя за ним и помогая Эррин, он сжег свой дом и убежал в ночи, чтобы присоединиться к мятежу. Про Мерека точно сочинят песни, может, одну даже напишу я.

Я прислонилась к стене, все еще в кожаной броне, и смотрела на Мерека, пока они с Эррин спорили насчет выбранных ею трав.

— Почему не лаванда и имбирь? — спросил он.

— Потому что чеснок тоже избавляет от боли. И он сильнее.

— Но и пахнет сильнее.

— Мы спали в свинарнике две ночи назад. Вонять еще сильнее просто невозможно.

— Больше так со мной не разговаривай. Здесь я важен.

— Не заставляй меня решать, что ране нужна соляная ванна.

— Ты не посмеешь.

Она посмотрела на него, как Лиф, вскинув бровь, ухмыльнувшись, он закатил глаза, мое сердце пронзила боль.

То, как просто они говорили, радовало меня, печалило и вызывало ревность. Я никогда ни с кем так легко не общалась, даже с Лифом. Даже сейчас, обмениваясь оскорблениями и ударами с Хоуп, я не ощущала такого равновесия, наставник и ученик не были наравне. Я хотела этого. Хотела такого. Словно ощутив мои мысли, Мерек повернулся ко мне.

— Можешь что-то поделаться с ее дерзостью?

На миг я лишилась дара речи, словно была не здесь.

— Я о таком и не мечтаю, — сказала я и тут же ощутила себя глупо. Почему нельзя было сказать что-то остроумное? Но Эррин снова улыбнулась мне и начала перевязывать ногу Мерека.

— Вот так, — она завязала узел. — Готово, — и в этот миг выражение ее лица изменилось, словно она позволила себе ощущать усталость. Она пошатнулась, утомление проступило на ее лице.

— А как же ты? — резко сказал Мерек, заметив ее усталость и взяв ее за руки, осматривая их. Такой поступок заставил мой желудок сжаться.

— Я в порядке. Просто устала. Я упала, — объяснила мне Эррин. — Мы много пережили, — она убрала руки от Мерека. — Но я бы искупалась. Свинарник, я же говорила, — ее желудок заурчал. — И я бы поела, — добавила она.

Мне нужно было узнать, что случилось в Лормере. Нужно было узнать от них про действия и планы Аурека. Желание делать что-нибудь после месяцев планирований и обучения покалывало во мне, обжигало вены.

Мне нужно было, чтобы они все рассказали. Все о каждом моменте, когда я их не видела. Но я могла подождать еще ночь.

Я налепила на губы улыбку, и она стала настоящей, когда Эррин улыбнулась мне.

— Повернешь налево, пройдешь двор, и перед тобой будут комнаты для женщин. Купальни в дальнем конце.

— А там будет... я могу где-нибудь получить горячую воду? Так хочется искупаться, — она с горечью улыбнулась.

Я усмехнулась.

— Придешь в купальни и увидишь.

Она растерянно посмотрела на меня и пожала плечами.

— Тогда увидимся после этого.

— Может, увидимся там. Я немного вспотела от сражения.

— Отлично. Я попрошу, чтобы воды хватило на двоих.

Она хлопала Мерека по ноге, уходя, коридор ожил, когда она вышла. Я увидела почти десяток лиц, а потом занавеска упала на место, стало слышно предложения сопроводить леди, куда она хочет.

Я повернулась к Мереку, чтобы улыбнуться, и обнаружила, что его карие глаза разглядывают меня. Он покраснел, когда я посмотрела ему в глаза, и я не знала, почему тоже начала краснеть. Проклятые рыжие волосы. Предательское тело.

— Сражение? — сказал он, тактично не обращая внимания на наши красные лица.

— Я учусь владеть мечом. Я тренировалась, когда вы прибыли.

— Это объясняет все, — он кивнул на броню. — Хорошая работа.

— У меня хорошие помощники. И я неплохо справляюсь. Хотя не думаю, что мне суждено стать великим мечником, — добавила я, слова звучали для меня пусто. Я смутилась, тут не было Эррин, чтобы соединять нас, хоть мне и нужно было поговорить с ним. Хотя я и при ней молчала.

— Не удивлюсь, если ты сможешь такой стать, — он окинул меня взглядом, задерживаясь на каждой части меня, отмечая и кожаную броню, и тунику со штанами под ней. — Ты прекрасно выглядишь.

Я тоже осмотрела его, на груди были синяки, можно было сосчитать ребра.

— Хотелось бы, чтобы и я могла сказать о тебе так.

— Это были интересные пару месяцев.

Я слышала приглашение спросить, что он видел, что он делал. И я хотела знать. Я замерла, разрываясь между желанием остаться с ним и пойти искать Эррин. Но кашель за

занавеской напомнил мне, что тут половина людей, и они все слышат. Словно поняв это, он пожал плечами.

— Может, сейчас не лучшее время.

— Нет. Уверена, Эррин мне если что расскажет. Может, ты хочешь оглядеться? Я могу попросить Кирина показать тебе все здесь.

На миг он выглядел почти расстроенным.

— Нет. Лучше я отдохну. Но у меня есть вопрос. Восход это вы? Это ты?

Я кивнула, его губы знакомо изогнулись.

— И все здесь — часть этого?

— Все мы. Ты сможешь скоро их встретить, когда будешь готов. Эма, наш повар, искала повод зажарить гуся неделями, так что я сообщу ей хорошую новость. Мы устроим пир.

Он вскинул брови.

— Не стоит. За последние месяцы хлеб, с которого не нужно убирать плесень, уже был пиром.

— Я сделаю так, чтобы кто-то оставался рядом с тобой, если тебе что-нибудь потребуется, — сказала я, двигаясь к порогу. Я отодвинула занавеску и посмотрела на толпу, все тут же заинтересовались стенами. — Вам больше нечем заняться? — спросила я, качая головой в ответ на их бормотания. — Идите уже. Идите. Хобб, я знаю, что нужно заточить не меньше десятка мечей, — светловолосый страж опустил голову и тут же ушел, за ним и остальные, которых я не хотела стыдить перед их королем. Но несколько людей остались, и я уперла руки в бока и обратилась к ним. — Это касается всех. Бриана, я слышала твои жалобы с утра, что тебе нужно сделать стрелы. А ты, Ульрин...

— Я просто хотел поприветствовать Его величество. Я ездил с ним на обучение, — сказал мужчина, похожий на медведя, громоподобным голосом. — Здравствуйте. Ваше величество, — крикнул он.

— Здравствуй, Ульрин. Надеюсь, мы позже поговорим, — отозвался Мерек.

Я опустила занавеску.

— Его величеству нужно отдохнуть. Прошу. Возвращайтесь к работе.

Они кивнули и ушли. Крупный Ульрин шагал за худой Бриной. По коридорам разносились взволнованные голоса. Их правитель вернулся из мертвых, смелый и красивый, как и всегда.

Я ушла от них, позволила себе вздохнуть только вдали. Я не могла это объяснить, но я ощущала тревогу. Мне нужно было искупаться.

Я остановилась у кухонь, навлекла на себя гнев Эмы, когда взяла себе пару яблок и кубиков сыра. Когда я добралась до раздевалки у женской купальни, я сняла одежду и броню, осторожно развесила кожаные щитки, обычную одежду бросила не так аккуратно. Я расплела косу, и волосы упали свободно, укрыв меня по пути в купальню.

Я оглядела комнату, пытаюсь найти каштановые волосы в одной из ванн. Их было шесть, вырезанных из красного мрамора, расставленных в форме звезды. Каждая ванна была в два моих роста длиной, глубокой и широкой. В каждую поступала горячая вода из источника под землей. Комната была полна пара и запаха серы, к которому я уже привыкла. Я озиралась и не видела подругу.

— Эррин? — позвала я.

— Я отсюда не уйду, — голос Эррин отразился эхом от низкого потолка. Раздался всплеск, и я увидела ее голову. Она, видимо, лежала под водой. — Горячая вода. Все время.

Поверить не могу, что Сайлас так рос. И даже не рассказал мне, — она замолчала.

Я прошла к ванне слева от нее и оставила на краю еду.

— Он в порядке? — спросила я, шагнула в воду и ощутила спиной приятную дрожь.

Она долго отвечала, а потом:

— Да. Нет, — я услышала плеск, она снова скрылась от меня. — Даже если он сейчас в порядке, это не надолго, — ее голос звучал отдаленно. — Твайла, нам нужно забрать его.

— Мы заберем. Обещаю. Обещаю, — повторила я и опустилась в воду, позволила волосам плавать вокруг меня.

Она снова молчала какое-то время.

— Купаться приятно. Расслабляет. Здесь бояться сложно.

— Знаю, — я говорила с потолком. — В детстве у нас была маленькая ванна, мы наполняли ее водой из колодца, ставили у огня. Раз в месяц. В замке было не лучше, я ведь жила на вершине башни. Королева все пела про воду в озере, и, мне не нравится это признавать, но она была права. Вода просто прекрасная.

Я подплыла к краю ванны, вода закапала на пол. Эррин напротив меня сделала так же.

— Привет, — улыбнулась я. — Яблоко?

— Прощу, — я бросила одно ей, она ловко поймала, и я проделала так же с сыром. Раздался громкий хруст, она впилась в яблоко, а потом простонала. — Я так скучала, — сказала она с набитым ртом.

— Ты про меня или яблоко?

— Яблоко, — она бросила в рот кубик сыра. — И про сыр.

— Я тоже по тебе скучала, — улыбнулась я. — Ты в порядке?

Она ответила не сразу, сначала доела. Я бросила ей второе яблоко.

— Да. И нет. Мне так много... *так много* нужно тебе рассказать. Я... не знаю, с чего начать.

— И у меня так же. Я хотела бы... Боги, Эррин, я хотела бы, чтобы ты была со мной, — сказала я спешно. Она улыбнулась.

— У тебя есть армия.

— Да.

— Откуда? И Восход... это ты? погоди. Расскажи все по порядку. С самого начала.

И я рассказала.

Я рассказала о побеге из Конклава, о встрече с Кирином, и она просияла.

— Его невеста жива! — воскликнула она. — Она в Трессалине. О, он будет так рад.

Но потом я рассказала ей про Лифа и Сестер.

— Это сделала *ты*? — она уставилась на меня, пар поднимался от ее волос, ее огромные глаза были зелеными и такой же формы, как у него. — Но он сказал, что это сделали Сестры. Две. Больше ничего он не рассказал. Он даже не говорил, что видел тебя.

— Может, ему было стыдно, что я превзошла его.

— Возможно... — она не звучала убежденно. — Я не могу его понять, Твайла.

— Что понимать? — сказала я ожесточеннее, чем хотела.

— Я не... он делал ужасные вещи, но в то же время...

— Он выбрал свою сторону, — прервала ее я.

Она замешкалась, словно хотела что-то добавить, но пожала плечами.

— А что потом?

Я рассказала ей о нашем путешествии, о произошедшем в лесу, обо всем, и о моем

обращении к лагерю, как это их не впечатлило, и о мытье горшков. Как я поняла, что делать, чтобы убедить их. Как в то утро взошло солнце, и лучи потянулись ко мне, как руки старых друзей.

И как мы пришли сюда, в Дом Сестер в Восточных горах Лормеры. Как мы собрали по пути больше людей, испуганных и злых. Как мы — Хоуп, Кирин, Ниа и я — основали Восход, нашли способ оставлять послания плененным лормерианцам, чтобы отвлечь Аурека от поисков меня.

— Так они в каждом городе?

— В каждом. У нас сеть по всей Лормере, цепи шпионов размещены по стране. Мы передаем послания по этим цепям. Некоторые из наших — его стражи.

Она ликовала.

— Он этого боялся. Как тебе это удалось?

Я просияла.

— Чистая удача. Во время нашей первой атаки меня заметил страж. Он должен был выдать меня, но сказал мне бежать. Я должна была понять, что верность не может родиться из страха. Как только мы обосновались здесь, я отправила одного из своих, Гарельда, отыскать того стража. Он пришел к нам и рассказал, что и остальные ощущают такое. Они рассказали нам о других, кого знали. Почти у всех он забрал детей.

Эррин вздохнула. Я рассказала ей, что мы знаем каждый лагерь, где он их держит, от детей Шаргата в Западном лесу до детей Лортуны, которых держали в трех милях от пещер, где мы были в горах. И я рассказала ей, как мы искали шпионов и поддержку в деревнях, которые, как думал Аурек, были в его власти. Она была впечатлена.

— Это было не так и сложно, — сказала я. — Он многих ранил, люди хотели дать сдачи, хоть и не могли. Им просто нужно было понять, что они не одни. Многие его стражи служили ему, только чтобы спасти семьи. И мы рассылали через них послания, чтобы делать мелкие поступки по всей Лормере. Чтобы не разозлить Аурека, не заставить его напасть, ведь мы не готовы к такой войне. У нас слишком мало людей, чтобы одолеть его армию, да и не все здесь бойцы. Но... — я взволнованно склонилась вперед, — с тобой мы сможем сделать больше. Мы можем начать работать над рецептом Опус Магнума. Знаю, будет сложно его воссоздать, но тут тысячи книг. Может, в одной из них...

— У меня есть рецепт, — сказала она.

Ее слова прозвенели по комнате.

— Опус Магнума, — продолжила она. — Точнее, он у Мерека.

— Есть? Откуда? — выдохнула я.

— Не думаю, что ты захочешь знать, — сказала она и опустила голову. Не важно. Рецепт был важнее. Если это был он. — Он настоящий, — она словно услышала мои мысли. — Это он. Я помню.

Мою кожу покалывало от восхищения. Вот и все. У нас был рецепт. И Эррин. И я. У нас было все, чтобы одолеть Аурека. Мы могли покончить с этим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я на такое даже не надеялась.

— Как долго его делать? — я старалась не радоваться так сильно, но в голове уже просчитывала, что мне потребуется пару дней, чтобы собрать всех, чтобы разослать слово всем в Лормере, донести весть до Трегеллана, обещавшего поддержать нас, когда придет время. Но...

— На его создание уйдет какое-то время.

— Конечно. Как долго? Неделю?

Эррин помрачнела и покачала головой.

— Мне все еще нужно разобрать его, а потом нам нужны ингредиенты. Некоторые будет сложно получить. Травы и растения еще можно найти, хоть с мандрагорой будет сложнее. Но и ее можно найти, если знать, где искать. Сера есть в горах, вода это подтверждает, — она шлепнула ладонью по горячей воде. — Но Сал Салис я видела только в Конклаве, и Мерек думает, что за ртутью придется отправляться в Таллит.

— Таллит? — я уставилась на нее. — Но на это уйдет не меньше месяца, шесть недель в реальности, а то и восемь, если подведет погода.

— Знаю, — она виновато посмотрела на меня.

Два месяца...

— И здесь нет кладовой? Или шахты?

— Я могу спросить... — она не звучала уверенно. — Может, Сестры что-то оставили перед переездом в Конклав...

— Два месяца, — тихо сказала я.

— Прости, — отозвалась она.

— Нет, — я попыталась скрыть разочарование. — Тебе не за что извиняться. Правда. Это уже хорошо.

Я решила, что уже помылась, и встала, вода потекла по моей спине, волосы были плащом. Я оставляла за собой мокрые следы на полу, пока шла за полотенцами. Одним я обмотала волосы, другое обернула вокруг себя.

— Тебе нужно идти? — спросила Эррин. Я обернулась и увидела ее огромные глаза.

Мне стало жаль ее. В тепле ванны она напоминала румяного ребенка. А потом я вспомнила, что Кирин рассказал про ее маму.

— Не знаю, говорили ли тебе, но твою маму исцелили. Аурек дал ей Эликсир. С ней все будет в порядке.

Я не рассказала ей, что после этого перенес Лиф, радость на утомленном лице Эррин того стоила. А потом она снова помрачнела.

— Слава Дубу, конечно, — выдохнула она. — Но Сайлас...

— Сайлас с радостью сделал это для твоей мамы. Он бы и сам так сделал, ты это знаешь. А теперь я скажу Ние, что у нас появилась соседка по комнате, и ей нужно собрать свои вещи с пола.

Эррин снова просияла, и я невольно улыбнулась в ответ.

— А еще она храпит... — я замерла, услышав много шагов, разносящихся эхом, направляющихся к нам. — Что еще? — выдохнула я.

Стуан, Кирин, Ульрин и Хобб ворвались в купальни, заставив Эррин завизжать и нырнуть под воду.

— Как это понимать? — закричала я на них, они застыли, глядя на меня в полотенцах и потрясенные глаза Эррин, виднеющиеся из ванны.

— Это... это она, — Ульрин указал на Эррин. — Она опасна. Его величество рассказал, что Спящий принц может управлять ею, заставляя ее... напасть на тебя и на нас...

— Я же говорила оставить Его величество в покое?

А потом Мерек вошел, хромя, в комнату.

— Я сказал, что это маловероятно, но возможно, — возразил он, все тут же

поклонились, он сузил глаза. — И я сказал, что мы подозреваем, что угроза миновала. Лучше бы я молчал.

Я повернулась к Эррин, она испуганно жевала губу.

— Это правда.

Я вздохнула.

— Выйдите все, — я указала на дверь за ними.

— Но, миледи...

— Это женские купальни, вам здесь места нет. Вышли. Я могу о себе позаботиться, вы это знаете.

Я думала, что они возразят, но они ушли. Я посмотрела на Мерека, его щеки были розовыми.

— И ты тоже, пожалуйста.

Он кивнул и обратился к Эррин:

— Я не хотел, чтобы так вышло. Прости, — он взглянул на меня и оставил нас, поправив за собой занавеску на входе. Я сняла полотенце с головы, бросила второе на пол и забралась обратно в воду.

— Все не так и плохо, — сказала она. — Это связано с куклами. И големами.

— Расскажи мне, — попросила я, расслабляясь в тепле.

И она рассказала.

Глава 18:

Запаястья Эррин были некрепко связаны за ужином, Стуан настоял сесть рядом с ней, а Кирина усадил с другой стороны от меня. Они устроили спор насчет того, можно ли давать ей нож и вилку, но мой мрачный взгляд заставил их нервно отдать их ей. На ее месте я бы ударила одного из них ложкой и обвинила Аурека, но Эррин была умнее меня, она вяло ела гуся, движения были медленными и размеренными. Мне не нравилось, что ее связали, что она сбежала и снова оказалась в плену. Но она восприняла все бодро, и я не могла обижаться, раз не обижалась и она.

Мы с Эррин провели остаток дня, копируя рецепт Опус Магнума много раз, чтобы раздать копии Кирина, Ние, Хоуп и мне, а еще Эррин и Мереку. Другие копии спрятали в пещерах на всякий случай.

Как и ожидалось, Мерека окружили, стоило ему прибыть, все пытались сесть рядом с ним. Леди Шаста, или Имилла, как она просила ее теперь называть, втиснулась в толпу, чтобы оказаться рядом с ним, и постоянно смеялась, хотя Мерек не говорил ничего смешного. Ульрин, с которым она сидела до этого, сверлил ее взглядом, мрачно ужиная. Я улыбнулась его, он смерил меня взглядом, и я отвернулась к Кирину, который посвящал Нию в то, что она пропустила утром.

Когда я посмотрела на Мерека, рука Имиллы оказалась на его руке, она говорила, а он гонял еду по тарелки и слушал ее вполуха. Когда я смогла поймать его взгляд, он выдержал мой взгляд, а потом встал с кубком и пошел к двери, хромая. Имилла перевела взгляд с него на меня, опустила нож с громким звоном, остальные из его банды проводили его удрученным взглядом, их край стола притих.

Мерек кивнул мне идти за ним, и я кивнула, что пойду, но Хоуп задала мне вопрос и втянула меня в разговор насчет Восхода.

Я чувствовала, как он прошел за порог, он смотрел на меня, пока мы говорили. Я быстро взглянула на него, чтобы он понял, что я помню о нем, но все еще сидела и отвечала на вопросы. Когда разговор перешел к другой теме, я поняла, что могу уйти, и заметила, как он уходит от комнаты, отвернувшись. Я пожелала всем спокойной ночи и пошла за ним.

Мерек сидел чуть дальше по коридору на деревянной скамейке и потягивал свой напиток. Он поднял голову на звук моих шагов и похлопал по скамейке рядом с собой. Я села, задев коленом его ногу, а потом повернулась к нему и окинула его взглядом.

Его волосы начали отрастать, были длиной в половину дюйма, не было видно признаков кудрей, что должны были появиться, если он отрастит их. На челюсти была тень щетины, как и вокруг губ. Его щеки раньше были круглыми, но теперь его лицо было угловатым, скулы — острыми. Он все еще напоминал свою мать, но теперь я видела в его лице и его отца. Он выглядел как мужчина. Как король.

— Ты собрала тут много людей, — сказал он.

— Они — нечто.

— Я не думал, что наступит день, когда леди Шаста будет слушать твои приказы.

— Поверь, Имилла стала хорошей подругой, — ответила я.

— Да? — он посмотрел на меня, повернув голову.

— Нет. Она все еще не любит меня, но ты ее знаешь, она любит быть близко к власти.

Он издал смешок, а потом замолчал.

— Как ты? — спросила я и тут же пожалела. Вопрос был слишком обширным. И маленьким тоже, учитывая нашу историю.

Он, казалось, подумал о том же и медленно вздохнул.

— Живой.

Я ждала, пока он задаст мне тот же вопрос, но он этого не сделал, все еще разглядывал меня, а потом опустил ладони поверх моих на моих коленях.

— Ты изменилась, — сказал он мягким голосом.

Я проследила за его взглядом вниз. Мои руки были грубыми, покрасневшими, в мозолях от тренировок с мечом и луком, от стирки вещей в ледяной воде колодца, от карабканий по каменным стенам. Я опустила рукава, но он склонился и убрал ткань. Он посмотрел на мои ладони, перевернул их в своих. Я следила за ним. Он провел пальцем по заживающему розовому шраму, я уже и не помнила, откуда он взялся, а потом переплел пальцы с моими, глядя при этом на меня.

— Я про тебя саму, — сказал он. — Не про внешний вид. То, как ты говоришь. На тебя заметно повлиял Трегеллан.

— Многого произошло, — сказала я, понимая, как вежливо звучу. Казалось, так быстро забылось то, что случилось после того, как я покинула Лормеру. Все, что я видела и делала забылось при виде него. Моего принца. Моего короля. Когда-то он был моим будущим.

Он вскинул брови.

— Знаю. Замок был полон слухов о твоих подвигах. Как ты сама разрушила голема. Как ты прошла мимо стражи, забралась туда и написала на стене Шаргата «Солнце взойдет». Как ты выпустила крыс в дом шерифа в Лортуне. Как ты ворвалась в замок и оставила на кровати Аурика множество склянок с ярлыками «яд», чтобы показать ему, что ты в любой миг можешь до него добраться.

Я улыбнулась.

— Не стоит верить всем слухам. Ты знаешь прекрасно, что я не ходила в замок Лормеры. Там был ты.

А потом он улыбнулся, и мое сердце затрепетало. Его глаза сияли, в уголках появились морщинки, делающие его старше. Это было новым.

— А остальное?

Я выждала удар сердца.

— Правда. Хотя я лично не выпускала крыс и не залезала на стену Шаргата. Но это я оставила рисунок на южной стене. Это была наша первая атака.

— Как это было?

— Я так дрожала, что странно, что нас не выдал стук моих зубов. Но я должна была сделать это. Я должна была показать людям, которых хотела вести, что я готова действовать.

— Это сработало. Сколько здесь людей?

— В начале нас было четверо. Я, Хоуп, Кирин и Ниа. Мы нашли остальных в Западном лесу и убедили пойти за мной, по пути сюда подобрали еще нескольких. Многие сбегали и присоединялись к нам. Сейчас нас около сотни здесь, и многие распределены по Лормере, некоторые ищут помощь в Трегеллане, а еще прячутся и помогают передавать послания. В городах наших больше, а вместе нас около пятисот.

— Пятьсот? — сказал он, я слышала его разочарование.

— Мерек, это не война на поле боя. Он может делать солдат из глины, которым не нужны еда, укрытие, а нужен лишь его приказ.

— Кстати, големы не такие и непобедимые, — начал он, но я остановила его.

— Знаю. Эррин рассказала мне. Но нас все еще мало, мы не можем сейчас напасть на него. Так что наша цель — сеять хаос, заставляя его разделять свою армию, пока ее не станет так мало, что мы сможем пробиться к нему и положить этому конец. Не думаю, что у него есть истинные союзники, никто не станет защищать его, если он начнет проигрывать, — кроме одного. Кроме Лифа. Он остался, хоть Аурек и избил его до потери чувств.

Судя по взгляду Мерека, он тоже думал о Лифе.

— Он помог нам сбежать, — сказал он.

— Значит, ему это было выгодно.

— Он дал нам рецепт.

Я была потрясена, но попыталась не показывать этого.

— Не важно. Это ничего не меняет.

— Эррин знала, что ты так скажешь.

— И она была права, — мы замолчали, он потягивал напиток из кубка — вино, наверное.

— Эррин говорила, что ты думаешь, что мы будем готовы к атаке через два месяца.

Я кивнула.

— Только кажется, что это долго, но у нас много дел. У нас есть список ингредиентов для Опус Магнума. Это чудо, что вы сбежали. Нам нужно решить, кто пойдет за нужными ингредиентами, это должен быть тот, кому мы доверяем. Всем идти за ними нельзя, это займет много времени, а нам с Эррин нужно быть невредимыми, пока не будет готов яд. Тебе тоже.

Мерек кивнул.

— Времени на подготовку хватит. А дети, которых он держит в заложниках? Для них

есть план?

— Их освободят, когда мы начнем атаку. В Лормере пройдут организованные мятежи, и их при этом освободят и уведут в безопасность. Когда он пошлет своих воинов в города, мы ударим в сердце его крепости.

— А если он их не отправит? Если спрячется?

— Тогда мы освободим города, соберем достаточно людей, чтобы устроить ему осаду. У нас есть план.

Мы замолчали, задумавшись. Я подумала о Лормере. Лифе. О том, что он помог им.

— И... Лиф дал вам рецепт?

Мерек кивнул.

— Да, — он замолчал и нахмурился, а потом посмотрел на меня и взял меня за руки. — Мне тяжело это говорить. Я... хотел бы не я говорить это. Но... думаю, он жалеет о том, что сделал. Думаю, он поможет нам, присоединится к нам, если мы передадим ему послание.

— Нет, — сказала я.

— Он кое-что сказал мне. Что я «пропустил игру». Я подумал о суде, помнишь? Наигранность. То, как он это сказал...

Волоски на моих руках встали дыбом, но я игнорировала это.

— Помню. Но он ничего не подразумевал под этим.

Мерек вдохнул.

— Это из-за того, что он с тобой сделал?

Я посмотрела на него.

— Ему просто нельзя доверять. Потому что он снова и снова предавал людей, которых якобы любил. Меня. Сестру. Мать. Тебя не было в храме из костей. Ему было все равно, что Аурек сделает с Эррин. Он ни о чем не сожалеет. Сейчас ему может быть жаль себя, но он уже планирует выход для себя. Он приземлится на ноги. Как и всегда. Поверь, Мерек, это не просто слова отвергнутой возлюбленной. Это слова той, кто трижды пересекался с ним и выжил из-за удачи или по его прихоти. Я доверяю Хоуп. Я доверяю Кирину. Я доверяю Ние. И Стуану. Ульрину, Эме, Брине. Больше всего я доверяю тебе и Эррин. Но я не собираюсь доверять ему. Я не могу этого позволить. Он сам в этом виноват и заплатит за это. Один.

Мерек кивнул.

— Ты прав, — сказала я. — Я изменилась. Я больше не дурочка.

— Я никогда тебя такой не считал, — Мерек отпустил мои ладони. — И все еще не считаю, — он замолчал, я ждала продолжения, но он сказал. — Думаю, мне стоит немного поспать. Я так и не успел толком отдохнуть.

Меня словно прогнали, словно я как-то его расстроила.

— Спокойной ночи.

Он выпрямил длинное тело, поднялся на ноги и протянул мне руку. Я обхватила его ладонь и позволила ему поднять меня. Мы встали, нас разделяли сантиметры. Я смотрела на него.

— Я очень рад, что ты жива, — сказал он. А потом вдохнул, прикусил губу и нахмурился, глядя на что-то за моим плечом.

Я оглянулась и увидела Эррин и Кирина на пороге, остальных за ним. Пир закончился. Я взглянула на Мерека, а он снова был замкнут.

— Спокойной ночи, — сказал он и пошел прочь, а я смотрела ему вслед, он хромал сильнее. Наверное, устал.

Эррин подошла ко мне, а с ней и Кирин.

— Все в порядке?

— Да. Мы просто разговаривали.

— Миледи, — за нами появился Стуан. — Я поговорил с ребятами, мы будем рады постоять на страже у вашей комнаты этой ночью. Или в комнате.

— Еще бы, — выдохнула Эррин, я едва успела подавить смех.

— Это мило, но мы будем в порядке.

Я не ждала его ответ, а взяла Эррин за руку, чтобы позлить Стуана, и повела в нашу комнату.

Ниа убрала вещи с пола, но не из комнаты. Теперь они лежали грудой на ее кровати. Кто-то принес кровать и поставил в центре комнаты, оставив на ней мягкие веревки из замши. Я убрала их и довела Эррин до кровати.

Я хотела развязать ее, но она остановила меня.

— Свяжи мне ноги. И крепче свяжи руки. Я обещала им, — я видела только ее губы, они были решительно сжаты.

Я безмолвно связала ее ноги веревкой из замши, а потом затянула крепко узлы на руках, ведь иначе она бы возмутилась. Когда я закончила, она легла и посмотрела на меня.

— Я убила человека, — сказала она.

Я потрясенно моргнула.

— О.

— Стража, — продолжила она, словно мы были посреди разговора об этом. — Одного из людей Аурика. Пока мы убегали. Я не хотела, но сделала это. Задушила его.

Я медленно выдохнула и ответила:

— Звучит так, что иначе он тебя убил бы или отвел к Аурику. У тебя не было выбора.

— Так и Мерек сказал.

— Мерек умный.

— Я просто... хотела, чтобы ты знала, — она замолчала. — Это... угаснет?

— Что?

— Чувство.

Ей не нужно было объяснять, я знала это. Хоть я никого не убивала сама, вина все еще шарфом, петлей висела на моей шее. Чувство, что я забрала то, что не принадлежало мне, что у меня было кто-то, потому что я кому-то отказала. Хоть я и не убила сама, я видела, как люди умирали, веря, что я убила их. Люди умирали из-за меня.

— Да, — соврала я. — Ты смиришься с этим. Не забудешь, но перестанешь терзаться.

Она тихо вздохнула.

— Спасибо, — она повернулась на бок. — Спокойной ночи, Твайла, — сказала она, и я накрыла ее одеялом.

— Спокойной ночи, Эррин, — тихо сказала я. Я слушала, как она засыпает, но я успела увидеть, как Ниа пришла чуть позже и забралась в кровать, не сняв одежду. Вскоре комната наполнилась звуками их сна, тихим посапыванием и выдохами, и это должно было успокоить. Но я не могла успокоиться. Я очень долго пыталась уснуть.

Утром я встала рано, чтобы показать это место Мереку и Эррин. Мы одни были в столовой, хотя Эма и Брига, помогавшая ей сегодня, встали на два часа раньше, чтобы испечь булочки, что теперь лежали в корзинках на деревянных столах.

Мы с Эррин сидели в сонной тишине, отрывали кусочки хлеба и дули на пальцы, когда

их задевал пар, а потом макали кусочки в золотистый желток яиц и ели их. Руки Эррин все еще были связаны, но не вплотную, это не мешало ей завтракать.

— Откуда вся это еда? — спросила она, вытирая хлебом каплю желтка, сбежавшую из скорлупы.

— Кладовые Сестер. Внизу есть подвалы, где хватит еды на маленькую армию. Так и вышло. Мука, зерно, ветчина, оленина. А еще на пастбище Сестер есть курицы, козы и овцы. Они привыкли обеспечивать себя сами, чтобы не рассчитывать на мир снаружи.

— Как Конклав.

— Точно, — я замешкалась и спросила. — Как было в замке?

— В плане еды? — спросила она, и я кивнула. — Неплохо, как по мне. Он заставлял меня есть. Я ужинала с ним, когда он приказывал, и он себя не ограничивал. Там были мясо и вино. Сайлас выглядел неплохо, по крайней мере, явно не голодал.

— А остальные? — я имела в виду Мерека, и она это поняла.

— Не так хорошо. Мы об этом не говорили, но...

— Результат говорит за себя, — сказал Мерек, босыми ногами входя в столовую. Он выглядел чуть лучше, чем вчера, темные круги пропали из-под глаз, но он все еще был худым, угловатое лицо выдавало, как плохо ему там жилось. Он был в бледно-голубой тунике, ткань казалась тонкой и чистой, и коричневых штанах, выцветших на коленях. Как и розовое платье Эррин — близнец моего зеленого платья — его одежда осталась от тех, кто ушел за алхимиками и их семьями, когда они убегали. Простая, хорошо сделанная одежда подошла нам. Я никогда не видела его в такой обычной одежде. Судя по тому, как он с любопытством поглядывал на меня, он думал о том же. Я улыбнулась и сосредоточилась на завтраке.

Когда я подняла голову, Мерек терзал хлеб так, словно неделями не видел настоящую еду, а Эррин не знала, что на уголке ее рта остался желток, и я поняла, как мы были юны, как несправедливо все был. Почему это делаем мы? Почему не отбивается Совет Трегеллана? Почему лорды и леди Лормеры не ведут армии? Почему с Ауреком боремся мы?

Мерек указал на желток на лице Эррин, она не покраснела и убрала его, как бы сделала я, а склонилась, обмакнула палец в его тарелку и испачкала желтком и его лицо. Он раскрыл в потрясении рот, а Эррин расхохоталась. Он покачал головой, я смотрела, как он отчаянно подавляет смех. Мое сердце сжалось, его пронзили шипы, и я невольно вздохнула.

Мерек посмотрел на меня.

— Ты в порядке?

— Да. Конечно, — сказала я. И снова я пыталась подобрать слова, что открыли бы мне место в их простой и веселой дружбе. Сердце болело, я хотела быть частью этого так сильно, но не была и вряд ли смогла бы стать такой. Конечно, друг с другом им было веселее, чем со мной. А как иначе?

Я поняла, что завидую. Не им, а из-за него. Из-за того, как легко он пришел и вписался сюда, пока я все время считала себя не такой, как нужно. Так будет для него, когда мы одолеем Аурека. Он взойдет на трон, а я буду стоять на пороге, не зная, оставаться мне или уходить. Ожидая обеда со стола.

Я не могла больше этого выносить.

— Мне нужно идти, — сказала я. — Уверена, Кирин с радостью все вам покажет. Я пришлю его сюда.

— Твайла? — сказала Эррин. На ее лице была тревога, я ненавидела себя за это.

Я глубоко вдохнула и выдавила улыбку.

— Я просто вспомнила, что у меня есть дела до собрания днем. Простите. Глупо, что я забыла.

Эррин посмотрела на Мерека, а тот повернулся ко мне.

— Конечно. Мы можем помочь?

Я покачала головой.

— Приходите в себя. Увидимся за обедом.

Я не дала им шанса ответить, чуть не выбежала из комнаты. Глаза жалило, я чувствовала, как краснеют пятнами грудь и лицо, я пыталась решить, куда уйти и выждать, пока это не пройдет.

— Твайла? — Хоуп вышла из женских комнат в коридор, когда я пробежала мимо.

— Я в порядке, — сказала я, но голос дрогнул.

— Оно и видно, — пробормотала она, ее деревянная обувь простучала по камням за мной.

— Прошу, оставьте меня, — всхлипнула я и уже не смогла сдерживать слезы.

Она взяла меня за руку и остановила, я развернулась, не желая, чтобы она видела меня такой. Она так долго считала меня слабой, что я не хотела, чтобы она снова так думала.

— Идем со мной, — сказала она и повела меня во двор, а потом по короткому коридору в сады. Я шла, слишком уставшая бороться.

В это время года земля была голой и в инее, лед покрывал почву. Хоуп рассказывала, когда мы прибыли сюда, что картофель и свекла, которые мы ели, были собраны здесь, что весной они вырастут снова, но пока что не верилось, что под землей ждала жизнь.

Она вела меня по тропинкам между квадратами земли, все спало и ждало хорошей погоды. Мы попали в маленький фруктовый сад. Здесь было пусто, как и во всем саду, ветки казались обнаженными и заброшенными без листьев.

Под яблоней была скамейка, и я подумала, что мы сядем на ней, хоть я и была без плаща, но мы прошли мимо, направляясь к каменной арке вокруг деревянной двери, а потом она вытащила из кармана цепь, что звякнула, когда ключи на ней звякнули друг о друга. Она открыла ворота, они не скрипнули, и она повела меня по еще одному маленькому саду. Вдали был маленький домик, будто из сказки.

Он был деревянным, бока покрывал плющ, ярко-зеленый на фоне зимнего пейзажа вокруг. Дом был немного перекошенным, приземистым, дверь была слишком широкой. Но он был очаровательным. Она пошла по тропе к нему, и я за ней, понимая с уверенностью, что она привела меня домой, где жила, пока не стала Сестрой. Где она растила Сайласа.

Я дошла за ней до двери, она отперла ее, и мы вошли. Как я и подозревала, воздух не был спертый, и хотя мебели было мало, только стол и стул, было ощущение, что дом использовали. И любили. На полах не было пыли, деревянный стул блестел.

— Это мой секрет, — сказала Хоуп. — Но секретами делятся, — добавила она.

Она осталась у камина и разожгла огонь, а потом из углубления в стене вытащила чайник и две оловянные кружки, повесила чайник над огнем.

— Я сделаю чай, — объяснила она.

Когда чайник засвистел, она укутала плащом руки и сняла его, добавила чайные листья и перемешала. Она двигалась уверенно, и моя неловкость постепенно отступала, я обняла руками колени. Когда она сделала чай, она разлила его в чашки и села на стул.

— Расскажи мне, — приказала она.

— Я не слабая, — сказала я.

— Это я знаю, — она закатила глаза. — Расскажи то, что я не знаю.

— Я... — я замолчала, немного отвернувшись, чтобы говорить с окном, а не с ней. — Не знаю. Я странно себя чувствую. Неуверенно. Лишней.

— Давно?

— Со вчерашнего дня.

— После прибытия Эррин и Мерека или до?

— Просто... сложно. Видеть их вместе.

— Вместе? — ее голос стал резким.

— Не в романтическом смысле. Эррин любит Сайласа. Это я знаю, — Хоуп промолчала. — Но они вдвоем... Мерек раньше был частью моего мира, а она — часть нового мира. Который я строю. И я не... — я замолчала. — Я хотела только спасти Эррин и Сайласа и победить Аурека. Я не думала, что будет дальше. Я знаю, что это глупо, потому что можно подумать об этом и после победы, ведь теперь есть, кому править.

Она кивнула.

— Мерек — бывший король из единственной правящей семьи Лормеры. Он вернулся и может занять свое место и править. Как и должно быть.

— Да.

— Ты хочешь быть на этом месте?

— Нет! — сказала я, не подумав. А потом замерла. Я хотела этого? — Нет, — повторила я медленно, проверяя слова на языке на наличие правды. — Я не хочу править Лормерой. Но я не хочу потерять то, что построила здесь, а сейчас... все ощущается иначе.

— Из-за Мерека?

Я кивнула.

— Он... Он знал меня не такой, какая я сейчас. Я не знаю, как теперь это совместить, — я горько улыбнулась. — Беспомощная принцесса и лидер.

— Что ты должна сделать?

Я пожала плечами. Я не знала. Я потянулась к чаю и ощутила ладони в моих волосах. Я обернулась, Хоуп показала пруттик.

— Ты ходила рядом с деревьями, — сказала она, и я развернулась, позволяя ей вытащить остальные.

— А если... — сказала я, расслабившись, пока она пальцами перебирала мои волосы. — А если присутствие Мерека изменит все, изменит то, какой меня видят люди? А если они перестанут меня слушать? А если теперь он станет их лидером? Или Эррин? Потому что, согласитесь, я не очень популярна. У меня нет харизмы. У меня нет хитрости или красноречия. Я умею приказывать. Но теперь здесь настоящий лидер...

— Ты — настоящий лидер, — заявила Хоуп и сильнее потянула за мои волосы. — Кто собрал их в лесу? Кто заставил идти за собой? Кто организовал солдат, шпионов, мятежников? Кто оставил слежку за детьми? Кто убирал с ними, учился с ними, обещал им лучшую жизнь? Ты, Твайла Морвен. И да, у тебя есть помощь и поддержка. Но так у каждого лидера.

— Он их король.

— И что? Мы уже знаем, что короли приходят и уходят, — она замолчала. — Дело ведь не в этом, да?

— Просто... когда я буду уверена?

— В чем?

— В себе. В том, кто я. В том, зачем я здесь. Когда я пойму?

Хоуп рассмеялась.

— Никогда. Этого никогда не произойдет. Что бы ни случилось. Ты всегда будешь сомневаться и ошибаться.

Я повернулась и посмотрела на нее.

— Будет только хуже. С возрастом. Будет больше того, что можно потерять. Любимых, детей, друзей. Думаешь, я всегда уверена в своем пути?

— Хотите сказать, что нет?

— Я была уверена, что ты неподатливая и официозная, как твоя мать, пусть упокоят ее душу боги. Я была уверена, что Эррин заодно со своим братом. Я была уверена, что идти в Лормеру — ужасная идея. Я была уверена, что Восход нас погубит.

— Все еще может.

Она рассмеялась.

— Может. Но это не значит, что я думала об этом правильно.

— Вы всегда выглядите уверенной.

— В том то и секрет, девочка моя. Подавлять все в себе. Но снаружи ты должна выглядеть как камень. Может, потом окажется, что сомневалась ты зря.

Она на миг коснулась моего лица, а потом потянулась к своему чаю.

— И еще кое-что напоследок. Во-первых, я сомневаюсь, что Мерек хочет у тебя это забрать. И, во-вторых, даже если он так сделает, тебя люди будут слушать больше, чем его.

Я нахмурилась.

— Ты сама сказала, что построила этот мир, дала им это, когда у них ничего не было. Это не исчезает так быстро, Твайла. Это глубже, чем ты думаешь. Уверена, все они рады, что Мерек жил, что он с нами, но они не примут его как лидера. Он не заслужил это. Ты заслужила.

От ее слов мои глаза жгло.

— Надеюсь, вы всегда сможете напомнить мне это, когда я буду вести себя глупо, — сказала я.

К моему удивлению, она склонилась и поцеловала меня в лоб.

— Ты — худший враг для себя, Твайла Морвен. Хватит, — сказала она, удивленная собой. — Тебе еще вести собрание.

— Спасибо. За это. И за то, что показали это место.

— Я знаю, что ты никому не расскажешь. Ты ведь не так популярна, — она ухмыльнулась, и я улыбнулась. — Ты — это ты. Этого достаточно.

Я помогла ей потушить огонь, ополоснула кружки в бочке с водой за домиком, а потом пошла обратно. Я дала ей уйти вперед, а сама задержалась в саду, чтобы подумать. Я думала, что это будет проще. Может, мне нужно было просто признать, что это не так. Что придется всегда что-то преодолевать, большое или маленькое. И это нормально. Просто нужно сражаться.

— Миледи? — появился Стуан. — Мы вас искали.

— Я здесь, — сказала я. — Можешь собрать после обеда Хоуп, Кирина, Эррин. Нию и Его величество в комнате совета? — он кивнул и поклонился, а я приняла внезапное решение. — И ты тоже приходи. Но больше никому не говори.

Он удивился и обрадовался, выпятил грудь.

— Да, миледи. Как пожелаете.

Глава 19:

Хотя я доверяла всем здесь, нам нужно было застать Аурека врасплох. Нас было слишком мало, чтобы вступить с ним в открытый бой раньше времени.

Наш план содержал слишком много «если»: если Аурек не знает, что Лиф дал Эррин рецепт, если он не знает, что Эррин нашла меня, если он не знает, что я в горах за его разрушенным замком. Все эти «если», как я надеялась, дадут нам время собрать ингредиенты, приготовить перевернутый Опус Магнум и разместить людей по местам.

— Нам нужно организовать три группы, — сказала я собравшимся. Стуан стоял в дверях, чтобы сообщить, если кто-то подойдет. Мерек, Ниа и Эррин сидели на кровати Нии, Кирин и Хоуп — на моей, а я прислонялась к маленькому шкафу. — Одну — в Трегеллан, в Конклав за Сал Салисом, другую — в Таллит за ртутью, а еще одну — глубже в горы за серой.

Стуан чуть нахмурился от незнакомых названий, я посмотрела ему в глаза. Он смотрел на меня, непоколебимый, и кивнул, а потом выглянул в коридор. Мы с Хоуп, Нией и Кирином согласились, что лучше держать в тайне алхимию. Наши люди знали, что нужно спасти алхимиков, но мы не объясняли, почему, позволяя им думать, что нам будет полезно золото. Никто не упоминал способности Сайласа, наши надежды на Опус Магнум. Это было наше единственное оружие против Аурека.

— У нас нет времени посылать всюду одну группу. Это должны быть три команды, действовать одновременно. Люди должны знать, что искать и где.

Я увидела, как напряглась Ниа, поняв меня.

— Ниа, мне нужно, чтобы ты вернулась в Конклав за Сал Салисом. Прости. Мне очень жаль. Но ты знаешь это место лучше всех. Кирин, ты пойдешь с ней.

Ниа закрыла глаза, я чувствовала себя ужасно, ведь знала, чего прошу. Я знала, с чем она там столкнется. Я была там, когда мы уходили, ее горе было невыносимым. Три месяца спустя ей предстояло столкнуться со страхами.

— Я пойду внутрь, — сказал Кирин. — А ты просто дойдешь со мной, скажешь, что делать, и я это сделаю.

Ни благодарно посмотрела на него.

— Все хорошо. Я смогу это сделать.

— Спасибо вам. Мерек, — продолжила я. — Если позволит твоя нога, я хотела бы, чтобы ты отправился в Таллит.

— Это мудро? — спросила Эррин. — Прости, — сказала она, когда я уставилась на нее. — Я знаю, что ты не на ходу это придумываешь, но не уверена, что его нога выдержит. Или что его можно посылать туда незащищенным.

Я взглянула на Мерека, на его лице не было эмоций, пока он смотрел на меня.

— Только он бывал там раньше, — сказала я. — Стуан, ты отправишься с ним.

— Нет, миледи, — возразил Стуан. — Думаю, мисс Эррин права. Это не мудро. Его величеству нельзя выходить, а я думаю, что мое место здесь.

— Тогда расскажи, кто еще знает Таллит, я вся внимание, — рявкнула я.

— Ульрин, — тихо сказал Стуан, не глядя мне в глаза. — Он был там на обучении с Его величеством. Миледи, я не хочу спорить с вами, но я не могу оставить вас без защиты.

Хоуп кашлянула, и Стуан покраснел.

— Конечно, вы не останетесь без защиты. Но я полезнее здесь, а вы можете послать вместо меня Ульрина. Ему можно доверять.

— Я пойду с Ульрином, — сказала Хоуп.

— Нет, — тут же сказала я. — Вы нужны мне здесь.

— А я не нужен? — впервые заговорил Мерек.

— Что? — мой голос от смятения стал выше. — О чем ты?

— Я тебе не нужен. Ты рада отослать меня в Таллит, потому что я не нужен тебе здесь.

— Мерек, еще два дня назад я считала, что ты мертв, — сказала я. — И дело не в том, кто нужен мне здесь. Я прошу идти людей, подходящих для работы.

— Если бы меня не было, кого бы ты послала?

Я замолчала.

— Я пойду, — снова сказала Хоуп. — Я знаю, как выглядит ртуть, знаю, что в двух милях от столицы есть шахта, так было написано в старых книгах. Этот Ульрин может пойти со мной как проводник. Ему не нужно все рассказывать. Я скажу, что это связано с Сестрами. И все. А если мы поплывем на лодке по реке, а не пойдём через Трегеллан, то можно сэкономить время и избежать лишнего внимания.

— Вы умеете плавать на лодке?

— Я могу, — сказала Ниа. — Мои братья живут у реки, они меня учили. Если я покажу Хоуп, как это делать, мы сможем поплыть по Аурмере вместе, а потом мы с Кирином высадимся в Тремейне. Они поплывут в Таллит и обратно, а мы вернемся пешком. Так будет быстрее.

Мерек прижался к стене, Хоуп смотрела на меня и ждала. Я не хотела этого делать, не хотела, чтобы она уходила от меня. Мерек был мне нужен, но Хоуп была нужна сильнее. Она ведь понимает после недавнего разговора? Я нахмурилась, пытаюсь передать ей все взглядом, она спокойно смотрела на меня.

— Ладно, — сдалась я. — Поплывете, как и сказала Ниа. Стуан, мы с тобой отправимся за серой.

— Я могу пойти с тобой, — вызвался Мерек.

— Нет, спасибо, — сказала я, ощущая триумф, когда он покраснел. — Эррин, ты останешься разбирать Опус Магнум. Вы будете готовы отправляться с первыми лучами? — я получила в ответ четыре кивка, хоть и без энтузиазма. Я их не винила, я не хотела отпускать их к опасности, которая точно ждала их. Но я не могла доверить эти секреты другим. — Мы со Стуаном тоже отправимся завтра, после ранней тренировки. Скажем, что собираем травы для Эррин. Мы вернемся к закату, если все пойдет хорошо. Договорились?

В этот раз кивнули все.

— Назначаем нападение через два месяца, отсчитывая от этого дня. Времени хватит вам на путь туда и обратно, Эррин на создание зелья, и всем здесь подготовиться.

Только Стуан выглядел бодро в конце собрания.

Четыре часа спустя мы созвали всех в столовой, чтобы озвучить публичную версию событий. Это было важно, потому что я еще ни разу не собирала всех на собрании после того, как Восход обосновался здесь. Я даже отправила вести некоторым дозорным, рискуя уменьшить дозор, чтобы меня услышало сегодня как можно больше людей.

Пожилые Дилис и Брон из Монкхэма, Брина, ненавидящая политику, предпочитающая работать руками, и даже Имилла прибыли сюда впервые за все время. Они сидели в комнате в напряженной тишине, в этой же комнате они обычно собирались за столами, передавали хлеб и тарелки с супом друг другу, веселясь и споря, но по их строгим лицам этого не было видно. Только Имилла, которая могла злиться из-за того, что Ульрин уходит утром, не переживала из-за собрания и просияла Мереку, когда он прошел мимо нее. Он кивнул ей с растерянным видом и подошел ко мне. Я все еще злилась на него, хоть и отказывалась признавать это.

Вскоре люди выстроились и вокруг стен, они еще ни разу не были здесь. Я стояла перед всеми с Кирином, Нией, Стуаном, Хоуп, Мереком и Эррин. Я ждала, пока они перестанут ерзать и притихнут, глядя на меня. А потом я начала речь, которую готовила весь вечер.

— Спасибо, что пришли, — сказала я. — Эти месяцы были сложными и опасными для всех нас. В комнате нет тех, кто не рисковал собой ради дела. Все вы остались верными Восходу — мне — и когда все закончится, я прослежу, чтобы вас вознаградили.

Мерек рядом со мной кивнул, подтверждая мои слова. И я поздно поняла, увидев, как люди переглядываются, улыбаются, как хмурится Имилла, что пошел слух, что мы в этом вместе, что я могу делать большие обещания. И после того, как я пошла за ним прошлой ночью, посидела с ним в темноте, я явно разожгла их воспоминания о том, кем мы были друг для друга.

Я чуть не сбилась, но вспомнила слова Хоуп. Камень снаружи. Буря внутри.

— Произошло кое-что, сильно повлиявшее на развитие нашего дела, — я сделала паузу, дала людям пошептаться и продолжила. — Теперь все будет происходить быстро. Завтра наши шпионы отправятся передать весть нашим союзникам в городах, чтобы они готовились к бою. Мы собираемся подготовиться за два месяца к нападению на Спящего принца в сердце его владений, — вскрики раздались с эхом, я повысила голос. — С завтрашнего дня начнется подготовка к этому. Те, кто учился владеть мечом и луком, теперь будут тренироваться дважды в день, — я вдохнула. — Восемь недель Восход в каждом городе будет прятать слабых и старых, поджигать дома лордов и шерифов. Они будут бороться с захватчиками, побеждать их.

Я увидела одного из мужчин, Линиона, оставившего в Лортуне овдовевшую сестру с сыновьями, убежав сюда. Он хотел заговорить, но я повысила голос, не давая перебить меня. Я знала, что он хочет спросить. Он так и не простил себя за то, что оставил их.

— До восстаний команда отправится спасать детей возле гор, приведет их сюда. Других детей тоже освободят, это первая волна наших действий. Как только наши союзники начнут освобождать другие лагеря, жители городов получают сигнал к восстанию, а потом мы пойдем в Лортуну и нападём на Спящего принца. Благодаря пожару в замке, закрыться там он от нас не сможет. Он должен будет послать свои силы разбираться с восстаниями. Как только его сил станет меньше, мы ударим.

Комната наполнилась шумом, люди хлопали, топали ногами, я чувствовала, как краснею от радости, пока Имилла не крикнула:

— А потом мы вернем на трон короля Мерека!

Она улыбалась ему, Мерек склонил голову, и моя кожа запылала скорее от гнева, чем от радости. Я ощутила укол удовольствия, когда в этот раз реакция толпы была не такой бурной и радостной, и посмотрела на людей.

— Так что наслаждайтесь ужином. На рассвете мы приступим к работе.

На этом я вышла из комнаты.

Я хотела оставить их одних сегодня. Эме сказали открыть больше бочек с вином, не слишком много, но чтобы все, кто хотел, получили угощение. Она зажарила козу, приготовила ее в смеси из специй, и это пахло невероятно вкусно. Этой ночью они смогут пировать, потому что с завтрашнего дня мы начнем действовать. Это последний шанс для них отдохнуть. Некоторые из них больше не смогут так себя вести.

И я оставила их, собираясь отправиться на кухни и поесть там, а потом искупаться и раньше лечь спать, ведь плохо спала прошлой ночью.

Но Мерек, похоже, думал иначе.

— Твайла, — позвал он, следуя за мной.

Еще миг я шла, а потом остановилась и обернулась.

— Да?

— Мы можем поговорить?

— Ты не хочешь ужинать?

— Ты же туда не идешь.

— Я не буду их королем. Тебе нужно там быть, показывать, как много для тебя значат их действия и жертвы для твоего королевства.

— Я чем-то тебя обидел?

— Нет, конечно, нет.

Мерек недовольно вдохнул.

— Почему тогда ты хотела отослать меня?

— Я не отсылала, просто ты знаешь Таллит. И можешь защитить себя. Этот выбор был логичным.

— Только потому?

— А какая еще должна быть причина?

Он подошел ближе, его глаза сияли в свете факела.

— Ну? — спросила я.

— Расскажи мне.

— Нет времени, — я повернулась, но он возник передо мной.

— Твайла...

— Все в порядке, миледи? — донесся по коридору голос Стуана. Я оглянулась на него, силуэт темнел под одной из арок.

— Мы в порядке, — ответил Мерек.

— Миледи?

Мерек посмотрел на Стуана и нахмурился, я ощутила благодарность к своему бывшему стражу. Кто бы мог подумать?

— Я в порядке, Стуан. Спасибо. Возвращайся пировать.

Я услышала, как он уходит, медленно и с неохотой.

Я взглянула на Мерека, а он смотрел на меня, сузив глаза, словно я смутила его.

— Мы еще друзья? — спросил он. — Если мы вообще были друзьями.

— Я твой друг.

— И ты расскажешь мне правду?

— Мерек, у меня нет причин врать тебе.

Он вздохнул, обдумав мои слова.

— Спокойной ночи, — сказала я и повернулась к своей комнате.

— Погоди. Давай выпьем, — вдруг попросил он.

Я подумала, что ослышалась.

— Что?

— Мы с тобой. Выпьем. Просто напьемся.

— Зачем это?

— Потому что мы никогда... ты ведь никогда так не делала? — я открыла рот, чтобы возразить, но он продолжил говорить с настойчивым видом, напомнив мне Зал стекла, когда он поцеловал меня. — Потому что мы молоды. Потому что мы можем умереть через два месяца, хотя должны жить. Дай себе отдохнуть одну ночь.

— Я так уже делала, помнится, — я не хотела, но рывкнула. — И чуть не потеряла голову. Но, конечно, если хочешь, я могу «отдохнуть одну ночь». Может, мы даже закончим в одной постели, это тебя порадует?

Он тут же покраснел и отвел взгляд. Я не знала, откуда взялись слова. Я смотрела на его потрясение, и весь гнев к нему исчезал.

— Прости, — сказала я. — Боги, Мерек, мне очень жаль. Я не хотела так сказать.

Он ошеломленно посмотрел на меня и покачал головой.

— Нет. Нет, тут виновато мое поведение. Не знаю, что... Прошу, прости меня.

Я кивнула.

— Конечно. Конечно, прощаю.

Как только я сказала это, он собрался уходить, и я окликнула его:

— Я... я бы хотела выпить с тобой. Если ты все еще не против.

Он осторожно кивнул.

— Я возьму вина, встретимся в комнате, — он покраснел сильнее, его кожа была почти алой, когда он кивнул. А потом поспешил к мужским комнатам, а я осталась смотреть ему вслед со странным чувством.

* * *

Он был собран, когда я вошла, сидел на своей кровати, скрестив ноги. Я улыбнулась, чтобы успокоить его, и налила нам вина. Он взял кубок, пробормотав благодарность, и тут же поднес его к губам.

Я села на пол на безопасном расстоянии и пила свое вино.

— Итак, — сказала я, когда стало понятно, что он говорить не собирается. — Это было немного жестоко.

— Нет, нет, это было заслужено. Ты изменилась. Прежняя Твайла никогда бы... — он сказал и уткнулся лицом в кубок. Когда он поднял голову, выражение его лица было серьезным. — Мне не нравится Эррин, — сказал он. — В таком смысле. Да, она мне нравится, но не в романтическом плане.

Я потрясенно моргнула, не зная, зачем он мне это говорит.

— Ладно... — медленно сказала я.

— Может, потому ты хотела прогнать меня. Потому была... так резка со мной.

— Ты подумал, что я ревную к Эррин?

— Нет! Боги, нет. Я тебя достаточно знаю. Я думал, что ты пытаешься защитить Сайласа, так что хотел показать, что я не собираюсь никого расстраивать. Я не собираюсь вставать между влюбленными, — тихо добавил он.

— Ты не вставал между мной и Лифом, — резко сказала я. — Мы знали, что я была помолвлена с тобой. Ты действовал в рамках того, что считал правдой.

— Как и ты.

Я сделала глоток вина и покачала головой.

— Я тебя не виню, — голос Мерека остался тихим, я посмотрела ему в глаза. — И никогда не винил. Тебя использовали. Все мы. Даже я.

Я поднесла кубок к губам, потянув этим время.

— Все это уже в прошлом, — сказала я. — И, если честно, я бы лучше тысячу раз разобралась с твоей матерью, чем с тем, что ждет впереди.

Он поднял кубок, чтобы выпить за меня.

— И еще, — добавила я. — Если бы ты видел их вместе, ты бы знал, что Сайласу не нужна моя или чья-то еще помощь, чтобы удерживать сердце Эррин.

Мерек тихо фыркнул.

— Какой он?

Я подумала о златоглазом юноше, прижимающем Эррин к себе, подавляющем слезы и ставящем ее жизнь выше своей. Я вспомнила его холодную решимость, когда он собрался готовить Эликсир, когда выступил рядом с ней перед матерью и своими людьми. Я вспомнила, как он бросился на Лифа, чтобы защитить ее.

— Он прекрасный. Он хороший человек.

— Надеюсь, мы когда-нибудь встретимся, — он допил и потянулся за бутылкой. Я, что странно, опустошила свой кубок и протянула его. Он замешкался, улыбаясь, и наполнил его. — Тебе не нужно ничего мне доказывать, — сказал он. — Я вел себя ужасно.

— Кстати, в Скарроне я часто пила бокал-другой, пока читала на ночь.

— Ты научилась читать?

— Да.

— Я хотел научить тебя, — сказал он, не глядя мне в глаза. — Если бы мы... После... Я не понимал, почему мать запрещает тебе учиться. Разве может королева не уметь читать?

— Она и не хотела, чтобы я стала королевой. Я лишь была ее средством потянуть время. Она не давала мне читать, делала меня слабой и уязвимой. Как и другими ее поступками. И я не хочу больше говорить о ней. Хотя бы сегодня.

Он согласно кивнул.

— Ты была счастлива в Скарроне?

— Да. Думаю, да. Это странное место вдали от всего. Но этого я и хотела. А какими были твои три дня короля?

— Кошмарными. Я почти рад, что пришел Аурек, — он помрачнел, едва сказал это. — Я не это хотел сказать.

— Знаю.

— Ты вернешь меня на трон, если мы победим? — спросил он, его глаза пылали.

— А кому еще там быть? — сказала я резче, чем хотела. — Или ты думаешь, что лучше создать совет, как в Трегеллане?

Он тут же покачал головой.

— Что с ними поделать? — спросил он. — Они использовали эту ситуацию, чтобы получить золото.

— Бюрократы, — сказала я, мы вернулись к безопасной теме. — Им нет нужды пачкать руки. Лормере от них никогда не было прока, кроме того, что они продавали нам.

— Они должны понимать, что он доберется и до них, — сказал Мерек. — В Лормере мало ресурсов, а в Трегеллане их много. Рано или поздно он накопит големов и золота,

чтобы сделать с ними то, что он сделал здесь.

— Они, наверное, надеются, что кто-то остановит его до этого.

— Ты о нас. Потому что они ничего для этого не делают, — он нахмурился. — А потом? Если мы победим, что мне сделать с ними, если я буду на троне? Они захотят вернуть своих алхимиков.

— Они не уйдут, — уверенно сказала я. — И мы знаем, что у Трегеллана нет армии.

— И...

Я заговорила, позволяя идеям выразиться через слова, используя все знания о Трегеллане и Лормере, все, что я читала и узнала за последние четыре года жизни в обеих странах.

— Предложишь им убежище здесь. Предложишь то, что давали в Трегеллане — дом, выбор применять умения или нет, по желанию. Но со свободой. Трегеллан держал их под землей, во многом из-за Хелевисы. Но никто в Лормере не будет охотиться на них. И они смогут свободно жить здесь. А без алхимиков, платящих Совету Трегеллана, чтобы их скрывали, казна Трегеллана скоро опустеет. Мы для них — единственный торговый партнер, пока они не улучшат корабли, чего они не смогут без золота. Так что им придется подписать с нами соглашение или рискнуть и обеднеть, и мы сможем указать выгодные для нас условия. Ты сможешь использовать аптекарей и знания. Школы. Университеты. Можно создать заманчивые условия для лучших умов здесь. И нужно будет разобраться с нынешним Советом, жители Тремейна, Ньютауна и Тирвитта точно захотят, чтобы их судили. Они не рады после того, что случилось с ними при Совете. Поможешь им создать новый совет. Подпишешь новый договор, выгодный обеим странам. Начнешь заново.

Я выдохнула, глотнула вина, опустошив бокал, немного потрясенная своими знаниями. Мерек не говорил, я увидела, что он смотрит на меня, приоткрыв рот.

— Что?

— Самой большой ошибкой моей матери было недооценить тебя.

— Я не давала ей повода подумать иначе, — я вспомнила недавний разговор с Хоуп. — Я не могу винить ее за то, что она считала маленькой дурочкой.

— Я так не думал, — сказал он. Его взгляд был четким и сосредоточенным. Без длинных волос было видно его сильные черты лица. Его губы словно стали шире.

— Знаю, — прошептала я.

Я смотрела ему в глаза, стены комнаты словно сдвигались, температура повысилась. Пот выступил на моих плечах, в горле пересохло. Я посмотрела на бутылку с вином, оказалось, что мы закончили ее. Щеки пылали, Мерек Белмис все еще смотрел на меня. Он словно видел меня насквозь. Я посмотрела ему в глаза, его язык скользнул по верхней губе, и это движение меня загипнотизировало, я повторила его и услышала, как он задержал дыхание.

Будет ли неправильно, если тут что-то случится?

Я пошатнулась от мысли, словно она была осязаемой.

— Я принесу еще вина, — сказала я, разрушая чары.

— Нет. Утром тренировка. Хоуп попросила меня поработать с тобой. Нам стоит поспать.

Я через миг поняла, что это отказ. К моему удивлению, стало обидно.

— Конечно, — сказала я слишком бодро, встала на ноги, пошатнувшись.

Он поймал меня рукой, жар снова прилил к моей коже.

— Увидимся утром, — я повернулась уходить, его рука обвила мой пояс, заставив меня

обернуться.

— Твайла.

Желудок знакомо сжался, но раньше такого не было от одного моего имени, произнесенного Мерекком. Когда я посмотрела на него, его зрачки оказались огромными в тусклом свете, темные глаза смотрели на меня.

— Если бы ты была не такой пьяной...

— Я не... — начала я, но он продолжил говорить.

— Хорошо. Если бы ты ничего не пила, если бы я был увереннее в том, что случилось, я бы с радостью затащил тебя в постель прямо сейчас. Я давно этого хотел, ты это знаешь.

Я сглотнула.

— Ты говорила когда-то, что если придешь ко мне, то потому, что выбрала меня. Но я не думаю, что сейчас ты можешь делать выбор, — он замолчал и хитро улыбнулся, такой улыбки я у него еще не видела. Это было так внезапно, что я отвела взгляд. — Но если ты придешь ко мне трезвой, потому что решила, что хочешь меня, ты не пожалеешь.

Я взглянула на него, его глаза пылали. Его пальцы на миг сжались на моей талии, а потом отпустили меня.

— Потому что я все еще хочу тебя. И только тебя.

Я выбежала из комнаты раньше, чем сделала то, о чем мы оба пожалели бы.

Глава 20:

Я успела проснуться вовремя, чтобы проводить всех, потому что Ниа устроила кошмарный шум, пока собиралась, так что встать было проще, чем лежать и ждать, пока пройдет головная боль. Когда я вернулась в комнату прошлой ночью, она уже спала, но Эррин лежала на животе на своей кровати со свечой и писала на куске пергамента. Она посмотрела на меня, когда я вошла, и вскинула брови, меня снова наполнил жар, стыд за то, что меня поймали. Я увидела ее связанные запястья и лодыжки, хотя сделать это должна была я. Но она промолчала, только слабо улыбнулась и вернулась к работе, а я забралась в кровать и спрятала лицо под одеялами.

— Итак, ты и король. Пропустили ужин. Вместе. Все заметили. Имилла чуть с ума не сошла, — голос Нии был полон вопросов, пока она спешно запикивала вещи в сумку, едва глядя на них.

— Мы составляли планы. Война на носу.

— Так это называют в Лормере?

— Ниа, — предупредила Эррин, сев и протерев глаза одной из связанных ладоней.

Ниа промолчала, подавила ухмылку, закончив собираться. Я с благодарностью посмотрела на Эррин, она понимающе кивнула.

Когда я пришла с Эррин в столовую, Мерек уже сидел там. Я ощутила, как снова проступает жар, буркнула Эррин, что встречу ее позже, и села со Стуаном, Хоббом и другими ребятами.

Стоило сесть, они встали и поклонились, я увидела, как дрогнули губы Мерека.

— Господа, — сказала я стражам, прося их сесть. — Не стоит формальностей. Я просто хотела поблагодарить вас за тяжелый труд.

Стуан и Хобб сели и кивнули. Пока я ела кусочки хлеба, к Мереку присоединились Эррин и Ниа, а там и Имилла.

Имилла была младше Хелевисы, но старше меня. Старше и Мерека, но разве это важно? Она улыбалась ему, опустив ресницы, я задумалась, как он воспринимает ее. Она знала придворную жизнь, любила ее. Из всех нас только она больше всех скучала по замку. Она стала бы ему хорошей женой.

Я впиалась ножом в бекон, смерила взглядом Хобба и Стуана, они вопросительно переглянулись. Сунув кусочек в рот, я яростно прожевала его. Почему я тратила время, думая о том, на ком женится Мерек, если у меня было много дел? Например, война.

Я не поднимала голову остаток завтрака, слушала краем уха разговор стражей, пока они не замолчали, глядя мне за спину. Я обернулась, чтобы понять, что отвлекло их. И увидела Мерека.

— Готова тренироваться? — сказал он.

Я посмотрела на него.

— А ты сможешь со своей раной?

— Да.

— Тогда увидимся там.

Он резко развернулся, я проводила его взглядом. Я видела, что он пытается скрыть хромоту. Глупо.

Я искренне пожелала удачи Кирину, Ние, Хоуп и Ульрину, поклявшемуся молчать о том, что делает. Мы сделали вид, что они просто идут на шпионскую миссию. Кирин пообещал, что они с Нией вернутся через неделю, что будут осторожны, не задержатся, и Хоуп надеялась прибыть вскоре после них. Несмотря на это, они взяли припасов на две недели, и Эма с подозрением смотрела на нас.

Когда я вышла во двор, Мерек ждал там, прижавшись к стене, казалось, что он разглядывает свое отражение в мече.

— Хорошо выглядишь, — сказала я.

Он скривил губы.

— Если мы обмениваемся комплиментами перед ударами, то ты тоже. Хорошо спала?

— Как бревно, — соврала я. — А ты?

— Не очень. Сны беспокоили. Картинки в голове, которые сложно прогнать.

Я моргнула.

— Жаль. Может, тебе стоит отдохнуть. Ты все еще приходишь в себя от серьезных ран.

— Мы на войне, Твайла. Нет времени на отдых, — он улыбнулся вежливо, это не считалось улыбкой.

— Точно. Мы все заняты. Начнем?

Он фыркнул, почти издал смешок и поклонился.

— Как пожелает госпожа.

Я поклонилась в ответ, и мы принялись кружить. Через миг стало ясно, что он ждет мой удар, и я изобразила удар. Как только он попытался закрыться от него, я задела мечом плашмя его ногу, шлепнув лезвием, и он вскрикнул.

— Серьезно? — сказал он, в уголках глаз появились морщины. Он описал мечом восьмерку и бросился на меня. Я попыталась защититься, но он шлепнул меня мечом по заду.

Я смерила его взглядом.

— Ты шутишь?

— Ты первая начала.

Я закатила глаза. Я сделала пару выпадов, он отбивался, но легко. Сначала я подумала, что он опасается напрягать ногу, я пыталась не утруждать его, чтобы состояние ран не ухудшилось. А потом я поняла, что он сдерживается не из-за себя, а из-за меня. Он не собирался бороться со мной.

Я начала нападать сильнее, двигаться быстрее, делать выпады чаще, но он едва защищался, не атаковал в ответ. Я вспомнила, как они сражались с Лифом, как Лиф играл с ним, заставляя думать, что они равны, и я разозлилась на глупую игру, в которую мы играли друг с другом.

И я напала.

Я пошла против всего, чему меня учила Хоуп, взмахивала и делала выпады, двигалась так быстро, что его меч стал размытым, пока он пытался остановить мои атаки. Я нападала, нападала и нападала, я не знала, откуда взялась эта ярость. Мне просто нужно было ударить, и Мерек принимал удары, он даже не пытался обезоружить меня.

— Отбивайся, — рявкнула я. — Я не хочу доброты. Отбивайся.

Я взмахнула мечом и увидела, что Стуан, Имилла, Эма, Эррин и Хобб следят за нами. Я их знала. Он делал так мало, а я боролась изо всех сил, и вес унижения был сокрушительным. Я замешкалась на миг, опустила меч. Я посмотрела на Мерека, он тоже был расстроен, губы были поджаты, он смотрел то на меня, то на толпу. Когда он все-таки атаковал, я ощутила только облегчение.

* * *

— Как твоя рука? — спросил Мерек, я пронзила его взглядом. Эррин помогала мне в нашей комнате. Мерек выглядел несчастно.

— Хорошо, — Эррин закончила наносить зеленую пасту на неглубокий порез на руке.

— Теперь ты, — сказала она Мереку, я встала, прошла мимо него, а он сел и подставил Эррин щеку.

Я посмотрела ей в глаза, она наносила ту же пасту на порез там.

Я не хотела задеть его. Но я точно видела обвинение во взгляде Эррин, пока она ухаживала за Мереком.

Не сказав ни слова, я оставила их, быстро пошла по коридору к женской гардеробной, чтобы подготовиться к походу в горы. Я выбирала бледно-коричневые оттенки, чтобы сливаться с горой зимой. Высоко над нами вершины круглый год были белыми, коронованными снегом и льдом. Но воды озера Лор, в честь которого назвали страну, были теплыми, земля согревалась от горячего источника под ней, там мы должны были найти желтые камни серы, нужные для Опус Магнума. Я переоделась в тунику и штаны, затянула пояс, выбрала подходящий плащ и обула сапоги. Мои волосы были заплетены вокруг головы, я сделала их цвет тусклее, припорошив пудрой из грецкого ореха и ревеня, которую мне показала Хоуп. Теперь волосы из рыжих стали мутно-каштановыми. Я накинула на плечи теплый коричневый плащ и пошла за Стуаном.

Но у дверей меня ждал Мерек.

— Где Стуан?

— Сторожит Эррин. Ему не хотелось оставлять ее здесь без тебя или Хоуп. Так что я предложил поменяться.

Я нахмурилась. Он был одет почти как я, приглушенные цвета, свободная одежда. На

его плече висела сумка на длинном ремешке.

— Я знаю, где озеро, — сказал он. — Я часто там бывал. Так что я пригожусь тебе.

— Как твоя нога?

— В порядке.

— Нам придется карабкаться.

— Я сказал, все в порядке.

Он не собирался сдаваться.

— Тогда идем. Я хочу вернуться к ночи.

Не впервые я покидала это место под присмотром, но я первый раз шла без Хоуп, Нии или Кирина. Я доверяла Эррин, Стуану, да и всем здесь. Они не были дураками, они не сойдут с ума, пока меня нет. Но я ощущала вину, словно оставляла их без защиты. Мерек, к его чести, не мешал мне думать об этом, пока мы шли по горным тропам мимо лугов, где еще паслись коровы, благодаря горячим источникам в горе, и по тропам, протоптанным козами, порой сталкиваясь с красивыми зверями, сидящими на камнях.

Мы остановились в полдень, солнце над нами было бледным и нечетким. Мерек поделился водой и едой из своей сумки. И мы пошли дальше, час спустя прибыли к озеру.

Пока я была в замке, королева рассказывала о своем озере. В честь него называли страну. Лормера — озеро Лорда. В честь Дэга. И золотые камни устилали землю вокруг него.

Никто не говорил, что тут воняет.

Воздух был тяжелым из-за испарений серы, душил, было в тысячу раз хуже, чем в купальнях, я посмотрела на Мерека слезящимися глазами.

— И это озеро плодородия? — выдохнула я, пряча нос в плащ и делая глубокий вдох. Он кивнул, его лицо было закрыто так, что было видно лишь глаза.

Я покачала головой, придвинулась к воде. Здесь было тепло, вскоре мне пришлось выбирать, хочу ли я смириться с запахом или свариться заживо в плаще. Я сняла плащ и оставила на камне, пошла вдоль озера, дыша ртом. Здесь был один большой пруд, явно для купания, и маленькие вокруг него, как спутники или сопровождающие. Маленькие озера были активнее, бурлили, кипели, их окружали палки с потрепанными красными флажками. Когда я сняла перчатки и опустила в одно из них пальцы, жар показался почти обжигающим, пришлось отдернуть руку и подуть на пальцы.

Когда из одного из маленьких озер вырвался в небо ревуший поток воды, я закричала и упала на землю.

Поток испарился в воздухе, там, откуда вылетела вода, появилась пещерка. Я услышала смех Мерека.

Это унижало, я встала на ноги, стряхнула с одежды золотую пыль.

— Спасибо за предупреждение. Весело смеяться над простолюдинкой, не знающей ничего. Жаль, что твоя мать этого не увидела, — он тут же помрачнел, но я не позволила себе жалеть из-за этого. — Нам нужно выполнить работу, если вы закончили веселиться, Ваше величество.

Он схватил меня за руку и развернул, чтобы я посмотрела на него.

— Прости, — тут же сказал он без объяснений. Просто сожаление и искренние извинения. Я и забыла, что он такой. — Нужно было сказать тебе, что случится, — он замолчал, я пожала плечами в ответ. — Прошу, — он осторожно потянул за руку, прося идти за ним. И я послушалась, дала ему отвести меня от места, откуда вырывалась вода. Он встал за мной, я скрестила руки, и он склонился, чтобы тихо говорить со мной. — Смотри, —

сказал он. — Земля словно дышит. Ты поймешь, когда вырвется вода, потому что это похоже на глубокий вдох. Следи. Вдох, выдох. Вдох, выдох, и каждый раз глубже.

Я следила за водой и поняла, что он прав. Пещера под прудом была как рот, вдыхала и выталкивала воду, бурлящую при этом.

— Уже скоро, — рот Мерека оказался у моего уха, дыхание щекотало его. Я чувствовала запах травяной пасты, что Эррин нанесла на его порез, но не успела подумать об этом, вода вырвалась в воздух.

Я вскрикнула и отпрянула в Мерека. Он рефлекторно обхватил мои бедра, удерживая меня, мы смотрели, как вода летит вверх и опадает, превращаясь в туман и исчезая.

— Заберем камни и вернемся домой, — его голос гудел за моей спиной. Я кивнула.

Он отпустил меня, мы начали собирать камешки, очищая их от грязи, складывая в его сумку. Мы взяли много, чтобы Эррин могла потом выбрать. Мы работали в тишине, хотя я ощущала на себе его взгляды, я и сама смотрела на него, когда думала, что это незаметно, следила, как его длинные пальцы перебирают камни, как он жуёт губу, решая, что брать, а что выбрасывать.

Я взяла последний желтый камешек, уже привыкнув к запаху воды. Я бросила его Мереку, а потом села и вытерла лицо. Ладонь стала влажной и грязной, пот и пар смешались с пылью, я вытерла руку о штаны.

— Думаешь, мы взяли достаточно.

— Скорее всего, да.

Мерек встал и потянулся, закинул сумку на плечо.

— Идем, — сказал он. Он подошел и протянул мне руку, я схватилась за нее. Он поднял меня, и я совершила ошибку, заглянув ему в глаза. Они были голодными, темными, его губы приоткрылись.

Я знала с внезапной уверенностью, что собираюсь поцеловать Мерека.

Он схватил меня за запястья и застыл.

— Слушай, — выдохнул он, я не успела смутиться.

Я послушалась, пыталась уловить что-то кроме грохота моего сердца.

А потом услышала то, что он чудесным образом слышал раньше: голоса и шаги. Отдаленные, но все же довольно близко к нам.

Мы двигались быстро, пригибаясь за камнями, я поспешила убрать свой плащ из виду. Вскоре голоса стали громче. Лормерианские, мужские и грубые. Я не могла разобрать ничего, кроме случайных слов. Тон не был спешным, голоса словно ворчали. Все начало затихать, Мерек повернулся ко мне.

— Что еще рядом? — тихо спросил он. — Детский лагерь?

Я покачала головой.

— Он на миллю дальше на востоке, грубо говоря, за следующим переходом, — я указала на выступ в горе справа, — Там есть путь, по которому проще забираться.

Мерек посмотрел вслед мужчинам.

— Может, была причина, по которой они решили пройти здесь? Обвал на обычной тропе? Оползень?

— Возможно, — я сомневалась.

— Идем за ними. Чтобы убедиться. Люди в горах — плохой знак.

Я кивнула, накинула на плечи плащ, он взял сумку с камнями, мы пошли за мужчинами, забираясь чуть выше, чем они, держась на расстоянии. Их было четверо, они были в черной

форме со звездами. У двоих были большие мешки, но их вес их не беспокоил. Третий нес большой сверток холста, что был явно тяжелее, ведь он шел медленнее, постоянно перекладывал сверток с одной руки на другую, пока четвертый не забрал у него груз. Мы с Мереком не говорили, пока преследовали их по горе, пока не попали в ситуацию, когда пришлось выбирать, двигаться еще выше или ниже, чтобы преследовать их. Вскоре стало ясно, что Мерек не ошибся, мужчины почему-то использовали путь через озеро, чтобы добраться до лагеря детей.

Мы подобрались ближе, Мерек потянул меня за плащ и остановил.

— Где именно держат детей?

— Там сеть пещер, — прошептала я. — Три большие и несколько маленьких, хотя мы не знаем, как глубоко они ведут. В одной из пещер малыши, за ними назначили ухаживать старших девочек. Идем, нужно подойти ближе, я познакомлю тебя с нашими дозорными.

Я забралась выше, пока не нашла узкую тропу, почти полностью скрытую за камнями. Трое мужчин сидели в конце тропы, все резко повернулись с луками и пиками в руках, но расслабились, узнав меня.

— Миледи, — сказали они тихо и хором, когда мы приблизились.

— Талли, Рутя, Серж, — поприветствовала их я. Глаза Сержа расширились при виде Мерек, он попытался поклониться.

— Ваше высочество. Простите, Ваше величество. Хобб говорил, что вы живы... — начал он, попытался поклониться снова, остальные тоже собрались выразить уважение.

— Полегче, — сказал Мерек, и Серж сел, но смотрел на Мерек, как на призрака.

— Мы увидели, что те мужчины шли другой дорогой, — сказала я, указывая на них у маленьких пещер. Я подвинулась, поманила Мерек, чтобы и он мог их видеть.

Вырезанные в серой поверхности камня, пещеры напоминали рты великанов, три в ряд, разделенные большими стенами камня. Снаружи больших пещер стояли шесть человек с луками и ножами, у одного даже был хлыст с множеством хвостов, при виде которого мне стало не по себе. Они расхаживали и переговаривались.

Новоприбывшие подошли к пещере, стражи остановили их, но явно узнали гостей.

— Хотелось бы слышать их, — пробормотал Мерек, я кивнула.

— Такое случается часто? — спросила я у Талли. — Гости?

— Третий раз.

— Третий? Когда был первый?

— Неделю назад, — отозвался Рутя. — Пришло четверо, вошли в пещеры, как и сейчас, — он кивнул на мужчин, заходящих в пещеру посередине.

— Что в тех мешках? Еда? — сказал Мерек.

— Нет, сир. Еду приносили позапрошлой ночью. Первые гости были с пустыми руками.

— Кого там держат? — Мерек смотрел на пещеру.

— Мальчиков. От пяти лет и старше.

Мы смотрели на пещеру, мою кожу покалывало от волнения.

— Они приходили в одну и ту же пещеру?

— Да, миледи, — подтвердил Серж.

— И мы не знаем, что в мешках?

— Нет, миледи.

— Почему об этом не говорилось?

— Мы говорили, миледи. Мы отправляли послание Хоббу, он сказал следить и

приходить тут же, если что-то изменится. Но этого не случилось. Они просто приходят с мешками, позже уходят без них. И мы видели детей, когда их выводили в туалет. Они не ранены. Они выглядели хорошо, здоровее, чем раньше. На некоторых даже одежда была лучше.

— Почему только мальчики? — сказала я, скорее себе, чем ожидая ответ.

Но Мерек ответил:

— Нужно узнать, — он повернулся ко мне с серьезным видом, я кивнула.

Мы остались за камнями, а солнце двигалось над нами по небу. Когда мужчины пошли прочь без мешков, мы прижались к камням, пока звуки их разговора не утихли.

— Миледи, не хотелось указывать, но уже поздно, в горах ночью холодно, — сказал тихо Серж, Рутя и Талли кивнули.

— Он прав, — сказал Мерек, я оглянулась на него, вскинув брови. — Нам нужно идти, — сказал он, но переминался с ноги на ногу.

Я повернулась к мужчинам.

— Я удвою группу здесь. Все это странно, и, если что-нибудь случится, вас должно быть достаточно для сражения, и чтобы кто-нибудь успел предупредить нас. И я хочу сразу узнать, если что-нибудь необычное произойдет. Что-то затевается, я уверена.

— Да, миледи, — сказал Серж.

— Ждите людей завтра. Вам нужно что-нибудь еще?

— Нет, миледи.

— Уверены?

Он кивнул, как и те, кто был с ним.

Мы попрощались и пошли обратно, пригибаясь. Воздух стал холодным, солнце садилось, и я пошла быстрее. У нас не было ламп, да мы и не могли использовать их здесь, а ночь была облачной. Когда мы добрались до озера, над маленькой долиной навис туман, Мерек взял меня за руку и остановил.

— Что такое?

Он промолчал, выжидая, глядя в туман, а потом успокоился.

— Прости, — сказал он. — Я должен был убедиться.

— Ты что-то услышал?

Он покачал головой, я не продолжала. Мы пошли дальше, его хромота стала заметнее, и я без слов потянула за лямку сумки и протянула руку. Когда он без возражений снял ее через голову и отдал мне, я поняла, как больно ему было.

Мы вернулись затемно, остаток пути прошел медленно, отчасти из-за его ноги, отчасти из-за осторожности. Мерек не говорил после озера, я каждый шаг переживала, что он упадет, что его подведет нога. Мы остановились у первых стражей, у вторых, а потом вернулись.

— Слава богам, мы пришли, — сказала я, открыв двери. Он не ответил, я посмотрела на его напряженное выражение лица, губы были сжаты в линию. — Мерек?

— Я в порядке, — процедил он.

— Это я вижу, — не спрашивая разрешения, я обхватила его вокруг пояса. — Тебе нужна Эррин.

Это словно вызвало ее, она появилась, Стуан маячил за ней, держась за рукоять меча. Запястья Эррин все еще были связаны, щеки покраснелись, глаза сияли. Заплетенные волосы выбились и падали на лицо.

— Вот вы где, — сказала она. — Серу нашли?

Я протянула сумку.

— Хорошо, — она радостно улыбнулась. — Потому что я сделала это. Я разобрала Опус Магнум. Я знаю, как сделать яд. Так что, как только принесут все ингредиенты, я сделаю Опус Мортем.

Глава 21:

— Что? — хором сказали мы с Мереком. От удивления он пошатнулся, я поддержала его. Его рука двинулась к моей на его поясе, я, не раздумывая, переплела пальцы с его.

— Я это сделала. Работала весь день. И всю прошлую ночь. Не могла остановиться. Это очень просто, потому что сера и ртуть отменяют друг друга. Нужно просто изменить величины, и...

Она замолчала и посмотрела на почти серого Мерека.

— Балбес. Почему не сказал мне заткнуться? Идем. Помоги ему, — приказала она, обернувшись, Стуану, который тут же послушался. Мерек отпустил мои пальцы и закинул руку мне на плечи, сделал так же со Стуаном с другой стороны.

Мы вели Мерека в его комнату, Эррин шла рядом, отмечала взглядом его симптомы. Его лоб был влажным, когда мы дошли туда, он блестел в свете свечей, которые я поставила на тумбочку, чтобы Эррин видела, что делает.

— Мне нужны руки, — сказала она Стуану, он взглянул на меня для разрешения, а потом ослабил узлы. Эррин потерла запястья, на них были красные следы, а потом повернулась к Мереку.

Она прижала ладонь к его лбу и выдохнула.

— Жара нет, — сказала она скорее для себя, чем для нас. А потом она отошла и закатал его штаны в деловой манере. Его лодыжка заметно опухла, она мрачно посмотрела на него. — Я не говорила отдыхать?

Он пожал плечами, я увидела, как она поджала губы, размотала бинты и осмотрела рану.

— Заражения нет. Тебя явно любят твои боги.

— Или дело в моем происхождении, — сказал он. Мы все замолчали на миг, глядя друг на друга, пока он не издал утомленный смешок. — Простите. Это смешно только для лормерианцев. И меня, — мы все еще выглядели ошеломленно, и он вздохнул. — Потому что мои родители... Забудьте.

Эррин не слушала его, она повернулась ко мне, я покачала головой.

— Сможешь принести из нашей комнаты аптечку?

Я поспешила по коридору, через двор к нам и обратно. Я и не знала, что у меня были на это силы. Стуан занял место у двери, пристально следя за Эррин.

Эррин забрала у меня аптечку и начала вытаскивать бутылочки и флаконы и ставить на кровать. И, несмотря на боль, Мерек попытался сесть. Эррин пронзила его недовольным взглядом.

— Тебе нужно отдыхать.

— Нет уж, — сказал он. — Это почти чудо, я хочу знать, как ты это сделала.

Эррин просияла и подвинула к себе баночку.

— Все просто. В медицине есть равное и противоположное. И можно использовать таблицу Петруция, чтобы обнаружить это. Для каждого элемента, каждого растения. Для всего. Равные исцеляют. Для противоположных важно равновесие. Нужно найти схожие качества и сопоставить. Ртуть и сера — противоположные, они сочетаются. Понимаете?

Мерек согласно кивнул, я лишь смотрела на Эррин.

Эррин закатила глаза и задумалась.

— Ладно. Например, вы отравлены, и лучшим лекарством будет то, что сведет яд на нет, верно? Так что вам нужно равная доза того, что ему противоположно, чтобы отменить его. Таблица помогает выбрать путь, основываясь на лучшем сочетании. А чтобы разрушить что-то, нужно найти противоположности для каждого компонента. Здесь, как и в алхимии, создается зелье, противоположное оригинальному.

Для меня проще не стало, я посмотрела на Мерека, а он кивал Эррин, словно все понял. Стуан был растерян, как и я, и в этот миг я ощутила тепло к нему.

Эррин улыбнулась мне, словно ощущала мою неловкость, и продолжила:

— И мне нужно было только соединить ингредиенты по таблице и достигнуть равновесия.

— Это просто? — сказала я.

— Некоторые части были простыми. Ртуть и сера, очевидно, противопоставлены, и только они здесь минералы. И мне нужно было просто изменить их количество в Опус Магнуме.

— А растения? — спросил оживленно Мерек. — У календулы и вьюнка схожие свойства, в теории, и количество равное. Один уравнивает мандрагора, но что именно?

— Календулу, — тут же сказала Эррин.

— Почему ты так уверена?

— Потому что тис — естественная противоположность вьюнка, — фыркнула Эррин.

— Объясни, — сказал Мерек, и пока Эррин не начала, я встала.

— Простите. Это все интересно, но мне нужно поесть, — сказала я, — и помыться.

Эррин кивнула, но Мерек выглядел уставшим и откинулся на подушку.

— Я отправлю тебе еду, — сказала я ему. — Эррин, ты — чудо.

— Рада помочь, — сказала она. — Теперь нужно, чтобы вернулись остальные, и оставшиеся ингредиенты, и мы это сделаем. Мы сможем убить его.

— С... Опус Мортемом, — сказала я, и она кивнула. — Откуда название?

Она злорадно улыбнулась.

— Я его выдумала. Оно имеет смысл.

— Сайлас будет тобой гордиться, — сказала я.

Искра в ее глазах погасла.

— Да... — тихо сказала она. — Надеюсь, он это увидит.

Я посмотрела на Мерека, умоляя его сделать что-нибудь.

— Расскажешь подробнее? — спросил он. — Я бы хотел узнать, как это работает.

Она рассеянно кивнула, а потом еще раз, уже увереннее.

— Да. Но сначала осмотрим вас, — она взглянула на меня. — У тебя есть какие-нибудь раны?

— Нет. Я в порядке. Просто ужасно устала. Я пойду отдохнуть.

Я замерла на пороге и смотрела, как она открывает баночку и начинает втирать в его раны мазь. Он встретился со мной взглядом, и все внутри меня сжалось. Я кивнула на

прощание и оставила их. Я хотела отправиться на кухни поесть и сходить искупаться. Но вместо этого я пошла в свою комнату, где рухнула лицом в кровать и уснула, даже не сняв сапоги.

Когда я проснулась, комната была пустой, но кто-то снял мои сапоги и накрыл меня одеялом, не потревожив мой сон. Я перекатилась на спину, ощущая тяжесть в теле, и закинула руки за голову.

А потом все вспомнила: мужчины, идущие в пещеры, успех Эррин с Опус Мортемом. Я села и застонала. Было больно, я ощущала пустоту. И запах.

Я искупалась, как и хотела до этого, и заплела волосы. Пока я шла в столовую, чтобы увидеть, не осталось ли что-нибудь после завтрака, я услышала звон металла о металл и, игнорируя разъяренный желудок, свернула во двор, где скрылась за колонной и смотрела, как местные сражаются друг с другом.

Мерек сидел в одном из углов, Хобб был с ним, они общались и выкрикивали бойцам советы. Ряд за рядом людей направлял друг на друга мечи, кто-то успешнее, чем остальные. Я пошла по краю двора к Мереку, следя за ними. Хобб увидел меня и пошел навстречу.

Он тут же заговорил.

— Простите, что не рассказал об активности в пещерах. Я ждал, пока будет известно больше.

— Хорошо. Узнали что-нибудь еще?

— Ничего полезного. Но получили весть, что Аурек, похоже, скрывается. После пожара он заперся в башне, никому не показывается, ничего не делает. Мой шпион там сказал, что слышал, как Аурек ходил на кухню и следил за приготовлением еды, а потом заставил не меньше трех человек попробовать блюда, и только потом поел он. Никого не впускают в его башню, у двери големы, и они сопровождают его, если он выходит.

— А Лиф... Серебряный рыцарь?

— Серебряный рыцарь и шестеро остальных отправились в Скаррон.

Скаррон. Они все еще думали, что я там.

— Это все, миледи, — сказал Хобб. Я кивнула, и он ушел на поле, крича в поддержку воинов.

— Как они? — тихо спросила я у Мерека.

— Для тех, кто никогда не сражался, они справляются неплохо.

— Но этого мало, да? — поняла я по его тону.

— Да, ведь тех солдат учил Лиф, — отметил Мерек.

— Может, стоит разделить их, — сказала я. — Тех, кто хорош в бою, учить и дальше сражаться с мечом, а остальных учить бороться с големами.

— Кто научит... ах, — он улыбнулся. — Конечно. Убийца големов.

— Это не так и сложно. Стоять в стороне и использовать огонь.

Глаза Мерека засияли.

— Да... В замке голем, вошедший в огонь, рассыпался, когда вышел.

— Это высушивает их, ведь они из глины. Так их проще разбить. И огонь раскрывает приказ внутри них. Если его разрушить, они разбиваются.

— Как симулякры. Без алхимии они — ничто.

Я подумала об Эррин, как и Мерек, ведь он сказал:

— Похоже, Лиф сдержал обещание. Он явно уничтожил куклу.

— Наверное, — получил он в ответ. Я все еще не доверяла ему.

— А что с теми, кто плох в любом бою? — Мерек кивнул на бедную Брину, которая могла легко ранить себя, а не врага.

— Мы используем их сильные стороны. Брина — хорошая лучница, она может научить остальных. Пусть делают то, что им нравится. И... если Эррин сделает что-то, чем можно смазать стрелы, какую-нибудь смесь...

— Тогда им лучше стрелять метко, чтобы не навредить нам, — сказал Мерек.

— Они научатся. Кстати, где Эррин?

— Устраивает лабораторию дальше по коридору, — он указал на южное крыло. — Я собираюсь помочь им, когда закончу здесь.

— Смотри, не забудь отдохнуть.

— погоди, — его пальцы обхватили мое запястье, когда я собралась уходить. — Я бы хотел поговорить.

— Не сейчас, — сказала я. — Мне нужно увидеть Эррин. А у тебя есть работа здесь.

— Я тебя найду.

Я кивнула, и он отпустил меня, хотя я еще чувствовала тепло его кожи на моей, он смотрел мне вслед, пока я шла к коридору.

Эррин, действительно, устроила лабораторию, используя всякую стеклянную и каменную посуду, явно взятую на кухне. Она как-то — судя по недовольному виду Стуана, постукивающего по ноге веревкой с ее запястий, он участвовал — перетаскала сюда один из больших столов из столовой и использовала его для работы. В одном конце стояли банки и склянки с травами, растениями, порошками и жидкостями. В центре она подготовила место для огня. В другом конце лежали перья и груды исписанных бумаг. Я подошла и увидела то, что, как подозревала, было таблицей Петруция, нарисованной на плотном пергаменте, который удерживали на месте пустые флаконы и нож.

— Начинаем, — сказала довольная Эррин, хлопнув в ладоши.

— Что ты будешь делать?

— Соберу все, что есть, отмерю нужное количество, приготовлю то, что нужно. И придется сварить свой спагирический тоник.

— Точно. Спагирический тоник. Куда мы без него?

Эррин взглянула на меня.

— Мне нужна для этого розовая вода. Но не косметическая. Мне нужна эссенция розы.

Я вскинула руки.

— Просто скажи, как помочь.

Она улыбнулась, мое незнание веселило ее. Она была в своей стихии.

— Пока все не вернется, готовить зелье я не могу, — она прошла к толпе баночек на другом конце стола и подняла одну. Там был изогнутый корень, который зловеще напоминал человека. — Мандрагора у нас есть, слава Падубу. Добывать ее кошмарно. О, мне нужна кора тиса. Ты не знаешь, тут растет тис?

— Здесь его должно быть много. Опознавать деревья я не умею.

— Отравительница из тебя еще та, — улыбнулась Эррин.

— Я знаю, как выглядит тис, — сказал Стуан, испугав меня. Я забыла, что он здесь. — Из него получают хорошие руки.

Мы с Эррин повернулись к нему.

— Вот видишь. Мне не нужно знать деревья, у меня есть Брина, — сказала я. — Я попрошу ее сходить. Она — дочь создателя луков. Она сама их теперь делает.

— Это она умеет, — сказал Стуан.

— Погодите, — перебила Эррин. — Она делает луки здесь?

Я поняла.

— О, боги, я — дура, — я тряхнула головой. — У Брины может быть тис здесь.

Эррин глубоко вдохнула.

— Тогда все. Тогда у нас будет все.

Я оставила Эррин со Стуаном, он уже меньше вздрагивал от ее движений. Бедняга Стуан, ему словно было суждено охранять то одну опасную девушку, то другую. Я пошла по коридорам, чувствуя волнение. Во дворе тренировалась новая группа людей, я кивнула им, проходя. В воздухе ощущался запах пекущегося хлеба — дрожжей, розмарина и *тепла*, которое всегда источал хлеб. Я заглянула на кухню и увидела, что Эма работает там с Треем, замешивая тесто. Я взяла в кладовой яблоко, еще хрустящее, кислое, когда я откусила его, пройдя в сад, и идеальное.

Я села в саду на землю, шерсть платья защищала от холода. Я попыталась представить, как тут будет весной. А потом задумалась, увижу ли это, увижу ли весну. Последние несколько дней пронеслись вихрем после месяцев медленного планирования и осторожных действий. Близилось время сбора урожая.

Я не удивилась услышав, как кто-то вошел в сад. Я сразу поняла, что это Мерек.

— Помешал?

— Нет.

Он сел со мной, осторожно опустился, вытянул раненую ногу. Я доела яблоко, выкопала ямку в земле и оставила огрызок там. Я чувствовала на себе его взгляд, этот вес был знакомым, как от любимого плаща, снятого летом, но одетого для зимнего праздника. Теплый. Безопасный.

— Что происходит с нами? — спросил он.

— Не знаю, — тут же ответила я. Я ожидала этот вопрос. Я знала, что рано или поздно он решит поговорить.

— Но что-то не так. Это ведь... не только у меня, да?

— Нет, — признала я. — Не только у тебя.

— Я переживал... После прошлого раза я... Я плохо умею читать тебя, — он пожал плечами. — Я уже не доверяю в этом себе. Я был тут всего несколько дней, столько всего произошло, и только потому, что для меня ничего не изменилось... — он замолчал. — Не знаю, что я пытаюсь сказать. Я все неправильно понял в последний раз.

— Не ты один.

— Это другое. Знаю, ты говорила, что твои чувства к... ему никак со случившимся не связаны, но...

— Это не твое дело, — тихо сказала я.

— Знаю. В этот раз я хотя бы это понимаю. Я не хочу, чтобы случилось то, чего ты не хочешь.

— Я не знаю, чего я хочу, — я была с ним честной. Должна была. — Я не понимаю, что во мне изменилось, что это значит. И хочу ли я, чтобы это что-нибудь означало. Да, что-то изменилось, — я посмотрела в его темные глаза. — Но я не могу сейчас думать об этом. Я должна думать о войне, об Ауреке и победе над ним.

— Конечно, — он улыбнулся по-настоящему, обхватил мою ладонь и поднес к губам. — Спасибо.

— За что?

— За правду. А теперь я отдохну, о чем меня и просили многие. Увидимся позже.

Я проводила его взглядом, глубоко дыша. А потом я повернулась к пустому саду и погрузила пальцы в землю.

* * *

Каждое утро я просыпалась с надеждой, что сегодня вернутся Ниа и Кирин, Хоуп и Ульрин. Сначала желание было глупым, ведь прошло мало времени для их путешествий, для сбора того, за чем они отправились, и для возвращения. Но мне ничто не мешало быть глупой раньше, так что каждый раз, когда я слышала быстрые шаги, я невольно думала, что кто-то спешит сказать мне, что они дома.

Я удвоила не только группу у пещер, но и разослала людей по Лормере во все лагеря, чтобы усилить их. Серж и Талли прислали весть, что мужчины приходили и уходили каждые три дня, но они не знали, почему, и они не думали, что детям вредили. Я сказала им следить, докладывать о странном, даже о мелочах. Я не знала, что происходит, и это меня беспокоило. Я знала, что что-то упускаю.

Эррин и Мерек готовили все для Опус Мортема, как могли, Стуан следил за Эррин, но уже не так ожесточенно. Когда Мерек убрал путы с ее рук, чтобы она могла работать без помех, он лишь вскинул брови. Мы уже перестали бояться, что ею могут управлять.

Хобб сообщал, что Аурек все еще скрывается в останках замка, ожидая возвращения Лифа.

Брина поделилась тисовой корой, Эррин отправила Мерека осторожно высушивать ее над огнем, потом она обработала часть коры и добавила к ингредиентам. Эррин сделала спагирический тоник, Мерек обсудил разницу между ним и косметической версией, которой она тоже сделала, чтобы он смог сравнить, а я только смотрела на них, потому что не видела и не ощущала разницы, которая для них была очевидной. Эррин учила Мерека делать Опус Мортем, пока у них была часть ингредиентов, они приступили к работе над припарками и мазями для боевых ран. Как и обещала Эррин, она стала моим аптекарем. Она сделала нечто, что назвала огненной водой. Густая зеленая жидкость источала сильный жар, когда ее зажигали, такой сильный, что я ощутила его лицом в другом конце комнаты. Когда я не тренировалась с Хоббом и не помогала на кухне, я шла в лабораторию, смиренно сидела и наблюдала за их работой, хоть и не понимала ее.

Тяжелый вес ожиданий давил на нас, время шло, и ничего не менялось. Это терзало нас. Дни становились неделями, срок удара приближался, а мы выжидали. Мы не могли подготовиться еще лучше. Брина использовала все кусочки дерева, перья и тетиву, чтобы сделать нам луки и стрелы. Наши мечи и ножи были заточены так, что свистели на тренировках. Эррин и Мерек не могли продолжать без ртути и Сал Салиса, они могли открыть свой магазин с зельями, мазями и лосьонами, которые сделали в это время.

Только Хобб был рад, потому что с каждым днем ожидания бойцы становились сильнее и лучше. Повышался шанс выжить в бою. Но, когда мы не тренировались, ожидание превращалось в зуд, который не исчезал, все чаще вспыхивали споры и ссоры, становилось сложнее поддерживать решимость во всех.

Чем дольше такое продолжалось, тем крепче сжималась на мне хватка стража. Хоуп и Ульрин могли добраться до Таллита за три дня по реке, обратный путь должен был занять примерно столько же времени, хоть и против течения. Так где они?

Как только они ушли, меня начали терзать сны, и чем дольше они отсутствовали, тем

хуже становились кошмары. Каждую ночь я видела их мертвыми, Кирина и Нию пойманными и убитыми. Путешествовать по Трегеллану пешком было опасно и до того, как Совет предложил верность Ауреку. Во снах я видела, как наемники разбивают их головы, пока они спят, как солдаты вешают их на глазах у толпы. Я видела Сестер, прибитых к деревьям у Королевской дороги, но у них были лица моих друзей, и никто не мог им помочь. Утром горло болело от криков, Эррин устала проводить дни за изготовлением зелий, а ночи за вытягиванием меня из бесконечных кошмаров, из-за которых мы обе не спали.

После двух таких недель Мерек без шума переехал в нашу комнату, занял кровать Нии, а Эррин перебралась в его комнату. И теперь меня успокаивала рука Мерека на моем лбу, в его руках я дрожала и плакала, Мерек говорил мне, что это был только сон, повторял это, глядя меня по волосам, пока я не приходила в себя. Он держал меня, пока я не засыпала без снов, уткнувшись лицом в его грудь, вдыхая его запах. Когда я просыпалась, он уже не спал и был в лаборатории.

Мы не говорили об этом; это происходило, преодолевалось и умалчивалось. Если это и утомляло его, он не показывал. Остальные знали, что что-то не так, я будила не только Эррин и Мерека, и они знали, что это связано с пропавшими друзьями, но они не знали, что на кону, как много зависит от их возвращения. Я начала жалеть, что мы не пошли вместе. Мы утаивали секреты, это добавляло слои напряжения, и вскоре моя кожа стала напоминать бумагу, я боялась, что в любой миг улечу.

Наконец, спустя четыре недели, наступила ночь, когда я сидела в оружейной, не собираясь идти спать, хоть было и поздно, и рассеянно полировала уже сияющий меч. Я слышала шаги, которые так ждала. Я бросила тряпку и спрятала меч в ножны, выжидающе развернулась.

Там стояла Хоуп, ее одежда была в пыли, под глазами виделись тени, ее кожа стала серой от усталости. Она пересекла комнату в три шага и сунула мне в руки сумку, камни внутри звякнули, когда я забрала ее.

— Только не прикасайся к ним кожей. Ядовито.

А потом она обняла меня.

Я сжала ее так крепко, что она закричала и отодвинулась.

— Я в порядке, — сказала она. — Дурацкая лодка утонула возле Монкхэма. Оттуда пришлось идти пешком. И у нас успели кончиться припасы.

— Идем, — сказала я. — Вам нужно поесть.

— Я не хочу, — заявила она, отцепила пояс и повесила на стене. — Я хочу вина. И в кровать. Ульрин храпит, как медведь. Сочувствую Имилле. Где остальные?

— Эррин в созданной ею лаборатории. Остальные, наверное, спят.

Ее глаза сузились.

— Ниа и Кири?

— Вы их опередили.

Она нахмурилась, и мне показалось, что я проглотила камни. Все темные видения из моих кошмаров вспыхнули перед глазами. Я переживала не просто так. Я боялась не зря.

— Уверена, они в порядке, — сказала Хоуп.

Но она знала, что слова пусты. Я должна была пойти вместо них. Что случилось с девушкой, писавшей на стенах Шаргата? Зачем я послала Нию, если знала, что она не хотела идти?

— Вина, — твердо сказала Хоуп. — А потом решим, что делать.

Она взяла меня за руки, и мы вышли из оружейной и в коридоре врезались в Нию, повернувшую за угол. Мы с Хоуп отшатнулись.

— Ниа! Ты вернулась! — вскрикнула я, но, при виде ее бледного лица, мокрого от слез, замерла. — Что случилось...?

Кирин появился из-за нее, такой же мрачный.

— Он учит детей сражаться, — сказал он без предисловий. — Он отправил своих людей тренировать их. Мы видели это в лагере в Шаргате, — он посмотрел мне в глаза. — Он заставит их сражаться.

Глава 22:

— Помедленнее, — сказала Хоуп, все следы усталости пропали, она выпрямила спину и скрестила руки перед собой. — Расскажите, что вы видели. С самого начала.

— Повсюду перекрыта дорога, потому мы задержались. Алмвик стал крепостью, пришлось обходить, чтобы попасть в лес, и дорога привела нас близко к лагерю Шаргата, так что мы решили проверить его и Гарельда с остальными, — Кирин говорил тихо, отчитываясь, как солдат, каким был когда-то. — Гарельд рассказал, что мужчины приходят раз в несколько дней, приносят мешки с припасами, последние ушли перед нами.

Я глубоко вдохнула. Это мы видели с Мерекком в пещерах.

— У нас появились подозрения, — продолжил Кирин. — И когда те мужчины пришли после обеда, мы выждали, пока они уйдут, и последовали за ними.

— Что? — разозлилась Хоуп, но я жестом заставила ее замолчать.

— Мы вышли за ними из леса, держались так близко, как только могли. Мы слышали мало, но они говорили о том, что мальчики уже умели, и о том, что будет для них сложным. Один из них сказал, что напишет капитану, что скоро мальчики будут готовы к бою.

— Они сражаются палками, обернутыми тканью, — сказала Ниа. — Такие палки почти не шумят. Гарельд и остальные слишком далеко, чтобы слышать это. Один из мужчин пожаловался, что его ударили, что это больно, хоть там и ткань. Они смеялись над этим. Они сказали, что мальчик, сделавший это, — Эллис — хорошо справляется. Они думают, что он скоро будет готов к мечу. Он и несколько других. Они говорили, что их нужно будет переместить.

— Куда?

— Они не сказали.

— А девочки? — спросила я.

— Аурек не будет учить девочек биться, — сказала Хоуп. — Он не считает их способными.

— Тогда в будущем его ждет ужасное потрясение, да? — сказала я. — Нужно всех разбудить.

Хоуп посмотрела на меня.

— Что будешь делать?

— Нужно забрать детей из лагерей. Всех. Как можно скорее.

Хоуп покачала головой.

— Твайла, ты сама говорила, что это нужно организовать. У нас есть ресурсы только на

один удар. Если мы это сделаем...

— Мы не можем бросить там детей, — сказала я. — Не сейчас. Нужно забрать их в убежище. Это и будет один удар.

— Твайла...

— Если люди узнают, что их детей готовят к бою, они восстанут, — теперь я кричала и слышала свое эхо. — Они восстанут, их убьют, а нас выдадут еще до восхода и схватят до заката. Нам нужны эти дети, нам нужно срочно напасть. У нас есть все, чтобы Эррин закончила Опус Мортем, — я посмотрела на Нию для подтверждения, что они с Кирином ходили не зря, и она кивнула. — Мы отправим весть, что освободим детей завтра ночью, — продолжила я. — А потом... вступим в бой.

— Твайла? — появилась Эррин с тенью Стуана за спиной. Она просияла при виде Хоуп, Нии и Кирина, но застыла через миг, ощутив напряжение. — Все добыли?

— Да, — сказала я, опередив всех. — Но план изменился. Поступила информация, что Аурек учит детей сражаться. Его люди учат их бою. Мы будем сражаться с армией детей.

— Нужно забрать их, — тут же сказала Эррин, я захотела обнять ее.

— Мы заберем, — сказала я. — Буди всех. Сейчас.

Хоуп и Кирин переглянулись.

— погоди, — сказала Хоуп. — Нужно больше информации. Тогда мы решим, что делать...

— Я уже решила, — рявкнула я. — Я не оставлю детей там, чтобы их учили как солдат и использовали как оружие. Вот и все. Нравится нам это или нет.

Хоуп поджала губы.

— Где Мерек? — сказала она. — Ему это нужно слышать.

Я кивнула.

— Наверное, в моей комнате, — сказала я и покраснела, когда Хоуп, Ниа и Кирин уставились на меня.

— Я схожу, — сказал Кирин и побежал по коридору.

Остальные услышали суету, выходили люди, их недовольство сменялось радостью, а потом смятением.

— В чем дело? — спросила Эма, протирая глаза.

— Поднимайте тех, кто еще спит, — сказала я.

— Твайла... — в третий раз предупредила меня Хоуп.

Я повернулась к ней и понизила голос.

— Если бы ты была ими и узнала, что мы скрывали это даже одну ночь, ты бы нас простила? У некоторых там дети.

Она все-таки кивнула.

— Нам нужно собрать всех в столовой, — сказала я. — Сейчас. Это срочно.

— Что происходит? — спросила Имилла, глядя на нас. — На нас напали?

— Нет. Но нам придется атаковать раньше, чем мы думали.

— Когда?

— Завтра ночью, — сказала я. — Первая волна начнется завтра ночью.

Я чувствовала, что Ниа, Хоуп и все смотрят на меня, как на лишенную разума. Минуту стояла идеальная тишина, все ждали, чтобы я... что? Рассмеялась, будто пошутила? Сказала, что передумала? Наконец, они поняли, что я не шучу. Я видела, как понимание расходится рябью по толпе, как по воде. Лица становились каменными, краснели или бледнели. Они

смотрели друг на друга, тянулись руками к рукам, хватались за плечи и талии.

— Я все объясню. Но пока что пусть все встанут, оденутся и идут в столовую, — они начали двигаться, и я нашла Трея. — Сходи к стражам на посту и позови их сюда, — сказала я ему.

— Всех? — спросил он.

— Всех.

Он кивнул и тут же исчез. Я повернулась к Ние.

— Соль принесли?

Она кивнула и сняла мешок с плеча. Я посмотрела на Эррин, она взяла мешок.

— Заканчивай Опус Мортем, — сказала я ей. — Я приду, как только закончу.

Эррин сглотнула, стиснула зубы и повернулась в сторону лаборатории. Хоуп обхватила плечи Нии, улыбнулась мне и повела ее к столовой.

Мерек даже не взглянул на мне, пока шел. Он смотрел на меня, Кирин шагал за ним.

— Что такое?

— Аурек учит детей сражаться. Потому люди приходили в те пещеры, они приносили оружие. Учили мальчиков владеть им.

Мерек задумался.

— Уверена?

— Мы подслушали мужчин, говорящих об их тренировке, — сказал Кирин.

— Нет, в это я верю. Просто... почему дети? У него есть взрослые, есть големы. Ему не нужны для боя дети. Он все еще превосходит нас по количеству. Это не его проблема.

— Будет, если все восстанут против него, — сказал Кирин.

— Всех мы не получим. Нам нужны горожане, а они не смогут и не будут сражаться, пока их дети... — Мерек замолчал, и в этой тишине я поняла, что делает Аурек.

— Потому, — сказала я. — Для этого ему нужны дети. Щит... человеческий щит. Если на его стенах будут солдаты-дети, горожане не нападут. Они не поддержат нас. Они не смогут сражаться.

— Но дети же не будут идти против родни? — сказал Кирин, качая головой.

— Мы не знаем, что им сказали, — пробормотала я. — Может, им сказали бороться, иначе погибнут их семьи. Может, им сказали бороться, потому что их семьи тоже борются. Может, им сказали, что семьи не любят их. Это в стиле Аурика.

Мерек встал рядом со мной, но я не смотрела на него. Я знала, что он, как и я, думает о манипуляциях его матери. Но у меня не было времени думать о прошлом.

— Нам нужно забрать их, — продолжила я. — Мы все равно собирались забрать детей до нападения. Это не изменилось. Просто все ускорило в свете новых сведений.

Они кивали один за другим. Я посмотрела на Мерека.

— Эррин ушла делать Опус Мортем, — сказала я ему. — Она будет рада твоей помощи.

Он кивнул и ушел со встревоженным видом.

— Мужчины приходят раз в три дня? — спросила я у Кирина, он кивнул. — Давно вы покинули лес?

— Мы добирались оттуда два дня.

Значит, завтра они снова будут там. Я быстро просчитала и приняла решение.

— Идемте.

— Что мы делаем? — спросил Кирин.

— Мы идем в комнату стратегий, — сказала я. — Вам нужно узнать, что произойдет

далее, потому что вам следить за этим. Мне нужна моя броня.

Глава 23:

Через полчаса я стояла в кожаной броне перед половиной сотни встревоженных лиц. Кирин был рядом со мной, тоже в броне и с мечом и щитом.

— Аурек учит детей сражаться, — сразу сказала я, и комната тут же заполнилась паникой. Кирин ударил мечом по щиту, они притихли, и я смогла продолжать. — Как только я закончу, группы бойцов отправятся в лагеря, передадут дозорным информацию и увеличат их количество. Всех, кто держит их в плену, нужно убить, никакой пощады. Детей из пещеры привести сюда, в Монкхэме — южнее, в маленький лес. Тех, кто у Шаргата, увести глубже в лес, где был наш старый лагерь, а из Хаги — в лес у южных гор. Они останутся там, пока мы не победим.

Я вдохнула и продолжила:

— Как только лагеря очистят, начнутся восстания, чтобы выманить армию Аурика из замка. Как только это начнется, мы пойдем в Лортуну и пробьем себе путь в замок, где встретимся со Спящим принцем.

— Но ты сказала, что у нас есть два месяца, — сказала Имилла, сидящая рядом с Ульрином. — Едва прошел один.

— Знаю. Но мы не можем позволить детям оставаться в лагерях, если такое происходит. Если горожане услышат, что их детей так используют, они нападут на лагеря раньше, чем мы будем готовы, чем это случится во всей Лормере. А если так произойдет, мы упустим шанс напасть на него. Все должно быть одновременно и в каждом городе, и тогда власть будет у нас. Так что это произойдет завтра.

Тишина звенела в комнате, невероятный контраст с шумом и радостью прошлого собрания. После месяцев выжидания близился тот самый миг, и я ощущала в комнате страх, горький и твердый, как корка апельсина. Так было на пирах при Хелевисе.

— Если не хотите сражаться, я пойму, — заговорила я, не планируя этого, Кирин резко повернулся ко мне. — Я не могу просить вас умирать за меня. Так что если хотите уйти, скрыться, я вас останавливать не стану, — я огляделась, замечая, как много людей не смотрит мне в глаза, и упала духом, потому что это была вся моя сила. Я не была Хелевисой, не была Ауреком. Я хотела, чтобы они выбирали. — Кирин расскажет остальные указания, — я посмотрела на него, он кивнул. — Хобб, ты лучше знаешь, кто здесь умелый. Определите вместе наши команды сильных, разошлите ночью гонцов к другим воинам. А пока что всем лучше идти отдыхать. Поспите немного, если сможете.

Я больше ничего не сказала, оставила их, меня преследовала неподвижность в комнате. Я ожидала, что они начнут кричать, как только я выйду, но они молчали.

Я направилась сперва в оружейную, сняла броню, надетую только для эффекта, а потом пошла в лабораторию.

Горький запах трав вился в воздухе в коридоре, когда я приблизилась, и мне пришлось сморщить нос. Я постучала и открыла дверь.

Хоть запах был тошнотворным, Мерек и Эррин словно не замечали его. Они работали на разных концах стола, перед ними были одинаковые инструменты: огонь, склянки,

бутылочки, флаконы и баночки порошков, бутылки с чистыми голубоватыми жидкостями. Оба управлялись со странной системой трубок и бутылочек и прочих частей, назвать которые я не могла.

Мерек поднял голову, когда я вошла, и от выражения его лица мое сердце чуть не остановилось. Он не улыбался, но выражение исказилось от радости. Он слабо улыбнулся мне и вернулся к работе, поглощенный ею, и я поняла, что впервые что-то отвлекло от меня его взгляд.

Я подошла к Эррин, и увидела, что она готовит серу и ртуть. Эту часть в Конклаве я пропустила.

— Почти готово, — сказала она. — Нужно только дождаться, пока закончится редукция мандрагоры.

Уголки ее рта были опущены.

— Что делает Мерек?

— Опус Магнум.

— Зачем?

— На всякий случай. Это была его идея. Мы готовили его в тайне, и если Сайлас захочет потом использовать его для помощи людям, он сможет это сделать. Я против, но, как и сказал Мерек, это его решение.

Я кивнула. Мысль была умной, я должна была придумать это.

— Я могу чем-то помочь?

— Если хочешь, — она прошла вдоль стола и заглянула в котелок на огне, сморщила нос и скривилась. — Думаю, уже скоро. Ты многое помнишь с прошлого раза?

Я посмотрела на Мерека, он сосредоточенно обрывал желтые лепестки с цветка в керамическую миску, а потом добавил шесть капель того, в чем я узнала из спирагической тоник.

— Эту часть я помню.

— В этот раз ты сможешь увидеть все, пока мы работаем. Мы начнем с ртути и серы. Сайлас поджигал их и собирал дым, но нам нужно вскипятить их и собрать пар.

— Хорошо, — сказала я, уже растерявшись.

Эррин, казалось, знает, что делает, она взяла два каменных блюда, полные раскаленных камней и опустила щипцами в два котелка, полных воды. В один ушли красные камешки ртути, в другой — желтая сера. Она накрыла их крышками, откуда отходили трубки и соединялись с флаконами.

— Я сама их изобрела, — гордо сказала она, поймав мой взгляд. — Пар соберется, станет жидким и осядет в склянках.

— Это чудо, — сказала я, она рассмеялась.

— Спасибо, — сказала она. — Редукция мандрагоры закончилась. Можешь растолочь отвердевшую кору тиса в порошок? — она кивнула на ступку и пестик, я взяла их, подняла тяжелый пестик и принялась толочь.

Мы работали втроем следующий час. Мерек закончил Опус Магнум первым, ему не нужно было ничего отстаивать, и он принялся помогать, забрал у меня пестик, когда мои руки заболели. Эррин пристально следила, как на дне склянок собирается красная и желтая вода.

— Хорошо, — сказала она. — Я готова.

Странный гул словно наполнил комнату, едва слышный, но все равно громкий, он

накрыл нас, словно мантией. Даже Стуан, замерший у двери, словно ощутил его и выпрямился.

— Молитесь своим богам, — сказала Эррин. И начала двигаться.

Она взяла белую миску и вылила одновременно красную и желтую жидкость. Миску она поставила на огонь и потянулась за остальными ингредиентами. Мандрагора, пшеница, цветы, тоник, ангельская вода. Все добавлялось точными движениями. Я взглянула на Мерека, он хищно смотрел, напрягшись, и я обрадовалась, что он может видеть это, делать, как всегда и хотел. Я взяла его за руку, он сжал мои пальцы, не сводя взгляда с алхимии.

Наконец, Эррин развернула кусочек бумаги, где были кристаллы. Сал Салис. Соль солей. Она посмотрела на нас, я задержала дыхание, и она высыпала их в смесь.

Я не знала, чего ждала, но ничего не произошло.

Мерек судорожно выдохнул, он тоже ждал, что что-то случится.

— Опус Магнум не меняется, пока не добавишь кровь, — сказала Эррин.

— Конечно, — сказала я и закатала рукав. — Мне нужно сесть?

Эррин замешкалась.

— Я должна кое-что тебе рассказать. То, что знают только алхимики.

Мерек, все еще сжимающий мою руку, шагнул ко мне ближе.

— Что? — спросил он.

Эррин смотрела мимо нас.

— Расскажи, — попросила я.

— Вы должны знать, что сила алхимии почти целиком содержится в крови алхимика, — сказала Эррин, я кивнула, потому что уже знала это. Так говорила мама. Эррин посмотрела на Мерека. — Кровь — активирующий ингредиент. Эликсир становится Эликсиром, когда Сайлас добавляет свою кровь. Иначе это просто Опус Магнум, базовое зелье. Так и с Опус Мортемом. Он ядовит, да. Он убьет любого смертного. Но для Аурека его опасным делает кровь Твайлы. Понимаете?

— Вроде бы, — сказал Мерек.

— Хорошо. Какова признанная в книгах цель алхимии?

— Превратить основные металлы в другие вещества, — сказал он. — Превратить свинец и железо в золото, используя Опус Магнум.

— И если активный ингредиент в Опус Магнуме кровь...

— Железо в крови человека.

Эррин кивнула.

— Да. Каждый раз, когда алхимик исполняет алхимию, он смешивает кровь с Опус Магнумом, меняя его. И это меняет часть алхимика, — она сделала паузу. — Все они прокляты. Проклятие аурумщиков называется Цитринитас, оно превращает их часть в золото. Настоящее. И они не знают, какая часть будет повреждена. Это может быть палец, ноготь... что-то важное...

И тут я поняла. И понимание ударило меня волнами.

— О боги, — все во мне содрогнулось.

— Погоди... Сайлас?

— Проклятие зельеварщиков называется Нигредо. Это похоже на смерть плоти. Он исцеляет, но страдает сам. Пока это только его руки. Если он продолжит, это могут быть его ноги. Он сможет использовать их, но плохо. И будет чем дальше, тем хуже.

— Думаешь, если Твайла добавит кровь в Опус Мортем, то активирует проклятие? —

озвучил мои мысли Мерек, и я посмотрела на Эррин.

— Не такие проклятия. Она не зельеварщик или аурумщик.

— Тогда кто я?

— Не знаю. Не думаю, что для тебя могли придумать название.

— Когда ты собиралась рассказать нам? — голос Мерека был натянуто спокойным, я себя чувствовала иначе.

— Не было смысла, пока не было всех ингредиентов.

Мерек сжимал мою ладонь так сильно, что мне стало больно, и я отпрянула. Он на миг расстроился, а потом смерил Эррин взглядом, словно и это была ее вина.

— Мерек, — тихо сказала я, он повернулся ко мне. — Я все равно должна это сделать. Ты ведь это понимаешь?

— Но мы не знаем, что произойдет. Ты можешь... — он сглотнул. — Скажи ей, — потребовал он у Эррин. — Скажи, что это подождет, пока она не обдумает и не придет к правильному решению.

Эррин беспомощно посмотрела на меня.

— Если ты хочешь...

— Конечно, нет, — немного хотелось. Но я понимала, что не могу медлить. Но для меня было важно, что они бы дали мне выбор. Что Мерек хотел, чтобы у меня было время обдумать выбор. Я посмотрела на них. — Я выбираю это, — громко сказала я. — Я понимаю, что может произойти. Это не вина Эррин. Перестань кричать на нее.

— Знаю, — он выглядел так разбито, что я потянулась и обхватила его лицо ладонями.

— Я буду в порядке.

Он прижался лбом к моему лбу, положил ладони поверх моих.

— Обещай мне.

— Обещаю.

— А если нет?

— Тогда, надеюсь, ты не будешь злиться на мою ложь.

Он вздохнул, чуть не улыбнувшись.

— Я останусь с тобой.

Я на миг закрыла глаза, а потом отодвинулась от него и повернулась к Эррин.

— Начнем.

Она протянула мне маленький ножик. Пока мы с Мереком говорили, она продолжила работать, разлила зелье в семь склянок.

— По капле в каждую, — сказала она. — Нужно проткнуть палец и ждать, пока выступит капля. Потом я прижму к ней склянку, мы дадим им смешаться.

Я кивнула. Семь склянок — семь попыток убить его.

— Нужно так много? — спросил Мерек, я зашипела на него.

— Готова? — спросила Эррин.

Я вдруг вспомнила комнату Предсказаний, как ждала, пока Ральф возьмет мою кровь. Как странно, что все пришло к этому. Как странно, что теперь я давала кровь для создания яда. Как похоже, но как отличались ситуации.

Я взяла нож и сделала первый порез.

Я вдохнула сквозь зубы, я и забыла, как это больно. Мы смотрели, ждали, пока выступит кровь из маленького пореза. Он расцвел красным, капля не успела побежать, Эррин прижала первую склянку к порезу и наклонила, кровь смешалась с Опус Мортемом. Яд стал

ослепительно-белым, и Мерек смотрел на меня так пристально, что было странно, что у меня не появились синяки, что я еще не закрывала его лицо руками.

— Что такое? — спросила я, лед наполнял вены. — Что со мной происходит?

Эррин взглянула на меня.

— Твои волосы.

— Еще на месте, — я потянула за пряди. — О.

Часть стала белой, как у Сайласа и Аурика. Это было неожиданно среди рыжего. Не могло быть намного хуже.

— Это оно?

Эррин кивнула, Мерек опустил руки и медленно дышал.

— Вот как, — сказал он. — Простите. Я... Слава богам, — он отвернулся и провел руками по голове.

— Больно? — спросила Эррин.

— Нет. Кроме пореза, — я посмотрела на спину Мерека и улыбнулась.

— Хорошо, — Эррин глубоко вдохнула. — Дальше.

Я сделала еще порез, потом еще и еще. Мерек встал рядом и положил ладонь мне на плечо, пока мы работали. Я сделала семь порезов, каждый на другом пальце. Каждый раз, когда я смешивала кровь с ядом, пальцы Мерека сжимали мои плечи, еще прядь моих волос становилась белой. Хотелось бы видеть в зеркало, что происходит. Я не двигалась, следила за Эррин, а она сосредоточилась на соединении Опус Мортема с моей кровью, пока мы не закончили, пока во всех склянках не оказалась моя кровь.

— Я выжила, — сказала я, когда Эррин закрыла последнюю склянку. Она посмотрела на меня, улыбка была на ее губах. Я смотрела, как улыбка сползает с ее лица. Я смотрела, как склянка выскользает медленно из ее рук. Я даже попыталась ее поймать.

— Твои глаза, — выдохнула она, даже не глядя на яд, склянка разбилась, жидкость растеклась повсюду.

Мерек тут же оказался передо мной, а потом и он отпрянул.

— Что с моими глазами? — мой голос был слишком громким и пронзительным.

Стуан шагнул ближе и вздрогнул, увидев меня.

— Что с моими глазами? — повторила я. Я все еще хорошо видела.

Стуан подошел и выхватил меч.

Мерек заслонил меня собой, словно защищая, но Стуан вскинул руку и предложил мне рукоять.

— Смотрите, — он кивнул на сияющий металл.

Я отодвинула Мерека и оказалась у лезвия, осторожно взяла меч и поднесла к лицу.

Не только мои волосы изменили цвет. Мои глаза, когда-то зеленые, теперь были белыми.

Глава 24:

Они смотрели на меня со смесью недоверия, восхищения и потрясения.

— Хватит на меня смотреть, — потребовала я, и они тут же отвернулись. Я подняла меч и рассмотрела свои глаза. Радужки пропали, и выглядело это жутко. С белыми глазами,

бледным веснушчатым лицом и бесцветными волосами вокруг него я выглядела чудовищно. Мертво.

— Чудесно. Что подумают остальные, увидев это? — сказала я. — Они уже боятся. Что они подумают, когда я появлюсь с белыми волосами и глазами?

— Можно это обыграть с точки зрения Донен? — сказала Эррин, Стуан снова посмотрел на меня с не скрытым отвращением. Я встретила с ним взглядом, он тут же опустил глаза. — Можно как-то связать с этим? Что это знак?

Я посмотрела на Мерека, а он, к его чести, не вздрогнул.

— Такое возможно... — сказал он.

— Но?

Он вдохнул.

— Я всегда клялся, что буду поступать не так, как мать. Я не хочу толкать людей к богам. Если люди хотят верить, это их выбор, но я не хочу выставлять это так, словно мы победим только из-за живой богини. Я хочу, чтобы люди сами выбирали веру.

Я улыбнулась ему, он выдержал мой взгляд. Во мне расцвело тепло.

Эррин кашлянула.

— Тогда обсудим это утром. Сейчас все должны быть в кроватях. Уже поздно. Точнее, еще рано, — она тушила огонь и убирала на столе. Мерек принялся помогать ей, я снова посмотрела на свое отражение.

— Думаю, лучше это как-то скрыть, — сказала я. — Будет слишком много вопросов, а все уже на грани.

— Шлем, — сказал Мерек, передав Эррин склянку. — Можно как-то закрыть там прорези для глаз.

Я кивнула.

— Это сработает. И меня придется держать подальше от детей.

— Это будет сюрпризом для Аурека, — развернулась Эррин и улыбнулась. — Когда ты обрушишься на него с белыми волосами, скаля зубы.

Я прищурила жемчужные глаза.

— Так нужно нападать, — бодро добавила она.

— Хоть куда-то это пригодится.

Они быстро закончили уборку, Эррин поставила Опус Мортем в деревянную шкатулку, которую прижала к груди, а потом посмотрела на меня.

— Думаю, нам лучше немного поспать, — сказала я.

Повисла неловкая пауза, никто не знал, что делать, куда идти. Эррин нарушила напряжение.

— Идем, Стуан, пора связывать меня перед сном.

Он недовольно ворчал, Эррин подмигнула мне и вышла из комнаты, он плелся за ней, как щенок.

— Идем, — сказал мне Мерек, протянув руку. Было привычно и необычно брать его за руку.

Мы медленно шли по коридору к комнатам женщин, не говоря. Мы не видели никого, было слышно, как за занавесками остальные спят. Когда мы дошли до моей — нашей — комнаты, он отодвинул штору, и я прошла, вспомнив в последний миг, что Ниа вернулась, ожидая увидеть ее там. Но комната была пустой, и пустота наполнила меня внутри. Мы были одни.

Мерек прошел за мной, и я странно ощущала намного четче свою кожу. Обычно он допоздна оставался в лаборатории, я уже засыпала, когда он приходил в комнату, и я видела его, когда вырывалась из кошмаров. Когда я услышала шорох занавески, я испугалась, что он оставил меня, обернулась, но он вошел со свечой, зажженной от факела в коридоре.

Он поставил свечу на стол у своей кровати и посмотрел на меня. В ярком свете его глаза были голодными.

— Если ты хочешь, чтобы я ушел, я пойму, — сказал он.

Я покачала головой, горло пересохло.

— Ты не против, чтобы я спал здесь?

Я снова покачала головой.

— Твайла...

— Я не против, чтобы ты остался, — выдавила я, голос звучал намного старше, чем я. — Я хочу, чтобы ты остался.

По нему пробежала дрожь, но он стоял и смотрел на меня.

— Или ты хочешь уйти? — я поняла, что он может спрашивать позволения уйти. Что он только хотел довести меня сюда и оставить. — Можешь идти, если хочешь.

— Я не этого хочу, — его голос был низким и чарующим. В спальне.

Когда я протянула руку, он шагнул ко мне, прижал мою ладонь к своей груди, а потом к своей щеке. Я осторожно убрала руку и потянулась к краю его туники, сняла через голову. Он поднял руки, чтобы помочь мне, и я бросила вещь на пол. Потом его штаны, я ослабила пояс, и они скользнули с его узких бедер вниз, он отошел от них.

Теперь была его очередь снимать мою тунику и штаны. Мы в осторожной спешке раздевали друг друга, задевая кончиками пальцев кожу, но не задерживаясь. Когда он бросил на пол мою нижнюю рубашку, мы посмотрели друг на друга, обнаженные, наша кожа тускло сияла в свете свечи.

Он обхватил мое лицо ладонями и прижался губами к моим губам, задержавшись, кожа его груди задела мою. А потом он взял меня за руку и повел к моей кровати. Он забрался под одеяла, я последовала за ним, устроилась рядом, он лег на спину, моя голова была на его плече, одна его рука лежала на моей спине, другая — на талии. Я положила ладонь на его грудь, чувствовала биение сердца, переплела с ним ноги. Не говоря, мы прижались друг к другу, свернувшись, как котята. Я чувствовала, что он хочет меня, я тоже его хотела, болел низ живота, сердце колотилось, как струна арфы. Но мы не делали ничего больше. Рука, лежавшая на моем плече, поднялась и погладила мои волосы, он повернул голову, и на мой лоб опустилась вереница поцелуев.

Я повернулась и поцеловала его впадинку, где встречались шея и плечо, вдыхая его.

А потом, впервые за месяц, я уснула мирно в руках короля Лормеры.

Я проснулась одна и села так быстро, что закружилась голова.

Мерек был одет и сидел на кровати Нии, своей кровати с чашкой в руке, от нее поднимался пар. Он посмотрел на меня и моргнул, на миг испугавшись моих глаз, но потом его взгляд опустился ниже, от его улыбки по моей спине пробежала дрожь.

— Доброе утро, — сказала я.

— Добрый день.

— Да? О боги... — я натянула одеяло до груди и свесила ноги с кровати.

— Все хорошо, Твайла. Все под контролем. Хоуп, Ниа и Кири встали на рассвете и устроили все по твоим указаниям. Шпионы и поддержка отправились, куда нужно было. У

Кирина список тех, кто пойдет вечером, и людей там много.

Я моргнула, раздражение пронзило меня.

— Я должна была видеть это.

— Хороший лидер назначает, — он опустил чашку и подошел ко мне, кровать прогнулась, когда он сел, подвинув меня к нему. — Ты так и делала. Это сработало. Поздравляю.

Я подавила раздражение и выдавила улыбку.

— И кто идет ночью? — спросила я.

Он провел большим пальцем по моей ключице, мурашки побежали по моим рукам.

— Кирина, Хобб, Бриана, Эма, Ульрин... — он перечислял имена. — Стуан и я, — он поцеловал мое плечо.

— Стуан не останется с Эррин?

— Нет, — он сделал паузу. — Останешься ты.

— Что? — я отпрянула от него.

— Я рассказал Хоуп о твоих глазах... не смотри на меня так, я должен был предупредить ее, потому что...

— Ты ходил к ней, пока я спала, чтобы обсудить меня?

— Твайла...

— Замолчи, Мерек, — рявкнула я, он вздрогнул. — Ты хочешь сказать, что после всего, что было между нами, ты пошел организовывать все без меня? Снова? Ты вылез из моей кровати и пошел действовать за моей спиной, управлять моей армией?

— Твайла, прошу...

— Уходи! — закричала я. — Прочь.

Его глаза расширились, мне было все равно. Обернутая простыней, я встала с кровати и пошла искать одежду. Гнев усилился, когда я увидела вещи, сложенные на комод.

— Почему ты все еще здесь? — я повернулась к нему, схватив нижнюю рубашку. — Я сказала тебе уйти.

И он ушел.

Рукав туники порвался, когда я надела ее в спешке, я сорвала ее и бросила в угол комнаты, схватила другую и чуть не порвала ее. Как только я обулась, я вылетела из комнаты бурей, пронеслась по коридору, выискивая Хоуп, Нию и Кирина. Предателей.

Мои шаги гремели по каменным коридорам, предупреждая всех, что нужно уйти с пути, пока я шла туда, где точно были они, собрались и замыслили что-то против меня. Они думали, что теперь я им не нужна? Что я сыграла свою роль? Я распахнула двери в комнату стратегий и нашла их всех там, всех, кто собирался освободить лагерь ночью. Даже Эррин сидела с ними, все повернулись, уставились на меня, а я стояла на пороге и тяжело дышала.

— Если вы думаете... — начала я, и они завопили.

— Ее глаза! Ее глаза! — услышала я стоны Брины.

— Ее волосы!

— Что с ней случилось?

— Она как он!

— Молчать! — прозвенел голос Хоуп.

Они тут же послушались, Хоуп посмотрела на меня.

— Мерек рассказал про ночь? — спросила она.

Он вздрогнул, когда я посмотрела ему в глаза.

— Соизволил рассказать, — процедила я.

Хоуп перевела взгляд с меня на него с задумчивым видом, потом окинула взглядом остальных, я следовала за ней глазами. Все, кроме Эррин и Стуана, глазели на меня, опустив уголки губ, сжав кулаки, не в силах скрыть отвращение. Страх.

— Теперь ты видишь, почему тебе не стоит участвовать в освобождении детей, — тихо сказала она.

Да. Понятнее некуда.

— Я могу надеть шлем, — сказала я. Но было уже поздно.

— Что с тобой случилось? — спросил Ульрин.

— Это произошло прошлой ночью в лаборатории, — сказал Мерек. — Мы делали исцеляющие зелья, часть вылилась на нее.

— И это сделало ее волосы и глаза белыми? — спросила Эма. — Изменило их цвет? Перестаньте, Ваше величество. Мы не вчера родились.

— Вы правы, все было не так, — сказала я, гнев вспыхнул снова, когда она посмотрела на меня и скривилась. Я подавила его, она не была виновата. — Я не могу рассказать всего, потому что это рассказывать не мне. Но если не хотите, чтобы я шла с вами ночью, я не пойду.

— Не мы, девочка, дети, — заговорил за них Ульрин. — Если они увидят тебя... Если им промыли мозги, то будет уже сложно убедить их, что мы на их стороне. Я не представляю, как женщина с белыми глазами будет уговаривать их, что мы не плохие. Как долго это... будет длиться?

— Не знаю. Думаю, это навсегда.

Они зашептались, Стуан заерзал. Я сочувствовала ему.

— Может, так Спящий принц испугается богов, — сказал Хобб, я вспомнила слова Эррин ночью. — Если вы войдете к нему так, как к нам сюда, он отдаст корону и бросит меч.

Некоторые улыбнулись, Ульрин рассмеялся, и я знала, что это все. Все. Я не иду ночью. Я буду ждать здесь, как принцесса ждет, пока ее принц вернется домой. Как раньше.

Я хотела убежать из комнаты, пока не сорвалась и не ранила никого. Я хотела уйти в сад и погрузить руки в землю. Я хотела спрятаться в домике Хоуп и выплакаться.

Я хотела выколоть глупые карие глаза Мерека Белмиса, чтобы он не смотрел на меня так печально, с мольбой.

Но я этого не сделала.

— Расскажите план, — я оставила Стуана, заняла место во главе стола, убедившись, что все смотрят в мои белые глаза, не отводя взгляд, когда они вздрагивали. — Расскажите все. Я хочу знать каждую деталь того, что вы будете делать.

Облегчение было осязаемым, все сгрудились у стола, Кирин заговорил.

Мерек остался у двери, но мне было бы все равно, даже если бы он пошел в океан.

Половина наших людей сейчас двигались бесшумно по стране, чтобы быть на месте для последнего боя, я решила переместить оставшихся в женские комнаты, освободив мужские для детей. Комнаты будут заполнены, но с нами им будет лучше, чем в горах. Все пошли собирать вещи, я вернулась за стол и снова посмотрела на карту.

— Где буду спать я? — подошел ко мне Мерек, говоря тихо.

— Можешь спать, где хочешь. Мне все равно, — ответила я, не пытаясь снизить громкость.

Я чувствовала его взгляд и сосредоточилась на Западном лесе, стиснув зубы, чтобы не сказать ничего больше.

— Прости, — сказал он и ушел, оставив после себя холод.

Я проводила его взглядом и поймала взгляд Эррин. Она вскинула брови, я нахмурилась и посмотрела на карту, заставляя себя думать о запланированных путях.

Мы собрались позже, ненамеренно отправились на кухни, сделали ужин, нарезав овощи, передав специи, нарезав хлеб. Мы вели себя как семья, а когда мы собрались есть, я села с Эррин и Стуаном, втиснувшись между ними, отказывая признавать, что Мерек здесь. Я игнорировала его, а вскоре и остальные отвернулись от него, понимая, что он потерял мое расположение. Я вспомнила слова Хоуп, что они выбрали меня, но это меня не радовало.

Знаю, я вела себя по-детски, у нас были проблемы серьезнее, но я не могла потушить огонь внутри. Я доверяла ему и Эррин больше всех. Я думала, что он знал меня и понимал. А он поступил так же, как Лиф, как королева, как моя мать. Принял решение за меня.

Он лишил меня шанса быть там, чтобы начать свой план. Он приказывал моим людям, отсылал группы, не советуясь со мной. Он забрал власть. Я не могла простить его за это. Может, я и не смогу его простить.

Как только ужин закончился, как только миски опустели, они ушли, надели броню, комната быстро опустела. Мерек задержался, пытался поймать мой взгляд, но я оставалась среди них, смеялась и общалась с ними. Я двигалась среди них, помогала завязывать части брони, передавала перчатки, когда меня просили. Я обнимала их, похлопывала по плечам, даже поцеловала Стуана в щеку. Мерек в углу одевался один, как и у всех, его броня была разномастной, сделанной из кусков брони и всего, что мы могли найти. Но на нем она смотрелась хуже всего. Может, потому что он был королем, и его одеяние должно было выглядеть лучше, или потому что он был в стороне. Я не знала.

Наконец, они были готовы. Все замолчали, глядя друг на друга.

— Удачи, — сказала я. Других слов не было. — Возвращайтесь невредимыми. Все вы.

Стуан, Кири и Хобб поклонились, другие кивнули. Бравада ушла, сменилась решимостью и страхом. Лица людей передо мной выглядели одновременно моложе и старше, когда Ниа улыбнулась из-под уже потрепанного шлема, я увидела в ней девочку, а потом она стала выглядеть как старушка. Они повернулись уходить, мы с Эррин следовали за ними до дверей.

Они начали уходить в ночь, я окликнула Мерека, хоть я не планировала этого.

— Мерек. Стой.

Он замер и обернулся, осторожно глядя на меня. Эррин оставила нас одних. Я пошла к нему, а он — ко мне. Мы встретились посередине. Я долго смотрела на него, не могла подобрать слова, отчасти хотелось ударить его и отправить в путь.

— Я все еще злюсь за тебя, — начала я.

— Знаю, и...

— Дашь мне закончить? — сказала я, и он кивнул, опустил голову. — Я все еще злюсь на тебя. Ты оставил меня в стороне от моего плана. Нужно было разбудить меня, чтобы я участвовала. Чтобы я отдавала приказы. Я долго добивалась их доверия, Мерек. Ты даже не знаешь, — он поднял голову с вопросами во взгляде, но я не позволила ему озвучить их. — Знаю, ты — истинный король Лормеры, но здесь и сейчас власть у меня. Мое королевство. Мой народ. Недели планирования, обучения и риска. А ты забрал у меня контроль, не подумав.

Он кивнул, но смотрел мне в глаза.

— Мне очень жаль, Твайла. Я бы отдал все, лишь бы вернуть твоё расположение.

Исправить ошибку.

— Я рада, что ты это чувствуешь, — сказала я. — Для начала, вернись невредимым, чтобы я несколько дней ещё смогла позлиться на тебя из-за этого. Я понятно выразилась?

Он смутился на миг, а потом улыбнулся. Искренне.

— Тебе многое ещё нужно сделать, Мерек Белмис, — сказала я. — Так что увидимся утром. Хорошо?

— Как прикажете, миледи, — он поклонился и улыбнулся, а потом побежал за остальными, они его не дожидались.

Я смотрела, пока не угас блеск их брони, а потом закрыла двери.

В столовой не было никого. Брон и Дилис, да и Имилла, ушли спать. Я пошла по коридору, направляясь к своей комнате. Эррин там не было, а я была слишком беспокойна, чтобы уснуть, так что я ушла на кухню, взяла вино и два кубка. Я принесла их в лабораторию, уверенная, что найду там Эррин, и почти у дверей услышала её ворчание. Я невольно улыбнулась.

Но улыбка пропала, когда что-то в комнате разбилось, и она закричала:

— Нет. Пожалуйста, нет.

Испугавшись ужаса в её тоне, я ускорила и вбежала в комнату.

Эррин стояла одна, перед ней была шкатулка с Опус Мортемом. В одной руке она сжимала флакон, я увидела, как она бросила его на пол и раздавила ногой, осколки и жидкость присоединились к остальным. Она посмотрела на меня со слезами на лице и потянулась к другой склянке.

— Что ты делаешь?

Она смотрела на меня, подняла второй флакон, жидкость засияла белым на свете.

— С ними что-то не так?

Она бросила его на пол и раздавила.

— Эррин? Эррин, прекрати!

Я бросилась к ней, она схватила третью склянку, крича: «Помоги!», — и бросила её в меня. Я пригнулась, флакон врезался в дверную раму справа от меня и взорвался.

— Мы ошиблись, — проскулила она. — Мы зря меня не связали.

Симулякр.

Я бросила вино и кубки, подбежала к ней и выхватила шкатулку из её рук. Но она тянулась к ним, я толкнула коробку в её пальцы, прижала оставшиеся две склянки к груди и в ужасе попятилась.

— Ты должна меня отключить, — она пошла ко мне, стекло хрустело под её ногами. — Прошу. Ударь меня чем-нибудь. Это не прекратится. Я не могу.

Я пятилась, пока не услышала снаружи шаги.

— Твайла?

— Имилла, слава богам! Слушай, нужно...

— Она здесь, — победоносно сказала Имилла. — Внизу.

Эррин поняла, что происходит, раньше меня.

— Беги, — сказала она, бросилась ко мне, и я оказалась в коридоре между ней и Имиллой. — Оттолкни меня и беги.

Я оглянулась на Имиллу, рядом с ней стоял Лиф в черном, с повязкой на правом глазе,

за ним было еще шесть человек.

— Сволочь, — закричала Эррин. — Я тебе поверила. А ты — зараза, хитрая сволочь. Ты за это заплатишь.

— Да, она заплатит, — Лиф повернулся и махнул одному из своих людей.

Имила не успела обернуться, мужчина вонзил кинжал в ее грудь.

— Не жалей ее, — сказал Лиф. — Она неделями писала королю Ауреку. Она поведала ему, что Мерек жив и здесь с тобой. Она вызвалась быть его шпионом, если ей вернут титул и дом. Жаль, но король Аурек не поощряет двуликих.

— Но доверяет тебе, — сказала я.

Лиф помрачнел.

— Очень хитро. Очень умно. Жаль, ты ее не раскусила.

— Я не умею видеть людей насквозь, — сказала я.

Я посмотрела на женщину на полу, жизнь вытекала из нее, она раскрывала рот, как рыба.

— Прости, — я повернулась к Эррин, оттолкнула ее и побежала. Я слышала сзади шаги, пока летела по коридору, по двору, к оружейной.

Там я схватила меч с крюка и развернулась вовремя, Лиф вошел в комнату.

Он вскинул брови.

— Будешь со мной сражаться? — спросил он.

В ответ я вытащила меч из ножен и вскинула его.

— Твайла... — сказал он.

Я не ждала, пока он вытащит меч.

Я бросилась на него, он отпрянул, лезвие почти попало по нему.

— Твайла... — попытался он снова, но я напала с его слепой стороны, ударила по его руке. Я не пробилла его кожаную перчатку, но хотя бы попала, этого хватило, чтобы он отскочил и выхватил свое оружие.

Я замахнулась в третий раз, он легко отбил удар, меч столкнулся с моим, послав дрожь по лезвию, мою руку жалило.

Я снова слышала шаги. Двое его мужчин появились на пороге. Они посмотрели на нас, один ухмыльнулся, распаяя мой гнев. Мои губы растянулись в ярости.

Лиф оглянулся через плечо, и я снова напала.

В этот раз его меч врезался в мой с такой силой, что я потеряла клинок, он вылетел из моей руки на пол.

Я бросилась за мечом, за своей единственной надеждой. Лиф схватил меня за руку и повернул лицом к себе. Он забрал склянки из моей левой руки. Он бросил их на пол и растоптал.

— Нет, — я склонилась, словно могла собрать остатки.

Он поднял меня.

— Все кончено, Твайла.

— Мерек... — прошептала я.

— Встретит не то, что ожидал, в пещерах.

Я посмотрела на осколки. Все, над чем мы работали, пропало. Мои люди шли в ловушку. Я посмотрела в его глаз, а он смотрел на меня, не вздрогнув.

— Мы оба теперь выглядим иначе, — он указал на свой глаз. — Но ты все еще красива. Про меня так уже не скажешь.

— Катись в ад, — прошептала я.

Люди, стоявшие за ним, следили за нами.

Лиф склонился.

— Почему ты решила, что мы еще не там? — спросил он.

Он поцеловал меня в щеку, задев повязкой мое лицо, отстраняясь.

Я подняла руку и ударила с силой его по щеке, звон разнесся по комнате, и я услышала, как вдохнули его люди.

Напоследок я увидела, как он взмахнул рукой, висок пронзила резкая боль. А потом — ничего.

Глава 25:

Проснувшись, я поняла сразу, где я. Сперва мне показалось, что не прошли те полгода, что я здесь, потому что Хелевиса поймала меня с Лифом, и меня протащили по коридорам на виду у всех. А потом голова заболела, и я вспомнила. В подземелье пахло все так же затхло, едко, как в лисьей норе. Воздух все еще был влажным и холодным, как и летом. Я подозревала, что и солома, на которой я лежала, та же.

Я села и попыталась осмотреться, услышала при этом рычание в темноте.

— О, заткнись, — прошипела я зверю.

Тихий смех раздался в тенях, я услышала щелчок огнива.

В искрах перед тем, как зажегся огонь, я увидела белую вспышку и два золотых диска, сияющих, как глаза животного, между прутьями решетки. Свеча зажглась, и стало видно лицо Аурика, Спящего принца.

Он сидел перед камерой во тьме и, казалось, ждал, пока я проснусь, но я не знала, как долго была без сознания. Рядом с ним был один из псов Хелевисы, его ладонь с длинными пальцами лежала на голове зверя.

— Здравствуй, Твайла, — сказал он, голос был красивым и чарующим, как я и помнила. — Я ждал встречи с тобой.

— Ты, должно быть, Аурик.

— Да, — он поднял свечу и посмотрел на меня. — Ты долго спала. Я беспокоился, что Лиф слишком сильно тебя ударил. В висок, — он поднял руку к своей голове и постучал по боку, серебряные волосы затрепетали от движения. — Это опасно, — продолжил он. — Нужно быть осторожнее, — он склонился, вглядываясь в меня, склонив голову, как птица. — Я не знал, что у тебя были белые глаза. Лиф не говорил этого. Мне нравится. словно кто-то убрал глазные яблоки и заменил их жемчужинами, — он замолчал, словно ждал, что я поблагодарю его за комплимент. Когда стало ясно, что этого не случится, он продолжил. — Может, так я и сделаю с твоим черепом, когда сгниет твоя плоть. Вставлю жемчуг в глазницы. А рубины в рот.

Я сохраняла каменное лицо.

— Я сделаю корону из твоих ребер, — продолжил он. — И скипетр из берцовой кости.

— Мне все равно, что ты сделаешь с моим скелетом. Я его после смерти использовать не буду.

Он рассмеялся, звук был веселым и бурлящим, эхом разнесся по подземелью.

— А мне говорили, что ты жалкое тихое создание.

— Была когда-то.

Он посмотрел на меня, я глядела в ответ, рассматривая его, пока он делал так со мной. Из-за ширмы в храме из костей я почти ничего не видела, а теперь заметила жуткую схожесть с Сайласом. Если бы Сайлас отрастил волосы, или Аурек остриг свои, они бы походили на братьев. Он был красивым, как и Сайлас, но ухоженным, собранным. Как и у Мерека, титул придавал ему блеска.

— Не думаю, что Лиф обрадуется, — пробормотал он, я взглянула ему в глаза.

— Что?

— Если я затащу тебя в постель.

— Для этого я должна быть трупом, — холодно сказала я.

— Как свою невесту, дурочка, — сказал он. — В твоих венах есть власть. Как у меня. Я бы хотел увидеть наших детей. С тобой... Я создаю жизнь, в твоей крови, если она как у твоей предшественницы, есть сила одолеть Эликсир. Может, наши дети могли бы поднимать мертвых, — рассуждал он, я подавила дрожь. — Мы бы сделали маленьких некромантов. Мы бы захватили все. У них были бы серебряные глаза... — он улыбнулся. — Только представь.

Я подавила ужас от его слов.

— Для того ты здесь? Сделать предложение? Женить меня на себе, и тогда все закончится?

— Лиф сказал, что ты стала бы королевой. Я могу сделать тебя королевой. Навеки, с Эликсиром. Если мы родим зельеварщица, то ни о чем не нужно будет беспокоиться.

Я уставилась на него, не в силах скрыть отвращение, он был невинно удивлен этим.

— Тебе это так неприятно? Я предлагаю тебе шанс жить.

— О, это ужасно. Но, — замолчала я, — в остальном, твои слова неплохи.

Он прищурил золотые глаза.

— Это как?

— Обычно не посетители предлагают сделки, — сказала я. — Им это не нужно. Значит, что-то пошло не так, как ты надеялся.

На его лице на миг пропали эмоции, он напомнил статую.

— Странно говорить, когда ты сидишь в клетке.

— А кого нет в клетке? Вот это меня интересует.

— Думаю, прежняя Твайла мне понравилась бы больше, — сказал Аурек. Он ловко встал на ноги. — Последний шанс. Присоединишься ко мне?

— Они сбежали, да? — я растянула губы в улыбке, но без веселья. — Остальные. Они одолели твоих людей.

— Я законсервирую твое сердце, а потом съем с икрой и перепелиными яйцами, — прошипел Аурек сквозь прутья, теперь его скривившееся от гнева лицо было демоническим. — Я с радостью съем его.

Я заставила себя смеяться, громко, глядя на него. На миг показалось, что он откроет дверь и убьет меня, но он развернулся в ярости, пес следовал за ним. Он забрал с собой свечу, я осталась хохотать во тьме.

Следующий посетитель пришел позже, я не знала, сколько времени прошло. Но я его ждала. Когда я увидела свет на стене, я села и смотрела, как приближается Лиф.

Я заметила драматическую иронию ситуации. Я снова была в подземелье, но другой мужчина смотрел на меня с разочарованием в глазах. В глазе, в случае с Лифом. Я снова

удивилась тому, как все прошло по кругу, как все дороги вернули меня в замок Лормеры, к яду и предательству.

— Где Мерек? — спросила я, потому что с Лифом не было смысла притворяться. Я с ним и не притворялась, и это было большее всего.

— Мы не знаем, — сказал он, потому что и ему не нужно было притворяться. Больше. — Он и люди с ним попали в засаду, ты уже слышала об этом. Некоторые пали. Многие выстояли. Но мы их найдем.

— Кто пал?

— Не могу сказать, — он помрачнел. — Мерек сбежал. И Сестра.

— Ниа и Кирин?

— Я не видел их тела.

— А дети?

Он напрягся.

— Я не из твоего, так называемого, Восхода, Твайла. Я тебе не отчитываюсь.

— Нет. Ты отчитываешься Спящему принцу.

— Да, — он кивнул. — Это так.

— Так они победили? Восход? Они освободили их? Можешь рассказать, твой *король* мне уже намекал. Он предлагал мне присоединиться к нему. Как невесте. Родить ему детей. Значит, тогда я стала бы твоей королевой?

На лице Лифа не было эмоций.

— Он, наверное, надеялся, что я соглашусь и подавлю Восход. Они, наверное, нашумели.

— Восхода уже нет. Все кончено. Сбежавших найдут. А если кто и попытается изображать твоих мятежников, это ничего не изменит, Твайла. Как только ты умрешь, как только умрет Мерек, ничего не останется. Все будет кончено.

Я опустила голову, показывая расстройство, но я не хотела, чтобы он увидел, что я уловила то, чего он не сказал, в словах между угрозами. Мятеж произошел. Один из городов, а то и все, восстал. Потому он так говорил. Солнце взошло. Может, Восход еще продолжался.

— Ты хоть скажешь мне, где Эррин? — я попыталась сделать голос подавленным.

Сработало, потому что он ответил:

— В клетке. Но не здесь. Она тоже ждет суда, но Его светлость пообещал помиловать ее в награду мне за то, что я принес тебя ему.

— Она тебя никогда не простит.

— И не нужно. Но она — моя младшая сестра. Ее жизнь важнее, чем ее прощение.

— Зачем ты здесь? — я снова посмотрела на него.

— Я принес тебе ужин. И платье для завтра. Если ты не хочешь, чтобы все видели тебя такой, какая ты сейчас, — он опустил свечу достаточно далеко, чтобы я не могла дотянуться до нее, и подошел к груди на полу. Он вернулся, просунул грудь красной ткани сквозь прутья, за ней последовала тонкая фляга с водой и мешок, где, наверное, была еда. Я посмотрела на эту грудь, а потом на него.

— Завтра?

Он кивнул. Это было логично. Моя смерть подавит мятеж. Чем дольше я живу, тем дольше они надеются...

— Я буду тебя казнить, — сказал он.

Я подумала, что ослышалась.

— Я — лучший вариант, — сказал он, когда я продолжила смотреть на него. — Это будет хотя бы быстро.

— Ты убьешь меня?

— Я тебя казню, — исправил он.

— А есть разница?

Его губы дрогнули, он почти улыбнулся.

— Нет. И ты это знаешь. Ты помнишь.

Я не напомнила ему, что никого на самом деле не казнила. Впервые с моего пробуждения здесь я ощутила страх. Я смотрела на него, его лицо в шрамах с повязкой на глазе. Его волосы теперь были короче. Я едва узнавала его.

— Как ты это сделаешь?

— Мечом.

Я кивнула, словно принимала это, но внутри дрожала.

— Что будет, если я скажу Ауреку, что ты пощадил меня в храме из костей? — спросила я. — Что он сделает?

— Наверное, сперва разозлится. Но теперь ты здесь, результат тот же. Ничего это не изменит. И задержка лишь позволила нам получить бонус, раскрыть большое число мятежников, которых мы могли не заметить, если бы схватили тебя тогда. Для нас все закончится хорошо.

— Ты из тех, кто всегда приземляется на ноги, Лиф.

Он ударил кулаком по прутьям.

— Разве?

Я не знала, почему из всего, что я ему сказала, его разозлили именно эти слова, но так было, и я опешила, потому что до этого он был спокойным и сдержанным. Без эмоций. Но это был Лиф, кричавший на меня на лестнице в моей башне, поцеловавший меня, просивший прощения. Глаз Лифа пылал, как рассвет.

Я глубоко вдохнула.

— Мне так кажется.

— А ты не думала, что все это по твоей вине? — его голос был низким, гортанным, слова вылетали быстро. — Если бы ты просто... — он оглянулся за плечо, а потом заговорил едва слышно. — Я бы не встретил его, будь я с тобой. Этого не случилось бы, если бы ты послушалась меня. Это ты виновата.

— А если бы ты не попытался уничтожить меня, мы бы сейчас жили к Тремейне с твоей мамой и Эррин, — сказала я. — Ты сделал это. Со всеми нами.

Он помрачнел, потеря проступила на нем на краткий миг. А потом он развернулся и пошел прочь, ничего не сказав напоследок. Он оставил свечу, но вряд ли нарочно. Я снова осталась одна. Выбраться не было шанса.

В платье, что принес Лиф, я была в день, когда он впервые поцеловал меня, и я знала, что он сделал это намеренно, чтобы в последний раз ударить по лицу. Я представила, как он роется в шкафу, находит его, выбирает с умом. Я не знала, приказал ли ему Аурек быть тем, кто убьет меня, или он вызвался сам. Я сжала платье в руках.

Я не хотела надевать его, но он был прав. Я не хотела, что лормерианцы видели меня в изорванной грязной тунике и старых штанах. Может, я еще могла принести добро, стать им символом. Так что я надела платье, с удивлением обнаружила, что оно стало тесным на руках и плечах, где стали сильнее мышцы после тренировок. Я провела пальцами по

волосам, водой из фляги и старой нижней рубашкой я вытерла лицо, как только могла. Я задрожала, когда вода потекла под платье, которое было слишком тонким для зимы. Оно было задумано для солнечных дней, мне не принесли плащ. Но я же не успею умереть от холода, да?

После того, как я оделась и допила воду, принесенную Лифом, из-за угла появились четверо мужчин. Они вошли в клетку, словно я была диким зверем, смотрели на мои глаза, тыкали меня мечами, чтобы я развернулась. Я была удивлена, что меня считали такой опасной, и я не сдавалась, пока один не ударил меня по лицу. Я пошатнулась от удара, и они воспользовались шансом, поймали мои руки и связали за спиной.

Как только меня связали, меня повели из подземелья к лестнице. Мы поднимались, и я уловила запах старого дыма. Мы вышли на свет зимнего утра, я оглянулась и увидела развалины замка Лормеры, две башни еще стояли, но половина крепости и еще две башни были разрушены. Почти весь камень почернел, от этого вида я невольно опечалилась. Меня повели дальше, втокнули в карету на колесах, которую тащил осел. Там не было места, чтобы сесть, едва можно было стоять. Карета поехала, я упала и ударилась о прутья, прикусила язык. Мужчины засмеялись, я плюнула в них кровью. Я встала, схватилась за прутья и смотрела, как мы едем к главным воротам.

Никто не стоял у дороги к городской площади. Я видела там казни до того, как пришла в замок, раньше там были толпы. Люди приходили со всей Лормеры на большие казни. Но сегодня не было никого, только я и стражи. Может, Аурек запретил им приходить. Но не было смысла казнить меня публично, если не было зрителей. Я смотрела на дома и магазины, пока мы проезжали их, ожидая увидеть людей в окнах, если не на улицах, но никого не было. Город словно был заброшен.

Ветер ножами летал по площади, заставляя знамена Аурека с тремя звездами громко хлопать, ударяться друг о друга. Я тут же посмотрела на него, он один сидел в ложе с четырьмя големами снаружи. Он делал вид, что ему скучно в кресле, он разглядывал ногти. Он был в золотой одежде, волосы стянул в низкий хвост под своей короной. Корона Мерек. Я огляделась и увидела еще больше големов. Я насчитала пятнадцать. Этим мне было видно.

Он боялся. До сих пор.

А потом я посмотрела на другую часть площади.

Здесь были люди, которых я нигде не видела, сотни людей. Его солдаты, казалось, привели всех мужчин и женщин Лортуны на площадь. Люди стояли плечом к плечу, окружали помост с широкой деревянной подставкой в центре. Дерево уже было в темных пятнах. Я поежилась.

По виду людей было ясно, что они не хотели быть здесь. Все лица были мрачными, с тяжелыми взглядами, поджатыми губами, но они стояли и смотрели на подставку. В Лортуне не было видно восстания. Я ощутила ужас. А если я ошиблась, и никто не восстал? А если Восходу пришел конец? А если все кончится здесь?

Нет. Что-то происходило, Лиф почти сказал это. И Аурек боялся. Я знала. Он бы не делал предложение, если бы побеждал.

Когда дверь открылась, я спокойно ступила вперед, представила, что мой скелет сделан из железа. Я прогнала страх. Я никогда еще так не боялась, как сейчас, никогда еще во мне не было такой бури, такого желания убежать, хотя бы попытаться. Я не пораду его так. Когда один из его мужчин грубо схватил меня за руку, из толпы донеслось низкое шипение.

До этого они молчали, не кричали, не обзывали меня. Они ничего не говорили. А теперь этот тихий звук придал мне смелости.

Толпа расступилась, я пошла к платформе, глядя людям в глаза, улыбаясь им. Они шептали «миледи», когда я проходила, и опускали головы. Никто не боялся моих белых глаз. Никому не было до этого дела. Вместо этого они улыбались, кланялись, источали любовь.

И я знала, что после этого Аурек убьет их всех.

Когда я дошла до вершины лестницы, я повернулась к ним, раздалось новое низкое шипение, угрожающее.

Прибыл Лиф. Он был в черном, на лице не было эмоций.

Его меч — меч Мерека — был в руках.

Он не смотрел на меня. Он медленно и тяжело поднялся на помост, словно он был приговорен к смерти, а я поняла, что, наверное, здесь его выпорол Аурек. Наверное, часть пятен крови, на которых я стояла, была с его спины.

Весь страх, что пропал, когда я улыбнулась людям, вернулся.

Я умру.

Сейчас. От рук того, кого первым полюбила.

Так не честно.

Я ошеломленно смотрела на него и заметила что-то, похожее на сожаление, в его глазах.

— Пусть встанет на колени, — приказал Аурек.

Лиф посмотрел на меня так, словно ожидал, что я сделаю это, но я покачала головой. Он надавил на мое плечо. Я боролась, но он давил.

— Тебе нужно встать на колени, — сказал он. — Ты не захочешь стоять при этом. Прошу.

Обреченность в его голосе — и доброта — заставила меня опуститься на колени, словно я растаяла.

— Твайла Морвен, Пожирательница грехов Лормеры, — заговорил бархатным громким голосом Аурек. — Тебя привели сюда умирать за преступления против дома Таллита, прошлого и настоящего. Твоя кровь — болезнь, твое существование — оскорбление. За это ты умрешь, а твое тело оставят гнить, как тело зверя, — он замолчал и подло посмотрел на меня, а потом встал, шагнул вперед и склонился к поручню, глядя на толпу.

— Вот ваша королева-пугало. Смотрите на эту марионетку, мираж спасения. Пародия на правителя, солома, набитая в старую одежду. Стоит и надеется отогнать ворон, — он сделал паузу. — Сегодня все закончится, — голос Аурека звенел над площадью. — Будьте верными мне, проявите уважение, и я вознагражу вас. Я был наследником величайшего королевства этого мира, я могу и дам все это вам. Богатство, процветание будут вашими. Земля, свободная от суеверий. Свободная от глупости. От слабости. Мы будем двигаться вперед вместе.

Он посмотрел на них, а потом кивнул Лифу.

Он опустил мою голову на подставку, я поддалась. Он нежно повернул мою голову, я не видела Аурека, и это тоже было добротой, он не позволит, чтобы последним я видела золотые глаза Аурека.

Королева-пугало. Всего лишь жертва, оставленная в поле, пытающаяся отогнать ворон.

— Лучше закрой глаза, — сказал Лиф.

— Нет, — может, я и жертва, но уже не трусиха. Я хотела видеть мир, покидая его.

Он вздохнул и нахмурился. Он склонился и крепче затянул узлы на моих запястьях. А потом он выпрямился.

Было больно смотреть в сторону, но я смотрела, как Лиф поднимает меч над головой. Он следил за лезвием, смотрел в небо, а потом направил взгляд вперед. Он замер, ожидая разрешения Аурика.

И он кивнул.

— Прости, — сказал Лиф.

Раздался свист, меч начал опускаться. Я не хотела, но закрыла глаза. Ничего не могла поделать.

Они открылись, когда я услышала вскрики, вопль гнева и стук за мной. Я вздрогнула и развернулась.

Лиф лежал на спине, ноги подогнулись под ним, огромный глаз смотрел в небо.

Из его груди торчала стрела.

Я развернулась и увидела Мерека на крыше дома торговца, лук был в его руке, он уже натягивал стрелу.

— Беги, — крикнул он и направил лук на Аурика.

Глава 26:

Я смотрела на Лифа, ожидая, что он пошевелится, издаст стон, моргнет. Я смотрела, темное пятно растекалось под ним, густая красная жидкость разливалась по деревянной платформе.

Но он не мог умереть. Мы уже так думали и ошиблись. Это же Лиф. Он...

Я подвинулась к нему, что-то ударило там, где я была, платформа содрогнулась, я почти упала. Я обернулась и увидела голема, безликого, безжизненного, поднимающего дубинку над головой, чтобы снова ударить. Я откатилась за миг до того, как она обрушилась на помост, в воздух отлетели щепки. Я отпрянула, голем замахнулся снова, а я двигалась, пока не упала с платформы на землю, рухнула на спину и лишилась дыхания.

На ужасный миг я не могла вдохнуть, не могла двигаться, даже слышать, а смотрела на облака, летящие вверх, грудь словно обрушилась. А потом я смогла вдохнуть, впустить воздух, и звуки вернулись. Рев, звон, крики. Я запаниковала. Я откатилась снова, под платформу, отчаянно пытаюсь развязать запястья. Я двигала пальцами, медленно и вяло из-за холода, и я ощутила, что к веревке что-то прикреплено, похожее на цилиндр. Мне нужно освободить руки, иначе мне конец.

За платформой двигались ноги, с этого угла было похоже на танец, пока пара ног не рухнула на землю, кровь полилась из его рта. Он потянулся с ножом в руках ко мне. А потом отпрянул, я увидела блеск лезвия, покидающего его спину. Я смотрела, как тускнеют его глаза, пока он умирал. Я подползла к нему, как червь, на животе, повернулась и забрала нож потными пальцами.

Я пилила путы на ощупь, не знала, режет ли нож веревку, все вокруг сражались. Я видела ноги големов, они двигались среди толпы, люди разбегались. Надо мной затрещал помост, что-то ударило его. Я запилила быстрее.

Наконец, веревка начала поддаваться, и я потянула с трепетом, веревка порвалась, мои

руки освободились. Я развернулась и схватила цилиндр, завернутый в бумагу. Пальцы дрожали, пока я разворачивала его.

Флакон с белой жидкостью.

Он был завернут в записку с моим детским почерком. В записке было: «Я люблю тебя».

Все пропало — борьба, крики, големы — пока я смотрела на то, что написала первым.

Он хранил записку все время. И во флаконе было Опус Мортем. Должно быть.

Но я видела, как он раздавил ногой две склянки. Я сама это видела.

Но один флакон мог остаться, он мог дать его мне в тайне, за миг до этого...

Я вспомнила, как он посмотрел в толпу и кивнул.

Он знал, что произойдет.

А потом дерево надо мной пропало, оторвалось с треском, на миг стало видно небо, а потом два голема потянулись в дыру, которую сделали. Я сунула флакон в корсет и схватила нож, избежала сокрушительного удара дубинкой. Их дубинки ударяли по дереву снова и снова, разрушая платформу, чтобы добраться до меня.

Я откатилась, мужчина в форме Аурека и с коротким мечом бросился на меня. Я обошла его, как меня научила Хоуп и задела спину, он закричал. Я пнула его по ногам, пока он еще был ошеломлен, и он упал на землю, ударился о рукоять моего ножа головой.

Когда я повернулась к помосту, тело Лифа пропало, я склонилась за упавшим мечом мужчины, которого отключила, и увидела силуэт под платформой. Это был он, упал, когда големы пробили дыры, пытаясь убить меня. При виде него, похожего на сломанную игрушку, мне стало сложно дышать, пока стрела не вонзилась в столбик на уровне моих глаз, напомнив мне, что идет сражение.

Я огляделась, пытаясь увидеть среди бойцов Аурека, который явно исчез, а потом Мерека, боясь, что не увижу и его. Площадь была объята сражением, люди в черной форме Спящего принца боролись с людьми в повседневной одежде с мечами, ножами, палками и всем, что было под рукой. Я узнавала лица в толпе: Хобб боролся с женщиной, поднял его и бросил в окно, Эма билась с другим стражем ножом для разделки мяса, ее лицо искажала ярость.

На другой стороне разрушенной платформы сражалась Хоуп, кружась как дerviш, в руках было по короткому мечу, она билась с тремя солдатами Аурека, скалясь. Я смотрела, а она взмахнула мечом, один из мужчин упал с разрезанным горлом. Остальные замешкали, Хоуп направилась к ним.

Ульрин напал на одного из големов, но даже он не мог сравниться по размеру и силе с глиняным созданием, он проигрывал. А потом со вспышкой зеленого появился Стуан с факелом, которым он ударил голема. Со вспышкой изумрудного огня голем запылал, кто-то принес огненную воду Эррин. Ульрин забрал дубинку из его рук и ударил голема по голове, обрушив его, как дерево.

Он встретился со мной взглядом и кивнул, а потом его глаза расширились, я инстинктивно пригнулась. Ветерок задел макушку, я развернулась, взмахнула мечом, и он впился в бедро солдата. Тот упал на землю, а я выпрямилась и пошла, но рука схватилась за подол моего платья и потянула.

Я рухнула и уронила меч, заслоняя лицо от земли. Я потянулась за ним, рука отпустила мое платье и потянула меня за лодыжку от ножа. Я перекатилась на спину, солдат пытался подтянуть меня к себе, чуть не залезая на меня при этом. Его глаза были дикими, он скалил зубы. Я села и ударила его по лицу, забыв держать большой палец вне кулака, застонав, когда

от удара пострадала и я.

Он не отпустил, пальцы впивались в ногу, я закричала, пытаюсь отбиться от него. Я схватилась за его волосы и потянула. Он ударил меня, задел челюсть. Мои зубы столкнулись, голова откинулась, но он отпустил, и я оказалась свободна. Когда я снова посмотрела на него, смаргивая звезды в глазах от удара, в его горле была стрела. Я огляделась, но не увидела стрелка. Я вскочила на ноги и схватила свой меч.

Как только он оказался в моей руке, двое солдат бросились ко мне, и я ощутила панику. Я плохо умела сражаться с двумя сразу. Я пятилась, вскинув меч, а они наступали.

И тут рядом появилась Ниа, ее кожа блестела от пота.

— Прости, что мы так долго, — сказала она. — Пришлось медлить.

— Просто сражайся, — выдохнула я, выбрала противника и бросилась на него. Время на разговор еще будет.

У нас не было особых навыков, но мы были наравне с владельцами магазинов, которых Аурек сделал стражами с помощью шантажа или уговоров. Вскоре они начали выдыхаться. Я собиралась ударить, но что-то попало по мне, правая сторона тела запылала болью. Я отлетела в воздух, рухнула плохо на спину. Я сразу же похлопала себя по груди, проверяя сохранность флякона. Я ощутила облегчение, он оказался целым.

Ниа закричала, как и мужчины. Голем атаковал всех подряд. Его дубинка разбила голову мужчины, с которым я сражалась, мгновенно убив его, его товарищ побежал прочь.

Ниа подбежала ко мне и попыталась поднять, но я закричала.

— Ребра, — выдохнула я, удар точно сломал не меньше двух. Ниа оглянулась через плечо и потянула меня, перед глазами все побелело.

— Вставай, — завизжала она, передала мне круглую зеленую бутылку. Я прикусила губу, встала, скуля от боли, и бросила бутылку в голема. Он не отбивался, огненная вода вылилась на голема.

— Сюда, — позвала она кого-то. Голем замахнулся на нас, появился Стуан. Он вручил мне факел, и я бросила его, хоть грудь и протестовала. Но все вышло, огненная вода вспыхнула так быстро, что голем за секунды побледнел и потрескался. Мы отпрянули, а он зашатался и взорвался пылью, накрыв всех нас.

Стуан улыбнулся мне.

— Так было, когда вы сделали это? — спросил он.

— Я меня не было огненной воды, — сказала я и выдавила улыбку в ответ.

— Осторожно! — закричала Ниа, солдат бросился вместо голема, она столкнулась с ним. Металл зазвенел о металл. — Прочь отсюда!

Стуан взял меня за руку и потянул к мрачному лабиринту переулков, уводящих с площади. Каждый шаг, каждый вдох жалил грудь кинжалом, но я прогоняла боль, боролась с головокружением, скрестила руки на груди. Как только мы ушли из гущи сражения, я остановила его для передышки.

— Где Мерек?

— Не знаю. Он должен был освободить Эррин.

— Должен был? Где она была?

— В клетке за вами. С кляпом. Думаю, он хотел, чтобы она видела вашу смерть.

— Мерек забрал ее?

Он покачал головой.

— Спящий принц пошел к ней. Он даже не пытался сражаться, прикрылся големами и

пошел за ней. Я не видел, что случилось потом, я пытался добраться до вас. Осторожно!

Мужчина бросился на меня слева. Я едва заметила три звезды на его груди, Стуан развернулся, потянулся через меня и пронзил его сердце.

— Спасибо.

Он пожал плечами и поднял меч мужчины, предложил его мне.

Я взяла его и поняла, что использовать не смогу. Он был бы слишком тяжелым, даже если бы я не была ранена. Я бросила его на землю.

Стуан посмотрел на меня и вытащил из-за пояса нож.

— Нельзя вам быть без оружия, — сказал он.

— И снова спасибо, — сказала я.

— Куда мы идем? — спросил он.

— За Ауреком, — ответила я.

— Вы знаете, где он?

Он мог уйти только в одно место. Только одно могло его сейчас спасти, и он пойдет туда.

— Замок, — сказала я. — Он пойдет за Сайласом.

Пора покончить с этим.

Стуан огляделся и кивнул

— Сейчас, — сказал он.

Было сложно двигаться из-за боли в груди и юбок, вскоре я остановила Стуана и обрезала подол платья, чтобы он не мешал. Я использовала часть ткани как перевязь на ребрах, и Стуан кивнул и помог мне завязать их.

— Погодите, — сказал он, сбросил плащ и отдал мне. — Не очень скроет, но...

— Спасибо, — сказала я в третий раз.

И мы поспешили, он впереди, я — за ним, выглядывая големов, солдат или лучников.

Даже так далеко от сражения мы сталкивались с мертвыми, ранеными, убитыми при побегах или преследовании. Я была ужасно рада, что не знаю никого из них.

— Расскажи, что случилось в пещерах, — сказала я, Стуан бежал, я спотыкалась, впереди возвышался замок Лормеры. — Кого потеряли?

— Брига, — тихо сказал он. — Трей. Серж. Линион.

Я подумала о женщине с теплым взглядом, попадавшей по всем мишеням из лука, о верных мужчинах, которые месяцами жили в горах, чтобы следить за детьми Лортуны. У Линиона там были племянники.

— Могло быть больше, если бы не вы.

— Что?

— Вы говорили с Мереком, и он догонял нас. При этом он заметил людей на пути к пещерам. Он понял, что это засада, и побежал предупредить нас. Мы остановились у озера и обрушились на них. Они не знали, что мы идем.

— А дети?

— В безопасности. Мы довели их до места встречи.

— А Лиф?

— А что он? — спросил Стуан.

Я покачала головой, все еще не уверенная в своих догадках.

— Ничего. Идем.

Когда мы добрались до главных ворот замка Лормеры, они были открыты, без стражи, я

впервые видела их такими, и мне стало не по себе. Тропа за ними вела в крепость, замок был темным, тихим и неподвижным. Здесь звуков борьбы не было слышно, а ночь словно выжидала. Хотела.

Мы со Стуаном переглянулись и пошли вперед.

Почти сразу из темноты вышли три голема без дубинок, но с опасными топорами. Они напали, отсутствие глаз не мешало им, они взмахивали топорами так быстро, что свистел воздух.

— Бегите, — завопил Стуан, бросаясь в сторону от них. — Я их задержу.

— Не глупи, — я тоже побежала, скользнула между ног ближайшего, скривилась, когда топор другого врезался в те ноги через секунды после того, как я отбежала. Поврежденный голем рухнул на землю, на обеих ногах не хватало кусков глины, но это его не остановило. Он впивался в землю и полз ко мне, безглазое лицо смотрело на меня, словно чувало.

— Идите, — кричал Стуан. — Я все сделаю, — он сделал так же, как я, привлек внимание голема и бросился к другому голему. Когда по голему попал топор, я послушалась и побежала в замок как можно быстрее. За мной было слышно, как вырываются куски земли, сломанный голем преследовал меня, но я не оглядывалась.

Я вошла в замок Лормеры одна, вооруженная ножом и последней склянкой Опус Мортема.

Глава 27:

В коридорах было почему-то холоднее, чем снаружи, и ужасно тихо. Ковры, постеленные давно для Хелевисы, были пыльными, облачка поднимались под ногами, пока я шла. С подоконников и незажженных канделябров свисали сосульки, стены были голыми и почерневшими от дыма. Замок, казалось, был заброшен веками.

В конце коридора я замерла, пытаясь выбрать, куда идти. Слева путь вел в разрушенную северную башню, напоминал черную пасть, я поежилась, глядя туда. Вряд ли Аурек ушел туда. Тогда где он?

Он забрал Эррин, чтобы управлять мной, это я знала. И ему нужен был рядом Сайлас. Но Сайласа не было в подземельях. Так сказал Лиф, и я ему верила. Где Аурек запер Сайласа после пожара?

Ноги пошли раньше, чем я поняла, куда они ведут меня.

Дверь в западную башню была открыта, я проскользнула туда, сердце колотилось о сломанные ребра. Я двигалась как призрак, безмолвно взбиралась по лестнице к моей бывшей тюрьме. Я замерла у старой комнаты стражей, прислушалась, ничего не уловила и пошла дальше.

Я поднималась по спиральной лестнице и увидела слабое сияние из своей старой комнаты, а потом голос Аурека потребовал, чтобы кто-то поторопился.

Я глубоко вдохнула, сжала флакон в руке и сделала последние три шага.

Аурек сразу обернулся, хотя я не шумела, и быстро схватил Эррин за горло, оттащив ее от кровати, где она ухаживала за Сайласом.

Он лежал неподвижно, я сразу заметила его ноги, кожа почернела и выглядела мертвой. Нигредо. Его глаза были закрыты на восковом лице, он слабо дышал.

— Твайла, — выдохнула Эррин, привлекая мое внимание к Ауреку, медленно идущему ко мне. В его руках была маленькая глиняная кукла.

Рядом с ним стояла Эррин, нож был прижат к ее сердцу.

Аурек посмотрел на свои ладони, а потом на мои, я сжимала флакон.

— Меняемся? — спросил он, губы изогнула улыбка.

Я молчала и пыталась придумать, как забрать Эррин.

— Отдай флакон, или я заставлю ее убить себя, — голос Аурека был ровным и приятным, он остановился у комода.

— Нет, — сказала Эррин. — Нет.

Я посмотрела на Аурека, он склонил голову и следил за мной из-под белых ресниц.

— Ты должна умереть, Твайла, — сказал он. — Ты это знаешь. А Эррин нет. В этом симулякре кусочек бумаги. Он приказывает ей прижимать нож к груди и вонзить его по моему приказу. Отдай флакон, и я уберу приказ.

— Не слушай его. Он все равно убьет меня, — всхлипнула Эррин.

Аурек взмахнул рукой и ударил Эррин. Ее голова отдернулась, ударилась о стену с ужасным треском, но она не упала. К моему ужасу, она осталась на ногах, выпрямилась, нож не дрогнул у ее сердца.

— Сильнее, — приказал Аурек.

Она заскулила и надавила ножом на платье. Я видела, как собирается и рвется ткань, как она темнеет от крови, когда нож пронзил кожу. Туда же капала кровь из ее носа, я посмотрела на нее и увидела отчаяние в ее глазах.

— Ты слышала, что я сказал там, — заговорил Аурек вполголоса, глядя на меня. — Кто ты. И какой всегда была.

— Королева-пугало, — ответила я.

— Именно. Марионетка без власти. Чучело.

— Что тогда ты? — спросила я. — Ископаемое. Воспоминание из прошедшей эры. Эхо давно умершего мира.

Его губы уже не улыбались, уголки опустились, портя его идеальное лицо.

— Лиф предал тебя, — сказала я, краем глаза замечая, что рот Эррин открылся, она на миг забыла о ноже в руке.

— Не важно, — сказал Аурек, но нахмурился, что перечило его словам. — Все всегда сводилось к тебе и мне.

Он посмотрел на Эррин.

— Пронзи себя. В сердце, — добавил он, словно додумал.

— Нет! — завопила я, она отодвинула нож.

Я бросилась на нее, сбила на пол, нож отлетел под кровать. Она отбросила меня, поползла за ним по полу, а его рука впиалась в мои волосы и потянула. Я инстинктивно потянулась, чтобы остановить его, он другой рукой выхватил у меня флакон и бросил меня на пол.

Я подняла голову, а Аурек поднес флакон к свету.

— Мое, — сказал он.

Раздался шорох, стрела пронзила его руку, словно по волшебству.

Он уронил флакон, и я потянулась, чтобы поймать его, как в горах с Эррин.

Аурек взвыл, его вопль заполнил комнату, он повернулся, чтобы увидеть, кто подстрелил его.

Мерек стоял на пороге.

— Это моя корона, — сказал он.

Аурек раскрыл рот.

— Ты.

И я напала.

Я вскочила на ноги и сунула флакон, стекло и содержимое, в его открытый рот.

Используя весь свой вес, я толкнула его, надавила ладонью на подбородок, чтобы его рот закрылся. Я слышала хруст стекла, он попытался открыть рот, впился в мои волосы, пытался задеть глаза, кровь бурлила в уголках его рта.

Я слышала борьбу позади, Мерек, наверное, прижимал Эррин к полу, металл ударился об пол и что-то еще, но я не видела. Аурек боролся, толкал меня, и я позволила ему немного свободы, а потом прижала его к стене.

Его глаза наполнились недоверием, он возобновил борьбу, но становился слабее, хоть и царапал мое лицо и бился ногами. Я чувствовала порезы, но не отпускала, прижимая его, удерживая его рот и нос, пока он не сглотнул.

Он сразу застыл, глаза закатились, и он обмяк, я пошатнулась под его весом. Он рухнул на меня, и я оттолкнула его, выдохнув с болью, корона упала с его головы и укатилась под кровать.

Он упал со стуком, глаза закрылись, лицо замерло.

Я посмотрела на Эррин, она еще боролась с Мереком.

Я подошла, ее тело обезумело, пытаюсь добраться до меня, но я избежала ее хватки и забрала меч из ножен на поясе Мерека.

Я посмотрела на Спящего принца, теперь уже спящего, и на миг задумалась, смогу ли оставить его таким. Отправить куда-то далеко.

Но один взгляд на человека без сознания на кровати и звук всхлипов подруга в руках Мерека, пытающейся исполнить его последний приказ, направили меня.

Я подняла меч над головой, чувствуя боль в ребрах.

А потом опустила его, отрубая голову Спящего принца одним ударом, это оказалось проще, чем я думала. Из раны не потекла кровь, порез был чистым, словно он был одним из своих големов. Словно он давно умер. Пока я смотрела, он начал разваливаться, кожа стала тонкой, похожей на бумагу.

Эррин обмякла в руках Мерека, я бросила меч на пол и протянула руки к ней. Она бросилась в мои объятия, как только Мерек отпустил ее, мы опустились на пол у трупа Спящего принца. Эррин сжала меня, я вскрикнула.

— Ты ранена? — спросила она, отодвинулась, разглядывая меня.

— Сломала ребра, — сказала я. — А ты? — я посмотрела на ее грудь.

— Поверхностная рана.

Она вспомнила про Сайласа. Она тут же бросилась от меня к нему, села рядом и погладила белые волосы.

Передо мной появилась рука Мерека, он поднял меня, обхватил рукой и помог дохромать до кровати.

— Я могу позаботиться о нем, — сказала Эррин, глядя на нас со слезами на глазах. — Не страшно. Я долго заботилась о маме. Я смогу заботиться о них, если нужно.

— Нет, — прошептал с кровати Сайлас.

— Ты проснулся, — голос Эррин задрожал, я смотрела, как она сглотнула, поджав губы,

а потом заговорила. — Нет смысла спорить, я так решила. Все будет хорошо.

Он открыл свои золотые глаза, я с потрясением увидела, какие они бледные, лишённые яркости.

— Прошу, Эррин. Просто убей меня.

— Не говори так.

— Я не смогу так жить, — сказал он.

— А я не могу тебя потерять.

Он попытался поднять руку к ней, но не сдвинул дальше, чем на дюйм от кровати. Рука упала, и он вздохнул. Лицо Эррин исказилось, она рухнула, прижавшись к его груди. Сайлас посмотрел на нас.

— Прошу, — выдохнул он.

Мерек взял меня за руку, я смотрела в глаза Сайласа.

Разве нет какого-то способа, противоядия...

Плечи Эррин беззвучно дрожали, ее ладонь нашла ладонь Сайласа, белые пальцы переплелись с его черными. Было не честно, что он так страдал, чтобы создать то, что останавливало страдания других. Но, как и сказала Эррин, у всего была противоположность, и...

— Погодите...

Все посмотрели на меня.

— Опус Мортем — перевернутое Опус Магнум, да?

Мерек кивнул, а потом нахмурился.

— Моя кровь, добавленная в Опус Мортем, сделала зелье смертельным для Аурика.

Эррин смотрела на меня с нечитаемым выражением лица. Она кивнула.

— Значит кровь, моя кровь, противоположна крови зельеварщика? Они отменяют друг друга?

Эррин села, все внимание было направлено на меня.

— Что будет, если я добавлю кровь к Опус Магнуму?

Мерек напрягся рядом со мной.

Сайлас на кровати открыл глаза шире.

— Я и думал, что ты выглядишь иначе, — сказал он. — Ты проклята.

Я кивнула.

— Тогда добавление крови к Опус Мортему проклянет тебя еще сильнее, — он опустил взгляд на свои ноги, а потом посмотрел на меня, словно доказывал свои слова.

Я не слушала его и повернулась к Эррин.

— Помоги мне понять. Моя кровь плюс Опус Мортем одолели Эликсир. А моя кровь с противоположным ему Опус Магнумом создаст новый Эликсир, — я посмотрела на Сайласа. — Тот, что может сработать на тебе.

— Ты этого не знаешь, — сказал Мерек.

— Она права, — возразила Эррин.

— Я знаю, что тебе так хочется, — ответил Мерек.

— Это того не стоит, — сказал Сайлас. — Он смотрел на меня, на мои волосы и глаза. — Ты не знаешь, что пострадает следующим.

— Всего раз, — сказала я.

— Этого хватит.

— Послушай его, — вмешался Мерек, повернул меня к себе, обхватил мои плечи. —

Знаю, ты хочешь помочь, но...

— Флакон Опус Магнума, что ты сделал, у тебя? — спросила я.

Он помрачнел и покачал головой.

Я стряхнула его руки с плеч и вытянула свою руку.

Он посмотрел на Эррин с негодующим видом. А потом выражение лица смягчилось, он склонил голову и вытащил флакон из кармана на поясе. Он безмолвно отдал его мне.

Я огляделась в поисках того, что может порезать меня, и увидела меч, которым обезглавила Аурика. Я резко вдохнула, увидев, что тела Аурика нет. На миг я подумала, что он снова воскрес. А потом увидела силуэт из пыли, труп Аурика рассыпался, стал пылью, как и должен был за пятьсот лет. Я повернулась и заметила нож Эррин к углу комнаты.

— погоди, — сказал Сайлас, я подобрала нож. — Ты не должна делать это.

— Знаю.

Он кивнул и посмотрел на Эррин.

— Если это не сработает, я не хочу больше жить. Прошу. Знаю, я многого прошу, но я не хочу такую жизнь. Я не хочу... — он замолчал. — Последние несколько месяцев я был здесь, в этой кровати, он пускал мою кровь, когда хотел. Без контроля. Без выбора. Если бы это была лишь слабость, то... все было бы иначе. Я бы смог жить без ног. Но я не могу жить и думать, что будет, если кто-то найдет меня таким и заберет для использования себе. Я не хочу, чтобы меня снова использовали. Я не хочу жить, зная, что это возможно, что тело мне не принадлежит, — он посмотрел мне в глаза. — Ты меня понимаешь. Обещай.

— Обещаю, — сказала я.

Я открыла флакон, порезала левый большой палец и добавила каплю крови к Опус Магнуму. Зелье стало ярко-красным, Мерек присвистнул. Эррин и Сайлас смотрели на меня.

Я опустила взгляд.

— Что на этот раз? — я повернулась к зеркалу и уловила краем глаза что-то кроваво-красное. — О, — выдохнула я, поймав прядь волос. Красные. Не рыжие, как раньше, а алые, неестественные.

Я посмотрела на Мерека, он широко улыбнулся.

— Твои глаза тоже красные.

— Как?

Он пожал плечами.

— Откуда мне знать?

Я посмотрела на Сайласа и Эррин.

Глаза Эррин были огромными, были полны надежды. Она смотрела на флакон в моей руке. Я медленно выдохнула и передала его ей. Она осторожно подняла голову Сайласа, чтобы он смог проглотить жидкость. Он выпил зелье, мы смотрели на него, пытаюсь заметить эффект.

Мы смотрели, а омертвление его кожи начал пропадать.

Эррин зарыдала, всхлипывая громко, как от боли. Она уткнулась лицом в его грудь, прижалась к нему. Когда Сайлас поднял здоровую руку и прижал ладонь к ее голове, она издала звук, схожий с воем, и бросилась к нему.

Он попытался сесть, и они поцеловались абсолютно раскованно. Она прижала его к кровати, обвив ногами его пояс, он обнял ее руками, целуя так, словно тонул. Она тихо застонала, я ощутила жар на своей коже и опустила взгляд.

Я с удивлением увидела свою ладонь в руке Мерека, я не заметила, как это случилось.

Он легонько жжал руку, а потом склонился и поднял корону. Свою корону. А потом он вывел меня из комнаты, я закрыла за собой дверь.

Мы шли по лестнице в тишине, потом по коридорам, тусклым из-за сумерек. Как мог пройти целый день? Неужели всего день?

Шаги приближались к нам, и Мерек заслонил меня собой. На его лице была паника, но она пропала, когда к нам подбежали Хоуп, Кирин, Стуан и Ниа, держащая за руку беловолосую женщину из Конклава. Ката была живой и свободной.

— У нее сломаны ребра, — крикнул Мерек, они резко остановились, и я рассмеялась и вскрикнула от боли в ребрах.

— Спящий принц? — спросила Хоуп.

— Умер, — сказала я.

Хоуп широко улыбнулась и обхватила мое лицо.

— Молодец, девочка. Молодец.

— Эррин в порядке?

— Она в порядке. Она с Сайласом. В западной башне.

Хоуп опустила руку и собралась идти туда, но Мерек остановил ее.

— Я бы дал им время на воссоединение, — вежливо сказал он, рот Хоуп раскрылся. Ниа и Ката хихикали за ее спиной.

— Вы нашли алхимиков? — сказала я Ние.

— Мы победили, стоило пасть големам, — ответила она. — Мы заставили стража рассказать, где держат алхимиков, и пошли освобождать их, — она улыбнулась жене, та просияла в ответ. — Но остались те, кого держат аристократы Лормеры... — нахмурилась Ниа.

— Другие города уже восстали, — сказал Мерек. — Мы можем отправить им поддержку. Выживших аристократов привести в замок на суд. Послать гонцов, чтобы детей привели домой. Узнать, что нужно восстановить. Начать заново.

— Твои глаза снова изменились, — сказала Ниа. — Так лучше, чем белые. Но все равно жутко.

— Прекрасные, как по мне, — сказала Ката, ее золотые глаза сияли, мы улыбнулись друг другу.

— Почему бы вам не пойти в главный зал? — сказал Мерек. — Дальше по коридору, налево, а потом направо. Мы скоро придем.

Стуан поклонился ему, Кирин подмигнул мне, они впятером пошли выполнять его приказ. Мерек потянул меня за руку и вывел из замка, пока мы не оказались на вершине лестницы, ведущей вниз, за территорию замка.

Поднялся ветер, отбросил волосы мне на лицо. Я пригладила их, глядя на алые пряди. Я поймала несколько прядей, чтобы рассмотреть.

— Рубедо, — сказал Мерек. Я посмотрела на него, его кожа была почти такого же оттенка, как мои волосы. — Так нужно назвать твое проклятие.

— Почему?

— Все логично, — Мерек потер шею, не глядя мне в глаза. — Как Нигредо, но Рубедо. Красные. Я решил, что белое проклятие будет Альбедо.

— Когда ты это решил?

— Когда ты игнорировала меня в общине.

— Рубедо, — сказала я. Проклятие моей крови.

В сумерках Лортуна вдали казалась мирной, хотя все было не так. Магазины и дома были разрушены, кровь и тела усеивали улицы. Где-то на площади лежало тело Лифа, я не хотела оставлять его воронам. Он заслужил попасть в мавзолей семьи, лежать с ними.

— Что случилось? — спросила я. — С Лифом? Он помог нам? Я видела, как он кивнул перед...

Мерек на миг помрачнел, а потом порылся в кармане.

— Лучше прочитай сама, — сказал он и отдал мне маленький кусочек пергамента.

«У меня не было выбора», — начиналось послание. Обращения не было.

«У меня не было выбора. Имилла рассказала ему, что вы были там. Я сделаю все, чтобы защитить Эррин, но не могу защитить Твайлу. Он хочет казнить ее, хочет, чтобы это сделал я. Это будет завтра. В полдень. Люди на Западных воротах Лортуны на стороне Восхода, как и переплетчик книг, чей магазин на площади. Соберитесь там до рассвета и ждите. Сделайте то, что нужно. Скажите Эррин, что я все исправил. И что она была права, меня растили для добра. Я пытаюсь быть лучше. Скажите, что я люблю ее, передайте это же маме. И скажите Твайле, что мне жаль».

И все.

Я посмотрела на Мерека, он пристально смотрел на меня.

— И все? — я подняла пергамент.

— Да. Я нашел его в лаборатории Эррин.

— Потому вы были там и ждали. Потому ты выстрелил в него.

— Я бы в любом случае выстрелил, чтобы спасти тебя, — сказал Мерек. — Но... да. Это он подразумевал под «сделайте то, что нужно». Он был готов платить любую цену.

— Значит, он все-таки был на нашей стороне? Как думаешь?

— Думаю, он о многом сожалел, — медленно сказал Мерек. — С самого начала. Думаю, он переоценил свой ум, а когда понял, что завяз глубоко, было слишком поздно, и он сделал все, что мог, чтобы очистить совесть, не рискуя собой или матерью.

Типичный Лиф. Я вздохнула и обхватила себя руками.

— Он не рассказал Ауреку, что я жив и работал слугой в замке, — продолжил Мерек. — Он рассказал нам, как выбраться из Лортуны. Он отказывался от Эликсира. Он дал нам рецепт Опус Магнума. Кто знает, что еще он сделал, тихо вредя Ауреку.

— Это не искупает его вину за все содеянное перед теми, кого он ранил.

— Может, нет. Но он пытался, хоть и по-своему.

Я подумала обо всем, что мы с Лифом прошли вместе: как он прибыл в замок. Мы вместе, его предательство. Его союз с Ауреком. Теперь я и не узнаю правду о нем. Может, на Королевской дороге он пытался дать мне сбежать, а не ранить. Может, он ударил меня в общине, чтобы я не боролась и не поранилась. Он отдал мне Опус Мортем вместе с моей запиской ему. Он сознательно отдал жизнь, помогая нам. Но никто не знал правду, он умер как злодей.

Я вздохнула и посмотрела на город.

— Так много нужно сделать, — тихо сказала я, не зная, что говорю вслух, пока Мерек не кивнул. — А еще Шаргат, Монкхэм, Хага. Всю страну нужно восстановить. Не знаю, с чего ты начнешь.

Мерек отпустил мою руку и встал передо мной.

— Твайла, — сказал он, но я покачала головой.

Я знала, что он собирается сказать, я и не знала, готова ли к этому. Я все еще не знала,

чего хотела. Меня влекло к нему, да. Но я не была готова стать его женой. Чьей-то женой. Может, я никогда и не стану.

— Я говорил, что Лормере нужна такая королева, как ты, — начал он.

— Королева-пугало, как сказал Аурек, — парировала я. — Марионетка. Я не могу быть королевой.

— Должна. Ею всегда должна была стать ты.

— Мерек, я не готова к браку.

Мерек нахмурился.

— Кто говорил о браке?

Я уставилась на него.

— Но ты сказал...

— Что ты королева, которая нужна Лормере. Не *моя* королева.

— Я... не понимаю.

— Технически я отдал трон Ауреку, скрывшись. Я отрекся от него. Ты убила его. Так что ты — королева по праву, — он протянул мне корону. — Ты выиграла трон. Он твой.

Мое сердце колотилось, как барабан, о ребра, но я не обращала внимания на боль.

— Но ты — принц... король.

— Больше нет, — улыбнулся он. — Твайла, ты училась быть королевой с тринадцати. До этого ты готовилась посвятить жизнь забираанию грехов с каждого в этой стране. За последние четыре месяца ты подняла и повела армию на войну. Ты подходишь для этого. Только ты и подходишь.

— Я не знаю, как править. А если я не хочу?

Он издал смешок.

— Помнишь ту ночь в моей комнате в общине? Я спрашивал, что ты будешь делать, когда я верну корону, потому что я не знал. А ты знала. У тебя уже был план для Лормеры, для всех нас, — я открыла рот, чтобы возразить, ведь то было другое, было в теории, но он вскинул руку и остановил меня. — И ты не хочешь править? Правда? Потому что в общине, когда кто-то называл меня королем, ты делала такое лицо, — его взгляд стал каменным, губы сжались в мрачную линию.

— Нет, — я посмотрела на корону в его ладонях.

Когда я встретилась с ним взглядом, он улыбнулся.

— О, да. Может, ты этого не понимала, но я это видел. И ты одолела двух монархов, чтобы сесть на этот трон. Я не буду бороться с тобой.

— Замок разрушен, — глупо сказала я.

— Тогда построй новый. У тебя есть совет. Хоуп, Ниа, Кирин, Сайлас, Стуан. Ты не останешься одна.

— Половина из них из Трегеллана. Этого не сделать.

— Твайла... ты хочешь быть королевой? — мягко спросил он.

Я смотрела на золотую корону, висящую на кончиках его пальцев, и думала о том, что это значит. Не только для меня, но для всех в Лормере. То, что я могу сделать... Какой станет страна.

— Да, — сказала я уверенным тоном. — Хочу.

И он протянул мне корону. Я приняла ее.

Она была холодной, легче, чем я ожидала. Почему-то я думала, что она тяжелая. Я пригляделась и увидела, что она поцарапана, с одной стороны надбита. Я потеряла большим

пальцем вдадинку и посмотрела на Мерека.

— А как же ты?

— Попрошу Эррин взять меня в ученики, — сказал он. — Я хочу быть аптекарем. И изучать алхимию, даже если я не смогу исполнять ее, я могу знать теорию. Я бы хотел изучить тексты, которые скрывали трегеллианцы. Я потом подам тебе петицию о постройке школы медицины. Или двух школ. И я был бы не против места в совете, если я тебе нужен.

Он нежно забрал корону из моих рук и опустил на мою голову. Она была большой и съехала так, что ее остановили только уши.

— Кирин был кузнецом, — сказал он. — Он поправит ее для тебя. Может, сделает изящнее.

Я рассмеялась, ведь это было бредом. Он шутил.

Мерек Белмис опустился на колени.

— Я предлагаю свою верность, Ваше величество. Я клянусь служить и защищать вас, как самый верный подданный, пока не умру.

— Встань, — сказала я, голос прозвучал высоко.

Он встал, обхватил мою ладонь и поцеловал ее.

— Я люблю тебя, — просто сказал он. — Всегда любил. Всегда буду. Но я и твой друг. Что бы ты ни решила насчет будущего. Даже если решишь править одна. Даже если сбежишь со Стуаном.

Я рассмеялась снова, но закончилось это всхлипом.

— Ты станешь прекрасной королевой, — сказал Мерек, вытирая мои слезы. Он снова поцеловал мою ладонь и ушел в замок, оставив меня одну.

Я смотрела на замок, почерневший и грязный. Темное, ужасное место. Камни были пропитаны печалью. Я решила, что сравняю его с землей. Начну заново. Построю все с нуля.

На это уйдет время. Замки стоятся годами. Страны могут приходиться в себя десятки лет. Нужно многое сделать.

Но у меня было время.

Я поправила корону, отклонив ее, чтобы она была под углом.

У меня было время.

Благодарности

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Огромное спасибо моему агенту, Клэр Уилсон. Писать порой страшно и одиноко. Но мне повезло, Клэр отсекала все невозможное и делала все достижимым. И я уверена, что она пригодилась бы при зомби-апокалипсисе.

Большое спасибо всем в Scholastic UK; особенно, редактору Женевьеве Герр. Был невероятно классно создавать этот мир с тобой. Спасибо за советы, терпение и опыт. И комментарии при правке.

Спасибо Джейми Грегори за красивую обложку. Надеюсь, и мои истории когда-то оживут в его работах.

Сообщество YA — в сети и вне ее — стало за три года прекрасными помощниками. Я не знаю, что делала бы без Сары Барнард, Холи Бурнэ, Алексии Касалэ и С.Дж. Доэрти. Без них я бы сошла с ума. И я благодарна Кэтрин Дойл, Кэти Веббер, Саманте Шэннон, Лауре

Ив, Элвин Гамильтон, Анне Джеймс, Нине Дуглас, Лей Бардуго, Люси Саксон и Люси Лапински за веселье и поддержку весь год. Спасибо Эмили. Я уже не буду вампиром, не переживай.

Спасибо всем, кто был невероятен, пока я писала «Королеву-пугало»: Софии Рейнольдс, Денис Штраус, Эмма Джерард, Лизи Эванс, Майки Беддарт, Нейл Берд, Лора Хьюз, Ада Рив, мой брат Стивен, тетя Пенни, дядя Эдди и его семья, сестра Келли, тетя Кэт и дядя Пол. Я всех вас очень люблю.

Я нашла прекрасных читателей, пока писала эту серию, и они радуют каждый день в Твиттере комментариями, рисунками, фотографиями и своим существованием. Спасибо, что покупаете мои книги и любите мои истории, что постоянно поддерживаете. Надеюсь, вам понравилась «Королева-пугало». Спасибо, что были до конца, надеюсь, вы будете читать и другие мои книги.

Отдельное спасибо моей бабушке, Флоренс Мэй Кирнан. Спасибо за все. Она так и не узнала, что я написала книгу, еще и трилогию. Но она бы очень гордилась. Особенно, потому что там есть растения и яды.

Прим. переводчика:

Нигредо, цитринитас, альбеде и рубедо — стадии создания философского камня

Магнум опус — Великое делание, сам процесс создания философского камня